

Слава Курилов

ОДИН В ОКЕАНЕ

По профессии — океанограф, по натуре — романтик, по призванию — гражданин Вселенной, Слава Курилов был в Советском Союзе объявлен невыездным, но смириться с этим не пожелал. В декабре 1974 года он бежал с туристского лайнера «Советский Союз» вблизи Филиппин. Без еды и питья, без морского снаряжения, оснащенный лишь маской, ластами и трубкой, он проплыл до филиппинского берега около ста километров, проводя в океане почти трое суток. О его пути к свободе эта книга, написанная им самим и увидевшая свет после его смерти.

© Курилов, наследники, 2004

[Аксёнов В. Предисловие](#)

[Побег](#)

[Генделева-Курилова. Отступая от текста](#)

[Поиск пути](#)

[Море](#)

[Бог](#)

[Йога](#)

[Послесловие](#)

[Генделева-Курилова. Отступая от текста](#)

[Рассказы](#)

[Город детства](#)

[Служу Советскому Союзу!](#)

[Аркадия](#)

[Ночь и море](#)

[Игнатова Е. Очарованный странник](#)

[Генделева-Курилова. Из интервью](#)

[Географические карты, фотографии](#)

Елена Генделева-Курилова выражает сердечную признательность Анатолию Викторовичу Майеру, Татьяне Кунец, Александру Борисовичу Королеву, Алику Амушукели за помощь и поддержку при составлении книги

Предисловие

Когда иной раз в споре начинают говорить о том, что русские перед большевиками вечно праздновали труса, я вспоминаю погибшего несколько лет назад океанографа и писателя Славу Курилова. Уж он-то безусловно принадлежал к малому племени смельчаков, державшему против подлой власти. Прыжок в бескрайний океан с кормы огромного советского парохода, трехдневный заплыв в воде, кишашей просоветскими акулами, в сторону неведомых Филиппин; кто еще мог такое сотворить, если не русский интеллигент, спортсмен и йог Слава Курилов?

В конце 80-х я состоял членом совета при американском Фонде имени Роберта Кеннеди, который ежегодно награждал разноплеменных борцов за права человека. Несколько раз я выставял различных российских правозащитников, однако ни один из моих кандидатов не подошел по каким-то неведомым параметрам политической корректности. Однажды пришла в голову идея выставить на соискание этой премии двух российских мужчин, проявивших в этой борьбе не только нравственное, но и исключительное (если не фантастическое) физическое мужество. Речь шла о воспетом Хвостенко скульпторе Олеге Соханевиче, переплывшем на надувном матрасе Черное море, и о Славе Курилове, который трое суток плыл в Тихом океане, чтобы почувствовать под собой не-советскую почву, и позднее написал удивительную книгу о гигантской массе воды и об одиноком человеческом существе, обратившем свое бегство в победу.

Увы, ни тот, ни другой не были удостоены. Премию в тот год получила Винни Мандела. На заключительном приеме любопытно было наблюдать криминальную даму в обществе американских либералов.

Слава Курилов был человеком не премиального, но уникального племени. Всю жизнь такие люди проводят в поисках опасностей, ну а опасности сами жадно выискивают этот народ. Уже добравшись в прямом и переносном смысле до твердой почвы и получив канадский паспорт, он отправился в отпуск, но не в Майами и не на Гавайи, а в Богом забытый Белиз (Британский Гондурас). В детстве, небось, этот Слава, как и подобает «русскому мальчику», был филателистом; отсюда и тяга к Британскому Гондурасу.

Даже такое невинное дело с рук ему просто так не сошло. Какая-то банда местных мафиози вычислила в нем богача-янки, похитила и потребовала выкуп. Пришлось Курилову каким-то несусветным образом самому выбираться из белизовского «зиндана». Так уж все устроено для тех, кто «ищет бури», то есть для современных байронитов.

В каком-то смысле он воплощал в себе одновременно и гумилевского читателя, и его же героя, бросающего вызов судьбе. Так и погиб он в этом образе, насколько мне известно, во время спасательной операции на озере Кинерет, по водам коего ходил Иисус. Остается только жалеть, что не привелось встретиться и поговорить о делах пролетающих лет и о «преданьях старины глубокой».

Русской интеллигенции не след забывать своих героев: их не так много. Тот, кто прочтет эту книгу, никогда не забудет страниц, в которых Слава Курилов, покрывшийся за три дня и три ночи одинокого плавания светящимися микроорганизмами, скользит в тихоокеанской ночи, каждым своим движением поднимая ворохи огня; вот он, образ вечного мятежника!

В. Аксенов

Побег

Очень трудно в наше время высказывать свое мнение. На него тут же начинают нападать и топтать ногами. Я знаю заранее,

что очень многие с ним не согласятся. Мне приходится защищать его, прикрывать обеими руками вместо того, чтобы показать со всех сторон. Для меня же чужое оригинальное мнение то же, что живое растение.

Пишу так, как хочу. Для себя. Десять человек всегда это прочтут.

...Я посмотрел на часы: времени оставалось совсем немного. Было так хорошо сидеть среди друзей и ни о чем не думать.

— Пора, — велел я себе. — Лайнер у северной оконечности острова. У тебя есть полчаса.

Я встал из-за стола.

— Куда же ты! Посиди с нами!

Мне не хотелось придумывать какую-нибудь ложь в такой важный для себя момент.

— Я не скоро вернусь, — сказал я тихо, но внятно и пошел к выходу, не дожидаясь дальнейших расспросов.

Через полчаса, когда лайнер будет проходить возле острова Сиаргао, я шагну через борт, через границу государства.

Я поднялся на верхний мостик и стал всматриваться в горизонт на западе. Никаких огней. Нет луны. Нет звезд. И у меня нет компаса.

— Не все ли равно теперь! — подумал я. — Жребий брошен.

Я вернулся в каюту сделать последние приготовления. Надел короткую майку, узкие шорты, чтобы не мешала ни одна складка, несколько пар носков, необходимых на острых рифах, на шею повязал платок, на случай, если придется перевязать рану. Мысль о спасательном жилете я отбросил сразу — он бы сильно замедлял плавание, да я и не решился бы пронести его на корму. У меня был амулет. Я сделал его сам еще в Ленинграде по способу, взятому из «Книги царя Соломона», переведенной неизвестно кем и попавшей ко мне из самиздата. Он должен был хранить меня от акул и других опасностей, но его действие ограничивалось только одними сутками.

Письмо или записку я не мог оставить: ее могли прочесть до того, как я появлюсь на корме.

Я присел на койку. С этой минуты я, слабый человек, бросаю вызов государству. В моей жизни никогда не было момента, равного этому по важности.

Я попросил у Бога удачи — и сделал свой первый шаг в неизвестность.

Помню улицу в маленьком провинциальном городе, дом и комнату, где я обычно сидел за столом и неохотно делал уроки. За окном, через улицу, я всегда видел высокий серый забор. Иногда на нем сидела кошка — ей так же, как и мне, хотелось видеть, что там, за забором. Мне приходилось смотреть на него каждый раз, когда я поднимал голову от книг. Я ненавидел этот серый забор, потому что он стоял между мной и тем загадочным внешним миром. Иногда мне удавалось смыть его усилием воли. Я мысленно представлял себе большие океанские волны, и они, накатываясь, постепенно сносили его начисто. Передо мной открывались неведомые дали — тихие лагуны тропических островов с пальмами на берегу, одинокий парусник вдаль у горизонта и необъятный простор океана. Но когда я уставал мечтать и приходил в себя, я видел перед собой снова неумолимый серый забор...

В тот день, когда мне уже в который раз отказали в визе для работы на океанографических судах дальнего плавания, мое терпение закончилось. Обычно мне отказывали без указания причин. На этот раз в моем личном деле была приписка-приговор: «Товарищу Курилову — посещение капиталистических государств считаем нецелесообразным». Меня как будто ужалили. Все во мне взвилось на дыбы. Это уже конечно безнадежно! Пожизненное заключение без малейшей надежды на свободу!

Вот тогда-то у меня пропал всякий страх. Очень странно, но на какое-то время я стал свободным. Никакие патриотические обязательства меня больше не связывали. Я почувствовал себя пленником в этой стране, а ведь только святой может любить свою тюрьму. Невозможно смириться с тем, что, родившись на этой чудесной голубой планете, ты пожизненно заперт в коммунистическом государстве ради каких-то глупых идей.

Выход был один — бежать. Куда угодно, но только бежать прочь.

Какое это удивительное состояние, когда нет больше страха. Хотелось выйти на площадь и расхохотаться перед всем миром. Я был готов на самые безумные действия.

И вот однажды, в один грустный, пасмурный день, я прочел в газете объявление, что через месяц большой пассажирский лайнер идет к экватору с туристами на борту. Никаких виз не требовалось: в течение двадцати дней лайнер будет находиться в открытом океане без заходов в иностранные порты. Круз назывался «Из зимы в лето», место сбора туристов — Владивосток.

Шел ноябрь 1974 года.

У меня было несколько дней на размышление.

Во мне проснулась бешеная радость. Я побываю в тропиках! Мне предлагают билет на другую планету. Я сразу понял, что его нужно брать только в одну сторону. Ни о каком возвращении не может быть и речи. Мне нельзя показывать тропики. Я чувствовал себя диким зверем, которого собрались в последний раз повести на цепи в его родные джунгли и затем уже навсегда засадить в клетку. Я понимал это всем своим существом и чувствовал, что нужно отказаться от путешествия. Я не смогу вернуться, я не смогу больше быть рабом на галере.

У Стефана Цвейга есть рассказ «Неповторимое мгновение»: в жизни каждого человека существуют мгновения, которым он должен подчиниться. Если же он упустит это свое мгновение, его ждет долгая бесцветная жизнь, прежде чем он будет награжден новым. Мне тут же вспомнился тот рассказ, и в моей душе начался бесконечный диалог с дьяволом-искусителем.

— Твои мечты могут осуществиться, — шептал мне дьявол. — Решайся, это твой единственный шанс. Разве ты не мечтал побывать в тропиках! Разве ты не восхищался дерзкими побегами из тюрем! Разве не завидовал искателям приключений, не хотел оказаться на их месте — на волосок от гибели, на тонущем судне, в открытом океане! Беги и испытай все сам! Ты будешь смотреть в лицо смерти и узнаешь сокровенные тайны жизни. Ты постигнешь таинство действия — разве этим все не окупится! Я покажу тебе красоту настоящего, красоту мгновения без прошлого и будущего. Ты узнаешь вдохновение побега, ты познаешь красоту мира, ты увидишь океанский прибой, почувствуешь дыхание пассатов и запахи джунглей. Нет? Хочешь отсидеться в тихом углу у телевизора? Но я не дам тебе сидеть спокойно, я заставлю тебя мечтать снова и снова. Подумай, ты никогда не простишь себе этого отказа. Решайся! Только отчаянным все удастся.

Я все еще колебался.

— Ах, какие там грозы, какие тайфуны! — вкрадчиво шепнул он.

— Тайфуны, — вздохнул я. Он знал, чем меня пронять. Я понял, что переспорить его мне не по силам.

Я не предполагал, что само принятие решения — уже действие. Раньше меня мучило желание увидеть то, что за горизонтом, в южных морях, на тропических островах. Теперь же все это отодвинулось куда-то далеко и передо мной возникло то, что я оставляю здесь и, возможно, навсегда. У меня столько близких людей, и я должен расстаться с ними на всю жизнь. Как было бы хорошо, если бы можно было просто погулять на воле, отвести душу и вернуться домой. А мне ведь предстояло отправиться в путь, как на другую планету, в один конец. Как это ни заманчиво, но все же очень, очень страшно.

Я шел прощаться с друзьями. У меня был билет на пароход, но я не мог сказать им об этом. Я знал, что могу не вернуться, и мне хотелось еще раз увидеть их. Я не мог говорить в тот вечер и

только молча смотрел на них. Мне казалось, что, прощаясь, я приговариваю всех моих близких друзей к смерти. Мы посидели в последний раз вдвоем за бутылкой водки. Тогда им было трудно предположить, что через пару недель к ним придет известие о том, что я пропал без вести у берегов Филиппин.

Накануне моего вылета во Владивосток, в последний вечер перед началом путешествия, я случайно забрел на незнакомую улицу одной из ленинградских окраин. Было темно, накрапывал дождь. Оглядевшись, я заметил поблизости церковь и зашел в нее. Шло какое-то праздничное богослужение.

Раньше я был совершенно равнодушен к церковному пению, оно казалось мне уж очень однообразным и заунывным. Но теперь впервые в жизни меня захватила его красота. Вместе с хором я улетел куда-то очень высоко. Я уже не слышал мелодии и, казалось, парил в ином мире, где царит особая атмосфера любви, тишины и покоя.

Когда я вернулся обратно, я с удивлением обнаружил себя в толпе старух-прихожанок, снова стал слышать пение и видеть все, что происходило в церкви.

Я возвратился домой в необычном состоянии, во мне продолжали звучать голоса церковного хора.

Я рано лег спать и скоро заснул.

...Передо мной стояли четверо людей в длинных белых одеждах. Лица того, кто стоял напротив меня, я не видел. Головы остальных окружали светящиеся нимбы. Такие нимбы я видел раньше только на иконах и считал, что это символические знаки, отличающие святых от простых смертных. А сейчас сияющие венцы окружали головы троих людей, стоящих левее. Прежде всего, это изумительно красивое зрелище. Лучи живого света исходили не от головы, а чуть-чуть поодаль и внезапно обрывались примерно в пятнадцати-двадцати сантиметрах. Помню, я обратил внимание, что с точки зрения физики это совершенно необъяснимо — лучи света не могут так резко обрываться. Я никогда не предполагал, что бело-голубоватый свет может иметь такое множество оттенков: он казался совершенно живым, мягким и в то же время напоминал переливчатое сияние драгоценного камня. Трое этих людей иногда как будто обращались друг к другу, поворачиваясь и свободно меняя позы, и я мог видеть их нимбы под разными углами зрения. Я наблюдал всю картину с огромным любопытством и был настолько поглощен этим необыкновенным зрелищем, что совершенно забыл о том, первом человеке. Но в этот момент я почувствовал пристальный взгляд и сразу понял, что он исходит от него, стоящего прямо передо мной.

Там, где должно было быть лицо, появился ослепительный, как солнце, золотой свет. В первый момент я ничего не видел, я был совершенно ослеплен, но все же не мог оторвать взгляда. Сначала я увидел глаза. Я никогда не забуду этот взор огромной пронизывающей силы, способный прочесть самые потаенные мысли. Я чувствовал себя перед ним, как на ладони. Постепенно я смог разглядеть все лицо, будто сотканное из золотых лучей. Ясно я видел только глаза и ощущал взгляд всем своим существом. Это было мое последнее впечатление. Потом я оказался на каком-то другом уровне, где не было ни добра, ни зла — была только любовь.

На следующее утро я был полностью под впечатлением этого сна. До отлета самолета оставалось всего несколько часов.

Я ясно понимал, что скоро со мной случится что-то необычайно важное. И еще я понимал, что то, что случится — каким бы оно ни было, жив я буду или мертв, — будет хорошо для меня. В меня вошла сила и напутствующая любовь его взгляда.

Отход лайнера был назначен на восьмое декабря.

Наш самолет делал посадки в Иркутске, Красноярске и Хабаровске. Холодный пронизывающий ветер при сорокаградусном морозе. Все вокруг кажется безжизненным и унылым, как на заброшенной планете. Люди закутаны с ног до головы, лиц нельзя различить, походка какая-то неестественная, все стараются повернуться спиной к ветру, сжаться в комок и часто подпрыгивают. Можно ужаснуться одной мысли — жить здесь годами! Похоже, люди здесь не живут, а выживают

после какой-то катастрофы, когда эта планета подверглась оледенению, потеряв всю свою былую красоту, и теперь только случайные космические корабли изредка пролетают мимо.

Я вспомнил, как жил целый год на острове на Байкале. Мороз, холод, ветер, провода гудят, я сижу у печки, с кошкой... и мечтаю о тропиках, о солнце, об океане. Там я готовился к этому своему путешествию — упражнения, купание в ледяной воде, обтирание снегом, йога...

Где-то совсем близко и дальше, на севере — концентрационные лагеря. Туда меня привезут, если поймут.

Владивосток, где туристы должны были собраться, оказался разбросанным на совершенно голых холмах и был завален снегом. Дорога от аэропорта к центру была расчищена на небывалую ширину: ожидался приезд американского президента Никсона. Когда-то здесь была непроходимая дремучая тайга. Казалось, что при советской власти все деревья вымерли. Единственное, что оставалось по-прежнему прекрасным, был синий океан с обрывистыми берегами и одинокими скалами в воде. Там, у причала, видимый издалека, стоял наш лайнер. Мы прибыли с небольшим опозданием, более тысячи туристов из разных городов страны уже находились на судне.

Лайнер «Советский Союз» был построен в тридцатых годах в Германии и назывался тогда «Адольф Гитлер». Говорили, что это была личная яхта фюрера. Во время войны он был потоплен, а после поднят со дна советскими специалистами. В начале семидесятых годов он все еще был самым крупным грузопассажирским судном в стране. Его использовали на дальневосточных линиях, подальше от глаз его законных владельцев — лайнер не заходил в порты свободного мира, где на него могли наложить арест.

Меньше всего лайнер был приспособлен для побега — как хорошая, добротная тюрьма. Линия борта шла от палубы не по прямой вниз, как у всех судов, а закруглялась «бочонком» — если кто и вывалится за борт, то упадет не в воду, а на округлость борта. Все иллюминаторы поворачивались на диаметральной оси, разделявшей круглое отверстие на две части. Я надеялся незаметно отправиться за борт через один из них, но это полукруглое отверстие годилось разве что для годовалого ребенка! Чуть ниже ватерлинии по обе стороны судна от носа и до кормы были приварены подводные металлические крылья шириной полтора метра. Для прыжка с борта нужно было бы разбежаться по палубе и нырнуть ласточкой, чтобы войти в воду как можно дальше от корпуса и этих крыльев. Такой прыжок трудно выполнить с верхних палуб, где есть разбег, — высота их превышала двадцать метров, и на ходу это мог сделать разве только Тарзан.

После тщательного осмотра кормы лайнера глазами будущего беглеца я понял, что прыгать можно только в двух местах: между лопастью гигантского винта и концами подводных крыльев, там, где струя воды отбрасывается от корпуса. На корме главной палубы, возможно, не будет туристов — у самого борта стояли баки с мусором. Расстояние до воды отсюда было метров четырнадцать. Мне приходилось много раз прыгать в море со скал десятиметровой высоты или с надстроек небольших судов. Но с такой большой высоты... на скорости...

Стоя на набережной у кормы лайнера, я измерил взглядом высоту. И на минуту задумался.

— Высоко, — тихо заметил дьявол-искуситель. — Ты конечно побоишься.

Он знал, как сыграть на моем упрямстве.

— Кто знает, — ответил я и... принял решение прыгать.

Перед началом плавания нам была известна только общая схема маршрута: лайнер выйдет из порта Владивостока, пересечет Японское море и сделает короткую остановку в Цусимском проливе, где будет возложен венок на месте разгрома русской эскадры в 1905 году. Затем лайнер отправится на юг, в Тихий океан, и приблизится к экватору. По традиции, тем, кто впервые пересекает экватор, предстоит церемония морского крещения в присутствии самого морского бога Нептуна.

Весь маршрут от Цусимского пролива до экватора держался в секрете, но было ясно, что «Советский Союз» не будет заходить ни в один иностранный порт. Туристам радостно сообщили, что

в продолжение всего пути можно будет загорать под тропическим солнцем, купаться в бассейнах и любоваться красочной панорамой океана. На лайнер были приглашены лекторы — знакомить пассажиров с политическим устройством и экономическим положением близлежащих стран, а также океанолог из университета, чтобы развлечь туристов сведениями о географии Тихого океана. То есть советским людям была предоставлена возможность мысленно посетить города и страны, которые проплывут мимо, где-то близко, за чертой горизонта — невидимые и недостижимые.

Когда наша ленинградская группа в тринадцать человек (уже тогда кое-кто суеверно перешептывался по поводу этого числа) поднялась на борт лайнера, нас встретил шумный спор за места в каютах. Выяснилось, что одноместных кают нет совсем, каюты первого класса рассчитаны на двух человек, второго — на четверых, а третьего — на пятерых и более. Всех туристов заранее расписали по местам, как на военном судне. Каюты были неодинаковые, и люди быстро обнаружили, что за такую же плату их соседи имеют лучшую. Кроме того, многие хотели селиться с друзьями, а не с незнакомыми попутчиками. Проблема казалась неразрешимой, спор шел уже третий день, страсти разгорались, и руководители круиза приняли поистине сомоново решение — всем недовольным предложили возвращаться домой безо всякой компенсации. Нашей группе повезло, мы прибыли позже всех и не успели обнаружить это неудобство и огорчиться.

Оставалось несколько часов до отхода лайнера. Мы собрались в нашей каюте, чтобы отпраздновать отплытие судна и начало отпуска.

Я вглядываюсь в лица. Веселые, празднично одетые люди. Никто не подозревает, что в этом рейсе что-то случится. У нас разные судьбы. Они оказались здесь, чтобы весело провести отпуск, а у меня, быть может, считанные дни перед побегом в неизвестность.

По радио раздалась команда капитана: «Приготовиться к отходу судна! Всем стоять по своим местам!»

Эти слова прозвучали для меня, как приговор. В этот момент я почувствовал, что пора прощаться с Родиной. Чтобы вполне осознать, что это такое, нужно покинуть ее навсегда. Даже при расставании с человеком в душе мгновенно исчезают все огорчения и неприятности, причиненные им, и остаются только счастливые воспоминания. Родина — это прежде всего душа. Она разлилась повсюду и смотрела на меня тысячью глаз. Наступила какая-то магическая тишина, мир стал одушевленным. Я боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть ее. Казалось, все вокруг участвует в церемонии прощания. Молча, сосредоточенно стоят соседние корабли, портовые краны склонили шеи-стрелы. Тихо, тихо набегают волна на стенку набережной. Облака в небе неподвижно застыли. Чайки неслышно парят в полете, и их крик не нарушает эту тишину. Актеры-матросы застыли на местах в позах, полных значения.

— Боцмана на бак! Поднять левый якорь!

Все моряки на свете воспринимают грохот якорной цепи иначе, чем жители суши. Этот звук всегда связан с последними моментами перед отправлением в дальний путь или с приходом судна в родной порт. Грохот якорной цепи во время отплытия звучит, как неумолимый сигнал разлуки. Пока только этот звук еще как-то связывает тебя с родной землей. Как только он прекратится, ты окажешься по ту сторону невидимой черты, и все, что ты еще продолжаешь видеть, становится уже как бы нереальным.

Звучат команды, швартовые концы, как змеи, вползают на палубу. Между набережной и бортом лайнера появляется полоска воды. Три долгих гудка сотрясают воздух. Город отодвигается назад, заволакивается туманом, и вот уже кромка родной земли исчезает вдаль, и небо окончательно сливается с океаном...

Руководители круиза «Из зимы в лето» пытались взять под контроль все свободное время туристов. Для этого сформировали группы по двадцать пять — тридцать человек, не считаясь с желаниями людей, назначили комиссаров и всем выдали цветные галстуки как отличительные знаки. Каждая группа должна была сидеть за своим столом в ресторане, ходить вместе на лекции и в кино и участвовать в каких-то полудетских, полуидиотских играх под руководством затейников. Однажды кто-то из затейников предложил устроить соревнование по задержке дыхания. Желающие по очереди

погружались в большую бочку с водой, а затейник засекал время на хронометре. Чемпион по задержке дыхания подозрительно долго не показывался. Когда его вытащили, он был без сознания, и его едва удалось спасти с помощью искусственного дыхания.

Поначалу нас будили по утрам и пытались сгонять на лекции. Но скоро организаторам лекций стало ясно, что для успешного выполнения этого «задания партии» туристов нужно связывать и тащить в лекционный зал силой, а перед началом лекции запирать дверь зала на ключ. Обычно мы в шутку бросали монету: если упадет на орла, мы купим вина в буфете и пойдем пить, если на решку, то все равно купим вина и пойдем пить, а если на ребро, то пойдем на лекцию.

Первыми взбунтовались девушки. Нужно отдать должное их решительности — дисциплинировать их было совсем не просто, не то что мужчин, воспитанных с пионерского возраста в послушании. Как-то вдруг оказалось, что в нескольких группах собрались только женщины, и они решительно потребовали «разбавить» их группы достаточным количеством мужчин. Женщины других групп не хотели отдавать своих мужчин — их и так было мало. Перегруппировки продолжались несколько дней, но недовольных все равно было много. Тогда организаторы круиза пошли на некоторые уступки и предложили сохранять группы хотя бы за обедом.

Как вы думаете, что может случиться, если несколько сотен здоровых цветущих парней поселить в близком соседстве с еще большим числом молодых красивых женщин? И всего лишь на двадцать дней!

Стоило спуститься вниз по трапу в жилые палубы, как можно было услышать несмолкаемый гул голосов, ощутить распыленный в воздухе запах спиртного и духов. За дверью каждой каюты — музыка, песни, пляски, хохот и визг женщин, несмолкаемый шум споров, пьяные выкрики, любовные стоны, непрерывные тосты, звон посуды. Иногда дверь с шумом распахивалась и из нее вываливалась компания раскрасневшихся мужчин и полуодетых хохочущих девушек. Туристы предавались веселью, начиная с обеда и до утра — каждый драгоценный день отпуска. Самые смелые из них скоро «потеряли» галстуки, подчеркнув свою полную независимость. На завтрак выходило сравнительно мало людей — многие еще крепко спали, на обед собирались почти все, во время ужина можно было видеть, как быстро прибегали посланцы разгулявшихся компаний, хватали несколько бутербродов со стола и снова исчезали в каютах. Похоже было, что многие гуляки так и не найдут времени выйти на палубу — взглянуть на океан и подышать свежим морским воздухом.

В конце концов руководители круиза махнули на все рукой и предоставили туристов самим себе.

Как только темнело, начинались танцы. Музыка и песни передавали по громкоговорителям с утра и до полуночи.

Я с трудом привыкал к роли пассажира и чувствовал себя примерно так же, как скаковая лошадь, если бы ее несли на носилках.

Передо мной, задумавшим «нечистое дело», стояла очень трудная задача — нужно было каким-то образом определить местоположение судна. У меня были только мелкомасштабная карта Тихого океана, карта звездного неба и бинокль. Я собирался определять путь судна по счислению и по видимым контурам земли. Чтобы не привлекать внимания, я не решался часто бывать в штурманской рубке и много часов простаивал с биноклем на верхнем мостике, пытаюсь увидеть землю на горизонте. Мне обязательно нужно было узнать, как пролегает маршрут — всегда в открытом океане или хотя бы иногда недалеко от берегов.

К моей величайшей радости, на третий день плавания наш загадочный маршрут был рассекречен.

В одном из залов лайнера мы увидели карту западной части Тихого океана с линией пути судна к экватору и обратно, и даже с помеченными датами! Я принял эту карту как знамение небес — она помогла мне сэкономить массу времени и усилий по определению курса судна.

Лайнер должен был пересечь Восточно-Китайское море в виду острова Тайвань, проследовать вдоль восточных берегов Филиппинских островов, направиться в Целебесское море и достичь конечной цели — экватора между островами Борнео и Целебес. В дневное время курс проходил сравнительно близко от берегов, ночью — дальше.

Само собой разумеется, это была приблизительная схема маршрута, и на нее нельзя было полностью полагаться. С другой стороны, можно было ожидать, что ради сокращения маршрута капитан будет вынужден приблизиться к берегу в районе маленького острова Сиаргао и, может быть, у южной оконечности острова Минданао. После тщательного анализа маршрута я совершенно ясно понял, что покинуть лайнер можно будет только в этих двух точках.

Тропик Рака мы пересекли в виду острова Тайвань. Из-за облаков показалось солнце, но было еще довольно прохладно. Все водное пространство до самого берега острова было усеяно японскими джонками. Туристы высыпали наверх и заполнили все палубы. Остров находился все же довольно далеко — горы отсюда казались голубыми, и даже в бинокль трудно было разглядеть какие-нибудь детали.

Может быть, все же попытаться здесь? Нет, мое время еще не пришло.

Строго говоря, круиз на лайнере не был моим первым заграничным рейсом. Двенадцать лет назад, студентом-океанографом, я принимал участие в рейсе учебного судна «Батайск» из Мурманска в Одессу вокруг Европы. Но, как и сейчас, наше судно не заходило ни в один иностранный порт. Причина была все та же — опасались возможного побега.

На «Батайске» нас было триста человек — студентов-океанографов и курсантов мореходных училищ. Нам, студентам, как раз и не доверяли больше всего, опасаясь всяческих неприятностей.

В проливе Босфор судно все же вынуждено было сделать короткую остановку, чтобы взять на борт местного лоцмана, который провел бы «Батайск» через узкий пролив.

Утром все студенты и курсанты высыпали на палубу, чтобы хоть издали посмотреть на минареты Стамбула. Помощник капитана тут же всполошился и принялся отгонять всех от бортов. (Он, кстати, единственный на судне не имел никакого отношения к морю и ничего не смыслил в морском деле. Рассказывали, что на своей прежней работе — комиссаром в мореходном училище — он долго не мог привыкнуть к слову «входите» и, вызывая курсантов для беседы, продолжал по привычке говорить «введите».)

Я сидел над штурманским мостиком и мог видеть все, что происходило на палубе. Когда любопытных отогнали от левого борта, они тут же перебежали на правый. Помощник капитана понесся следом, чтобы прогнать их и оттуда. Вниз уходить они, понятно, не хотели. Я видел, как толпа не менее чем в триста человек несколько раз перебегала от борта к борту.

«Батайск» стал медленно крениться с борта на борт, как при хорошей морской качке. Турецкий лоцман в недоумении и тревоге обратился к капитану за разъяснениями.

По обоим берегам узкого Босфора к этому времени уже собралась толпа местных жителей, с изумлением следивших за тем, как на зеркально-спокойной глади пролива советское судно резко раскачивается, как при крепком шторме, и вдобавок над его бортами то появляются, то куда-то пропадают одновременно несколько сот физиономий.

Дело кончилось тем, что разъяренный капитан приказал немедленно убрать помощника капитана с палубы и запереть его в каюте, что с удовольствием тут же выполнили два дюжих курсанта.

А мы все же смогли рассмотреть Стамбул — с обоих бортов судна.

На лайнере заметно возросло оживление, то ли потому, что внезапно пришло лето, то ли потому, что люди лучше узнали друг друга. В жилых палубах гул еще больше усилился — дни и ночи превратились в один бесконечный праздник.

Руководители рейса совсем отчаялись в своей попытке провести так хорошо задуманные и запланированные культурные мероприятия. Единственное, что еще оставалось руководству, — это молить Бога, чтобы туристы хотя бы не повываливались за борт. Теперь вся армия затейников дежурила днем и ночью на палубах, оттаскивая подвыпивших туристов подальше от борта. Но это было уже после события, вошедшего в историю круиза под названием «Пожарная тревога».

Случайно или нет, но так уж получилось: капитан нажал кнопку, и на лайнере прозвучал сигнал

учебной пожарной тревоги.

Время было выбрано явно неудачное. Туристы уже успели проснуться и опохмелиться, причем очень хорошо опохмелиться, когда вдруг услышали резкие трели непонятного сигнала. Первая естественная реакция советских людей была обычной — не обращать никакого внимания и продолжать пить. Капитан правильно предвидел поведение своих пассажиров: по всем помещениям лайнера были спешно разосланы затейники с приказом вытряхивать всех из кают и посылать наверх со спасательными нагрудниками. Но затейники тоже были не дураки — они прекрасно знали, что их никто не станет слушать, и потому применили свой тактический прием: «забыли» сказать, что тревога всего-навсего учебная, и с криком «Пожар!» стали громко стучаться в двери каждой каюты.

Заторы начались уже в коридорах. Некоторые туристы «выходили» из кают на четвереньках и тут же попадали под ноги бегущей толпе. Создавались самые фантастические сплетения мужских и женских тел. Спасательные пояса запутывали людей еще больше. Уже по тому, как немыслимо они надеты, было ясно, что операция по распутыванию займет немало времени. Хорошо выпившие туристы страдали больше других — им оттапывали руки и уши. Опасные ситуации возникали на крутых корабельных трапах. Иногда пьяные валились назад, навзничь, с самой верхней ступеньки и срезали целые гроздья девушек, а те, падая, визжали так, что ни о каких командах экипажа не могло быть и речи — и не услышать, и не понять. На верхних палубах собралась толпа спасающихся от огня. Они озирались по сторонам с выражением одновременно испуганным и вопросительным, по привычке не доверяя официальной информации. Среди них тут и там виднелись целые букеты помятых физиономий с помутившимся взглядом, всклокоченными волосами и безмятежной улыбкой на устах, видимо, унесенных толпой прямо от застолья. Время от времени кто-то из них пробовал затянуть песню, другие подтягивали нестройным хором, не обращая ни малейшего внимания на происходящее. На толпу они действовали успокоительно. Кое-где появились санитары с носилками — подбирать раненых. Кто-то успел размотать пожарные шланги по палубам и пустить воду. Шланги наполнились водой и стали метаться из стороны в сторону, сбивая бедных туристов с ног. Какие-то пьяные шутники захватили один шланг и с восторгом поливали мощной струей воды всех без разбора. Мне стало казаться, что я попал на палубу гибнущего «Титаника». Капитан, должно быть, уже пожалел, что растревожил этот безобидный муравейник. Он тут же дал команду «отбой», но ее никто не услышал. Потребовалось еще несколько часов, чтобы успокоить туристов и вернуть их обратно в каюты. Я хорошо понимал, что поступаю не по-христиански, но не мог отказать себе в удовольствии понаблюдать еще одно представление — попытку тех, кто только что с таким трудом выбрался наверх, сойти вниз по крутым трапам. Благодаря спасательным поясам, им все же удалось избежать ушибов и переломов.

Три дня на всех палубах и в каютах стоял нескончаемый хохот — вспоминали пожарную тревогу. Это событие послужило началом нового времяисчисления на лайнере, где ночи и дни перепутались в сознании счастливых туристов. Отныне все местные происшествия делились на два периода: до пожарной тревоги и после.

У острова Лусон капитан неожиданно изменил курс, и мы подошли к берегу так близко, что увидели пальмы на расстоянии каких-нибудь пяти-шести миль. К борту невозможно было протиснуться, казалось, все туристы и обслуживающий персонал высыпали наверх, чтобы увидеть берега чужой земли. Это был почти необитаемый восточный берег острова Лусон, где-то между семнадцатью и восемнадцатью градусами северной широты.

— Ты в тропиках! — шепнул мне дьявол. — Твои мечты сбылись.

Я плохо спал в эту ночь и перед рассветом вышел на палубу. Теплое дыхание пассата ощущалось, как ласка, мощные кучевые облака плыли по небу, а кругом, насколько хватало взгляда, — фосфоресцирующий океан. Я так мечтал о тропиках! Так вот какие они! Я не мог поверить, что вижу все это своими глазами.

В полдень мы снова приблизились к берегу. Небольшие коралловые острова манили бухтами и белоснежной короной бурунов. Пальмы столпились у самой воды и призывно махали издали зелеными ветвями. Несколько из них, особенно бесстрашных, вышли на крошечный островок, сцепились листьями и раскачивались вместе под напором ветра. Крупные волны склоняли свои

головы-гребни к самому их подножью. Через час или два мы снова стали удаляться в океан, а берег остался в памяти как сон, как мираж. В дальнейшем, до самого острова Сиаргао, мы видели берега только далеко на горизонте.

Понеслись бесконечно счастливые дни. Я метался от борта к борту с горящими от бессонницы глазами и не мог наглядеться на эти живые декорации из волшебной сказки. Океан выбирал для меня самые нарядные волны, громадные белоснежные облака спускались совсем низко, солнце показывалось из-за туч, прежде чем погрузиться в океан, и раскрашивало все небо самыми невероятными красками, а ночью я как тень бродил по палубе, встречая восход незнакомых южных созвездий. И все это под аккомпанемент моих самых любимых мелодий, которые целыми днями неслись из громкоговорителей.

Лайнер полным ходом шел на юг, к экватору.

Я вдруг с ужасом представил себе, что скоро, очень скоро он неумолимо повернет назад. Отсюда, из тропиков — в Союз? Нет! Ни за что! Никакая сила не могла вернуть меня обратно.

Всего один прыжок отделял меня от этой влекущей красоты и свободы. Но нечего было и думать, чтобы среди бела дня оставить судно на виду у сотен глаз — мгновенно будет спущена шлюпка. Ночь — время беглецов! Ночью совершаются побеги из тюрем.

Оставалось дожидаться подходящей ночи.

Собираясь в круиз, я не взял с собой компаса из предосторожности. Мне казалось, что он мне, пожалуй, и не нужен — ведь лайнер можно будет оставить только вблизи от берега, и я всегда смогу определить направление по солнцу или по звездам. Я хорошо знал все созвездия северного полушария, но южные мог найти только по карте. Во время безоблачных ночей я ходил по верхней палубе с картой в руках и старался отыскать и запомнить положение непривычных для меня южных созвездий. Моим новым друзьям казался немного странным мой чрезмерный интерес к астрономии, но это сходило за небольшое и простительное помешательство, которое так часто встречается у людей, тем более что я проводил достаточно времени в ежедневных пирушках. Я был в отличной физической форме, и несколько дней пьянки не могли меня ослабить.

В одну из звездных ночей, когда я стоял на палубе с картой в руках и пристально вглядывался в ночное небо, ко мне подошла девушка. Обычно гуляющие пары обходили меня с усмешкой.

— Что-нибудь особенно интересное там, в небе? — спросила она с улыбкой.

— Да вот ищу мою счастливую звезду и никак не могу найти, — уклончиво ответил я.

— Мне тоже когда-то казалось, что мое счастье где-то среди звезд, — улыбнулась она. — Я астроном, так что мы с вами в некотором роде коллеги.

Она оказалась настоящей находкой для меня. Благодаря ей я довольно сносно стал разбираться во всех видимых звездах этих широт и даже знал, под каким примерно углом можно ожидать то или иное созвездие.

В районе острова Самар лайнер сделал остановку на несколько часов. Остров не был виден, но я по карте знал, что он сравнительно близко. Был ясный солнечный день. Все палубы заполнились загорающими туристами. На корме собрались любители рыбной ловли — ловить акул. Я присоединился к загоравшим: хотя мне и хотелось взглянуть на пойманных акул, но, кто знает, думал я, — лучше пока держаться от них подальше.

Тропическое солнце оказалось небезопасным для бедных советских туристов. Вскоре судовой госпиталь заполнился пациентами с сильными солнечными ожогами. Особенно пострадали пьяные — они засыпали под ярким солнцем и тут же обгорали.

Для многих туристов борт лайнера был чем-то вроде края пропасти. Они подходили к нему, вытянув шею, и, крепко ухватившись за поручни, заглядывали вниз со страхом и любопытством. Мне же хотелось стоять у борта подолгу. Я доверял океану и чувствовал, как океан любит меня. Нас прочно связывали какие-то тайные нити-струны, я ощущал, как они натягивались всякий раз, когда я удалялся от него. Сейчас океан был рядом, и я был счастлив. Стоя у борта, я как будто слышал его зов из глубины и готов был пойти на этот зов не задумываясь. Акулы и другие морские хищники пугали меня не больше, чем медведи и волки в лесу. Не мог же я не плавать в океане только потому, что там водятся акулы, и не ходить в лес из-за страха встретиться с медведем. Кроме того, акулы представлялись мне как бы малыми частицами одного общего сознания Океана, не способными на враждебные действия без его воли.

Лайнер приближался к десятому градусу северной широты, острову Сиаргао, той самой намеченной мной точке, где я мог бы незаметно оставить судно ночью вблизи берега. Это должно было произойти завтра, 13 декабря. Тринадцатое число не самая удачная дата для рискованных авантур, но выбора у меня не было.

Я попросил девушку-астронома пойти со мной в штурманскую рубку (известно, что с девушкой всегда больше шансов проникнуть в любое запретное место). В рубке были только дежурный помощник капитана и матрос на руле. Пока девушка разговаривала с помощником, я подошел к навигационной карте. Лайнер находился еще далеко к северу от Сиаргао, но линия курса была проложена примерно в десяти морских милях от берега. Я с радостью заметил, что остров гористый и, значит, будет виден издали. Длина его была всего девятнадцать морских миль — это значит, что мы будем идти параллельно береговой линии в течение часа. В 20 часов по корабельному времени лайнер будет где-то на уровне середины острова. Мне бы очень пригодились сведения о береговой линии, течениях, приливах и навигационных огнях, но я не решился спросить лоцию у помощника — мне казалось, что это будет выглядеть как нечто большее, чем простое любопытство.

За кормой, далеко внизу, в лучах прожекторов виднелась струя воды, отбрасываемая винтом лайнера. Я заметил то, чего не видел раньше: пятно света начинается чуть поодаль кормы, так что падение любого предмета за борт произойдет в тени, а не в поле яркого света, как я думал.

Я представил себя в этом потоке воды, рекой уносящемся вдаль, в темноту ночи.

Завтра примерно в этот же час я собирался быть за бортом.

Как мне хотелось теперь отсрочить побег хотя бы ненадолго! Было бы так прекрасно, ни о чем не думая, поддаться веселому безумию, охватившему корабль, укачиваться в колыбели волн, ничего не хотеть, ни о чем не думать, день и ночь видеть за бортом океан и дышать влажным воздухом тропиков.

Может, оставить судно позже?

— Где же еще? — строго возразил дьявол-искуситель.

— У южной оконечности острова Минданао...

— Там наверняка сильные течения, ты даже не сможешь приблизиться к берегу, тебя пронесет мимо. И берег там очень высокий, с отвесными скалами.

— А что если в Макаassarском проливе, прямо на экваторе, между островами Борнео и Целебес, — там мы будем в дрейфе два дня? Как раз под шумок праздника Нептуна? У меня будет целых две ночи впереди! — не сдавался я.

— Этот пролив очень широк, с сильными течениями, а расстояние до ближайшего берега будет не меньше сорока морских миль. Капитан — уж будь уверен — постарается держаться подальше от берегов.

— Может быть, я смогу оставить лайнер на обратном пути? — взмолился я.

— На обратном пути лайнер будет проходить все ближайшие к берегу пункты только в дневное время.

Да, последняя возможность — завтра ночью. Завтра ночью или... никогда.

Климат на лайнере менялся с каждым днем. Люди оттаивали и становились все непосредственнее и счастливее. Теперь всеобщее веселье начиналось с утра и продолжалось далеко за полночь. Это были уже не обычные скучающие туристы, каких можно встретить во всех уголках земного шара, — это были люди, жадно хватающие каждое мгновение проходящей жизни, каждый глоток свободы. В жилых палубах гул голосов не прекращался ни днем, ни ночью.

Одна пара невольно привлекала к себе внимание: они стояли посередине коридора, мешая пройти веселой компании, не замечая никого и ничего вокруг. Он смотрел на нее так, словно впервые увидел перед собой женщину. В проходе уже скопилась толпа, но никто не решался пройти между ними; все, затаив дыхание, следили за свиданием местных Ромео и Джульетты.

Несколько раз я встречал высокого юношу с благородной осанкой, королевской походкой и насмешливым взглядом, на плечах его было что-то вроде легкой накидки. Он выделялся в толпе и ни с кем не разговаривал. Я не мог не любоваться его манерой держаться. «Как ему удалось сохранить столько достоинства в этой рабской стране?» — подумал я. Однажды мы столкнулись в дверях, я уступил дорогу и не вполне шутливо произнес: «Ваше величество...» Он внимательно взглянул на меня, улыбнулся и слегка поклонился в ответ.

На шлюпочной палубе собирались небрежно одетые длинноволосые юноши и девушки. Они оживленно спорили о литературе, искусстве и философии, доносились имена запретных философов и художников, но тут же замолкали, как только подходил чужой, видимо, опасаясь стукачей. Стукачи, кстати сказать, заметно выделялись на фоне возбужденной и подвыпившей толпы: они были на работе — трезвые, озабоченные и растерянные.

Жизнь на лайнере превратилась в непрекращающийся карнавал. Стали попадаться тихие, странные личности, они разговаривали сами с собой и улыбались потусторонней улыбкой. На верхних палубах возникали существа с опухшими физиономиями и заросшими щетиной щеками. Они дико смотрели на океан, трясли головой, протирали глаза, будто только что выбрались на поляну из самой чащи леса, и на минуту трезвели. Но полоса тумана тут же застилала им глаза снова — и они бесследно исчезали в глубинах нижних палуб. Повсюду порхали стайки девушек с томными, бархатными глазами, они невинно поглядывали на проходивших парней, косились на целующиеся пары и глубоко вздыхали. Из укромных уголков лайнера иногда раздавались раскаты патологического смеха самых разнообразных оттенков — от тихого, счастливого, до громкого, сумасшедшего. Пьяные вели себя непринужденно — вытрезвителей на лайнере не было — и дурачились, как могли: проникновенно разговаривали и обнимались с неодушевленными предметами, на все лады изображали крики птиц и животных, а иногда разбегались по палубе, махая руками, пытаясь взлететь в воздух, и валились под ноги танцующих. Многие из обитателей лайнера были не столько пьяными, сколько сумасшедшими от небывалой для советского человека степени свободы. В веселье все чаще чувствовался надрыв. Люди старались забыться любой ценой: каждый знал, что очень скоро эта призрачная жизнь, доставшаяся им всего лишь на двадцать дней, кончится, и все до единого вернутся «туда». В танцах принимали участие столько людей, сколько могли вместить палубы. Танцы часто превращались в дикие пляски, наподобие африканских — так они лучше выражали душевное состояние. Для непосвященного человека лайнер легко мог сойти за веселый сумасшедший дом. Мне казалось, что единственным нормальным и трезвым человеком на корабле оставался я, решивший по собственной воле завтра ночью прыгнуть за борт!

Двенадцатого декабря, ложась спать, я не мог не думать о том, что это моя последняя ночь на корабле и, кто знает, может быть, не только на корабле. Уснул я не сразу и видел не то сон, не то видение.

Я видел военный лагерь в степи. Лето. Ночь. Запахи трав смешиваются с дымом костров, лошадиного пота и навоза. Движение пеших и конных отрядов, отблеск света на мечях, приглушенные голоса. Иногда люди всматриваются куда-то в темноту, задумчиво, но без страха. В воздухе угроза и торжественное молчание. Все ожидание направлено на завтрашнее утро. Время, обычно бесконечно растянутое и в прошлое, и в дальнее будущее, сфокусировано точно на завтрашнем дне. Я не могу вспомнить, кто мы и откуда пришли. Есть только эта темнота,

скрывающая огромное и угрожающее скопление сил, направленных в нашу сторону.

Завтра на рассвете произойдет то неизбежное, о чем думают все. То, что нельзя отодвинуть, от чего нельзя уйти.

Этот день, тринадцатое декабря, был одним из самых незабываемых дней в моей жизни. Я уже не имел контроля над ситуацией, решение было принято, и я тут же почувствовал его психологический эффект. Я не мог думать о будущем — у меня не было будущего. В назначенный час я беру свое плавательное снаряжение и иду на корму лайнера, потом прыжок в темноту и... полная неизвестность. Я не мог думать о прошлом — оно исчезло, отпало само собой. Все мое внимание сосредоточилось на настоящем. Я живу в этом отрезке настоящего, и он, как шагреновая кожа, неумолимо сокращается.

Я не вышел на завтрак. На обеде я присутствовал, но ничего не ел — желудок должен быть совершенно пуст перед длительным заплывом, я знал это по опыту. Утром я проделал очистительные упражнения йоги — выпил два литра воды и пропустил ее через кишечник, минуя мочевой пузырь, а также несколько других, довольно сложных промывок вместе с дыхательными упражнениями. Обычно я никогда не ел перед водолазными погружениями — даже с небольшим количеством пищи в желудке становилось трудно дышать.

С того самого момента, ранним утром тринадцатого декабря, когда я осознал себя по ту сторону некой невидимой черты, я почувствовал, как у меня «проснулась Душа». Сознание перешло в сердце, я уже не видел и не слышал — я чувствовал. Это огромная разница — слышать звук или чувствовать его. Я чувствовал океан, облака, людей, музыку. В сердце была невыносимо приятная боль, которая усиливалась от любимой мелодии или просто улыбки. Я не мог ни о чем думать. Мне казалось, что я вижу мир в первый раз. Я замечал каждый свой шаг, каждое мимолетное чувство, подробности обстановки корабля, природы, поведения людей. Я легко мог читать их мысли и чувства. Мне казалось, что не заметить мое новое состояние невозможно, но взгляды окружающих были так поверхностны, так быстро перебегали с одного предмета на другой, что им было не до меня и даже не до себя. Мой взгляд ни разу не встретился ни с чьим столь же пронизательным взглядом. Я вдруг стал понимать японских камикадзе, римских гладиаторов, контрабандистов, вообще всех тех, кто ждет поединка или часа побега. Я готовился, если можно так выразиться, к церемонии самопознания, к некоему мистическому посвящению в тайны жизни и смерти.

После обеда меня пригласили к себе в каюту наши ленинградские девушки. Пили коньяк. Они заговорили о чем-то своем, женском. Иногда тема разговора ускользала от моего сознания, было приятно наблюдать их лица, улыбки, просто быть среди них. Я люблю наблюдать за женщинами. Они всегда кажутся мне очень красивыми, даже самые некрасивые. Женщины — самые удивительные и волнующие создания в этом мире. Я никогда не устаю любоваться ими: как они ходят, как полулежат или как поправляют прическу обеими руками. Я с удовольствием изучаю язык их неуловимых движений — он различный у всех женщин, каждую смену позы, каждый поворот головы. Истинное наслаждение наблюдать за женщиной, когда она влюблена. Ее лицо становится лучистым и сияет, все линии тела как-то сглаживаются и «звучат» по-новому.

— Ты какой-то странный сегодня, Слава, — внезапно заметила одна из девушек. Все другие тут же повернулись ко мне. Я улыбнулся и произнес свой любимый тост: «За милых женщин!» Девушки засмеялись, и мы дружно сдвинули бокалы.

Закат солнца прошел пышно и торжественно, как это может быть только на Филиппинах. Спустилась непроглядно темная ночь. Лайнер приближался к северной оконечности острова Сиаргао. Я вышел на палубу. Дул сильный южный ветер, океан тяжело дышал огромными валами. С запада приближались черные гроззовые тучи, временами сверкала молния.

Я поднялся на самый верхний мостик, но даже в бинокль не мог ничего разглядеть. Там, где должен был показаться остров, не было ни одного огня. Я спустился вниз, на крыло штурманского мостика, и спросил вахтенного матроса о береговых огнях. Он, видимо, нашел мой вопрос праздным, посмотрел на юго-запад и ответил, что никаких огней на острове нет. Я и без него это видел.

А что, если капитан изменил курс, и мы находимся дальше от берега, чем я предполагал?

Было уже около семи часов вечера. Я взглянул в последний раз туда, где должен был быть остров. Непроницаемый мрак. Все небо покрыто тучами. Молнии сверкали в разных сторонах горизонта почти непрерывно

«Шторм идет!» — возликовал я в душе. В штормовую погоду капитан не станет рисковать людьми и не решится послать шлюпку на поиски. У меня будет целая ночь!

Я зашел в ресторан к концу ужина — просто показаться. Палуба заметно раскачивалась под ногами. Раскачивались люстры у потолка, колыхались тяжелые занавеси, свободные стулья слегка отъезжали и придвигались снова, как будто к столам присаживались невидимые гости.

Я вдруг ясно представил себе, что поверхность океана покрыта волнами в семь-восемь метров высотой. Я рассчитывал на прыжок с высоты пятнадцать метров — от фальшборта главной палубы до ватерлинии — это было ненамного выше той скалы в Черном море, откуда я нырял ночью вслепую. Но расстояние до воды может быть теперь либо на семь метров больше — и тогда меня может завалить вперед, либо меньше — так что меня ударит спиной.

С точки зрения здравого смысла мои шансы добраться до берега живым выглядели так: если во время прыжка я не разобьюсь от удара о воду, если меня не сожрут акулы, если я не утону, захлебнувшись или от усталости, если меня не разобьет о рифы, если хватит сил и дыхания выбраться на берег и если к этому времени я все еще буду жив — то только тогда я, может быть, смогу поблагодарить судьбу за небывалое чудо спасения.

Это был самый опасный участок пути. Мне предстояло пройти около ста метров от носовой каюты, в которой я жил, до выхода на палубу и затем еще столько же — под открытым небом до кормы. В руках у меня была сумка с ластами, маской и трубкой. Поверх плавательного снаряжения я небрежно бросил полотенце. Я хорошо изучил все переходы и повороты на своем пути на случай погони. Мне было известно немало случаев, когда самые продуманные планы побегов были раскрыты и их участники кончали жизнь в концлагере. Если мое намерение обнаружится, тогда мне бы только выбраться наверх, на палубы, а там я уже прыгну с борта, с мачты, с чего угодно!

Я медленно шел по коридору.

Мне казалось, что я иду по канату над пропастью.

Те, кто прошел такой путь, знают, что он существует внутри другого психологического измерения. В нем человек меняется так, будто он прожил несколько лет. Если ты скован страхом, ты ничего не заметишь, если внутренне свободен, то никогда этого не забудешь. У тебя остается жгучая тоска по этому иному измерению, а тот мир, из которого ты только что шагнул в неизвестность, сразу становится нереальным и похожим на обычный сон. Именно тогда я сделал для себя открытие: внимание — вот тайна жизни! Острое внимание вовне и внутри. Обычно мы живем в каком-то полусонном состоянии и только во время мгновенных вспышек внимания способны по-настоящему видеть и чувствовать. Мне казалось, что все вокруг — стены, трубы, брошенный кем-то пылесос — знало, куда и зачем я иду, и безмолвно желало мне удачи.

Я вышел на палубу.

— Молодой человек! — услышал я голос за спиной.

Измерив глазами ближайшее расстояние до борта, я обернулся. Ко мне подошел незнакомый мужчина.

— Как пройти в радиорубку?

Я коротко объяснил, наблюдая за его движениями. Он выслушал меня и ушел. Я перевел дыхание.

На освещенной части палубы, через которую нужно было пройти, уже начались танцы. Из репродуктора слышалась моя любимая «Голубка» — «Когда из родной Гаванны уплыл я вдаль...»

Я шел среди танцующих пар. Страха я не испытывал, я превратился в мальчишку, убегающего от опеки взрослых вон в тот манящий лес с дикими зверями. Мне наговорили о нем столько ужасов, что я уже просто не мог дальше жить, не побывав там.

Со своей родной землей Россией я простился раньше, во Владивостокской бухте. Сейчас я бежал из Советского Союза.

Я спустился по трапу на корму главной палубы. Там стояла раскладушка, и на ней сидели трое матросов. Подойдя к фальшборту, я постоял несколько мгновений. Нельзя было прыгать прямо у них на глазах. Мне представилось, как они немедленно дадут знать по телефону (он висел у них над головой) на капитанский мостик, последует сигнал «Человек за бортом» и меня тут же начнут искать прожекторами.

Я опять поднялся на шлюпочную палубу и стал обдумывать создавшееся положение. Времени уже совсем не оставалось — через полчаса, согласно моим расчетам, лайнер минует остров.

Прыгать во что бы то ни стало, даже на глазах у всей команды!

Я снова спустился вниз. Два матроса куда-то исчезли, а третий стелил постель на раскладушке, повернувшись ко мне спиной.

Я облокотился одной рукой о фальшборт, перебросил тело за борт и сильно оттолкнулся. Заметить мой прыжок было трудно — так быстро я оказался за бортом.

Полет над водой показался мне бесконечным.

Пока я летел, я пересек некий психологический барьер и оказался по другую его сторону совсем другим человеком.

Траекторию полета я рассчитал хорошо. Оказавшись за бортом, я резким движением развернул тело ногами к корме, а спиной к поверхности воды. Некоторое время я летел в этом горизонтальном положении, пока не почувствовал, что сила инерции стала ослабевать и я падаю почти вертикально, спиной вниз. В этот момент я стал плавно поворачивать тело так, чтобы войти в воду ногами под небольшим углом. Я пролетел эти пятнадцать метров в полной темноте и удачно вошел в воду ногами под острым углом, не выронив сумки с плавательными принадлежностями, чего очень боялся. Меня сильно скрутило струей воды, но в последний момент я успел крепко прижать сумку к животу.

Всплыв на поверхность, я повернул голову и... замер от страха. Возле меня, на расстоянии вытянутой руки — громадный корпус лайнера и его гигантский вращающийся винт! Я почти физически чувствую движение его лопастей — они безжалостно рассекают воду прямо рядом со мной. Какая-то неумолимая сила подтягивает меня ближе и ближе. Я делаю отчаянные усилия, пытаюсь отплыть в сторону — и увязаю в плотной массе стоячей воды, намертво сцепленной с винтом. Мне кажется, что лайнер внезапно остановился — а ведь всего лишь несколько мгновений назад он шел со скоростью восемнадцать узлов! Через мое тело проходят устрашающие вибрации адского шума, грохот и гудение корпуса, они медленно и неумолимо пытаются столкнуть меня в черную пропасть. Я чувствую, как вползаю в этот звук... Винт вращается над моей головой, я отчетливо различаю его ритм в этом чудовищном грохоте. Винт кажется мне одушевленным — у него зловеще улыбающееся лицо, меня крепко держат его невидимые руки.

Внезапно что-то швыряет меня в сторону, и я стремительно лечу в разверзшуюся пропасть.

Я попал в сильную струю воды справа от винта, и меня отбросило в сторону.

Затаив дыхание, я старался оставаться под поверхностью воды до тех пор, пока большое световое пятно кормовых прожекторов пройдет мимо. Какое-то время было совсем темно, потом я попал в полосу яркого света. Мне казалось, что меня заметили и поймали в луч прожектора. Но вскоре наступила полная темнота. Я выбросил ненужное уже полотенце, надел маску с трубкой и сделал несколько глубоких вдохов. Вода была довольно теплой, при такой температуре можно плыть очень долго. Я надел ласты и перчатки с перепонками между пальцами. Сумка стала больше не нужна. Мои часы со светящимся циферблатом показывали 20 часов 15 минут по корабельному времени, я выбросил их позже, когда заметил, что они остановились.

Лайнер стремительно удалялся.

Я чувствовал огромное облегчение — ведь только что я ушел живым и невредимым от страшного вращающегося винта. Человек не может одновременно воспринимать несколько опасностей, они неразличимы в момент страха и только потом набрасываются на него по очереди.

И тут на меня обрушилась тишина. Ощущение было внезапным и поразило меня. Это было, как будто я оказался по другую сторону реальности. Я все еще не до конца понимал, что произошло. Темные океанские волны, колючие брызги, светящиеся гребни вокруг казались мне чем-то вроде галлюцинации или сна — достаточно открыть глаза, и все исчезнет, и я снова окажусь на корабле, с друзьями, среди шума, яркого света и веселья. Усилием воли я старался вернуть себя в прежний мир, но ничего не менялось, вокруг меня по-прежнему был штормовой океан. Эта новая действительность никак не поддавалась восприятию. Но время шло, меня захлестывали гребни волн, и нужно было тщательно следить за тем, чтобы не сбить дыхание.

И я, наконец, полностью осознал, что совершенно один в океане. Помощи ждать неоткуда. И у меня почти нет шансов добраться до берега живым.

В этот момент мой разум ехидно заметил: «Зато ты теперь окончательно свободен! Разве не этого ты так страстно желал?!»

Вокруг не было ничего, кроме черных нависших облаков. И ни одного огня! Тогда, набрав воздуха в легкие, я стал грести так, чтобы было можно высунуться из воды по пояс. Я видел только вершины огромных волн и ночное небо. Лайнер исчез. Это меня так озадачило, что я не знал, что и думать. Снова и снова я поворачивался во все стороны, ища глазами огни. Если я увижу бортовые огни, рассуждал я, значит, лайнер разворачивается и меня начнут искать, если кормовые — мой побег не заметили, по крайней мере, пока. Наконец, когда я оказался на вершине самой высокой волны, я увидел быстро удаляющиеся от меня огни палуб и громадный черный силуэт кормы. Я облегченно вздохнул. Даже если сейчас последует команда «Человек за бортом», лайнер успеет по инерции уйти на далекое расстояние. Я боялся возвращения лайнера больше всех других опасностей. Оно означало для меня нечто еще страшнее смерти. Я снова оглядел горизонт с вершины одной из высоких волн. Там, на западе, где должен быть остров, не видно было никаких огней. В течение получаса я все еще со страхом ожидал увидеть бортовые огни возвращающегося судна, но тревога была напрасной. Меня как будто никто не заметил.

Первое время я плыл, ориентируясь по изредка видимым огням уходящего лайнера.

Восемь раз меня медленно поднимали и опускали громадные волны, и только с высоты девятого вала я видел линию горизонта и расплывающиеся во тьме огни судна. Я постоянно сбивался с выбранного курса — было очень трудно плыть при таком большом волнении. Я медленно взбирался на водяные валы, и мне казалось, что я ползу по дюнам в пустыне. На западе часто сверкали молнии и слышались раскаты грома, сверху нависали тяжелые грозовые тучи. Ветер срывал брызги с волн, и они хлестали меня колючими иглами. Почти каждая волна несла на себе светящийся гребень, который с шумом опрокидывался. Дышать было очень трудно. Часто гребни волн накрывали меня с головой, и я должен был перед каждым вдохом продуть свою трубку. Я внимательно следил за своим дыханием: делал первый пробный легкий вдох, затем после энергичного выдоха делал глубокий вдох и задерживал дыхание примерно на минуту, до тех пор пока не чувствовал легкую потребность в следующем. Мне казалось, что я не продержусь на поверхности воды и часа с таким редким периодом дыхания. Если несколько капель попадет мне в легкие, то я уже не смогу отдышаться, я хорошо знал это по опыту.

Лайнер уходил все дальше, и теперь я был совершенно спокоен — меня никто не заметил, ведь прошло уже достаточно времени после побега.

Я то и дело сбивался с намеченного курса. Несколько минут плыл по воображаемому направлению среди водяных холмов, пока самая высокая волна не подхватывала меня на свою вершину. Тогда я находил огни лайнера не слева от меня, как ожидал, а сзади, или справа, или даже впереди. Я снова разворачивался на запад и надолго опускался вниз, в «долину». Иногда я не успевал найти огни с высшей точки, и мне приходилось ждать следующей волны. Об акулах я не думал — все мое внимание было приковано к поискам направления и дыханию.

Я уже успел привыкнуть к своему ориентиру — огням лайнера, как вдруг понял, что долго так

продолжаться не может: лайнер вот-вот скроется из вида. Что я буду делать потом? Ориентироваться по направлению ветра нельзя — он мог быстро измениться. Оставался единственный более-менее постоянный ориентир — расположение облаков. На юго-востоке горизонт был темнее, чем в других направлениях. На западе сверкали молнии, оттуда прямо на меня двигались большие грозовые тучи. Если постоянно следить за изменением облачности, то еще несколько часов можно плыть по выбранному курсу.

Я часто вглядывался в горизонт на западе, все еще надеясь увидеть береговые огни острова, но увы, надежда была напрасной. Лайнер, наконец, скрылся — уже окончательно, и я остался совершенно один, безо всяких ориентиров, в ночном штормовом океане. Вскоре тучи повисли над самой моей головой и пошел сильный дождь.

Знаете, на какой мысли поймал я себя в эту минуту? «Где бы переждать, пока он кончится?»!

Расположение облаков изменилось настолько, что я стал сомневаться в выбранном направлении. Я мог оглядывать небо только при задержанном дыхании, это нарушало его ритм, и мне приходилось затем на некоторое время концентрироваться только на моей трубке, не обращая внимания ни на что больше.

Я часто менял курс: то мне казалось, что нужно плыть в одном направлении, то в другом. Пока возможная ошибка была не более девяноста градусов, я мог продолжать движение, но когда я обнаружил, что не могу с уверенностью сказать, плыть мне в этом или в прямо противоположном направлении, я остановился и стал осматривать ночное небо. Облачность была очень густая. Ни одной звезды не было видно. Если бы мне не нужно было уделять так много внимания своему дыханию, я бы смог, возможно, продержаться на верном курсе до самого утра, наблюдая за развитием облачности у линии горизонта. Мне же приходилось большую часть времени оставаться внизу и всего несколько секунд на вершинах самых высоких волн. Практически, я видел только облака над головой. Когда, наконец, я понял, что у меня больше нет никаких ориентиров, я остановился и решил подождать до утра. Мне казалось, что еще даже полночь не наступила, а у меня нет никакой надежды найти дорогу в этом страшном ночном океане. Держаться на одном месте — значило тоже терять силы. За ночь течение отнесет меня так, что расстояние до острова намного увеличится.

И во мне стал рождаться страх. Волны страха двигались от рук и ног, подступали к сердцу и сознанию. Страх начал душить меня, дыхание стало учащенным, и я почувствовал, что задыхаюсь. Гребни волн по-прежнему часто опрокидывались на меня, заливая трубку, и я понял, что в таком состоянии мне не продержаться на воде и получаса.

Я верю, что от страха можно умереть. Я читал о морях, которые погибали безо всяких причин в первые дни после кораблекрушения. Происходит какое-то самовозбуждение — одна волна страха вызывает другую, большую. Я почувствовал, как судороги стали сжимать горло, мне хотелось кричать. Еще несколько мгновений — и я задохнусь.

В этот момент у меня мелькнула мысль, что мое положение еще совсем не безнадежно, и я просто убиваю себя сам. Я собрал всю свою волю и «взглянул в лицо страху». Этому приему я научился давно, еще когда ходил по ночам на кладбище, чтобы воспитать в себе храбрость. Мне было тогда лет семь-восемь, и я думал, что только так можно выработать в себе бесстрашие. Это очень простой прием, когда его вполне освоишь. Если «отведешь глаза» на мгновение, страх снова набрасывается с прежней силой. Нужно удерживать концентрацию некоторое время и целиком погасить его волны.

Страх постепенно проходил. Я почувствовал, что снова могу дышать равномерно и глубоко.

В моем положении ничего больше не оставалось, как дожидаться утра, просто держась на поверхности. Я понял, что не смогу найти дорогу без звезд.

Там, на корабле, обдумывая свой побег, я был так занят первым этапом, что совсем упустил из виду второй — добраться живым до берега. Если бы у меня был компас! Я представлял себе тропики совсем иначе — неподвижно повисшие паруса... палит солнце... теплые, влажные ночи с яркими, как изумруды, звездами... полная луна среди редких облаков...

Прошло несколько томительных часов. Я старался просто держаться на поверхности, экономя силы. Незаметно подкралась еще одна большая черная туча и вылила на меня потоки пресной воды. Мне удалось сделать два-три глотка, отодвинув трубку и задержав дыхание. Пить не хотелось, но кто знает, сколько еще времени мне придется пробыть без воды.

Ветер стал как будто стихать. На меня реже опрокидывались гребни волн. Облака поредели и среди них показались одинокие звезды. Вдруг в просвете облаков я заметил очень яркую звезду. Это могла быть только планета Юпитер. Я сразу же постарался запомнить расположение облаков на случай, если планета скроется из вида, и уверенно двинулся на запад. Юпитер исчез так же неожиданно, как и появился, но теперь я был обеспечен верным направлением по крайней мере еще на пару часов. Немного позже, когда облака раздвинулись шире, я увидел пояс Ориона на юго-востоке. Я уже мог плыть по прямой линии, почти не сбиваясь с курса. Иногда я просто переворачивался на спину, чтобы лучше видеть облака, и продолжал двигаться на запад не останавливаясь час или два, пока темная туча не закрыла от меня большую часть неба.

Далеко на западе неожиданно показался какой-то огонь, потом он раздвоился, оба огня стали ближе и ярче. Никакого неподвижного ориентира, по которому я мог бы проверить положение этих огней, у меня не было, и каждый раз, когда меня выносило на вершину девятого вала, я находил их в разных местах горизонта. Очень не хотелось держать курс по непонятным огням, это могло быть движущееся судно, и мне пришлось бы плыть за ним неизвестно куда, но ничего другого не оставалось. Я решил, что больше часа не следует двигаться в этом направлении. Волны по-прежнему были огромными, и большую часть времени я проводил в долине, среди «дюн». Вскоре и эти странные огни пропали. Мне снова пришлось остановиться и ждать.

Во время движения я не чувствовал холода, но когда просто держался на поверхности воды, было чуть-чуть прохладно.

Мы жили тогда в Семипалатинске, мне было лет семь-восемь. Плавать я еще не умел, и всякий раз, когда мать отпускала меня купаться с ребятами, она брала с меня честное слово даже близко не подходить к воде. Я сидел на берегу и с тоской смотрел, как плавают, ныряют и плещутся в воде мои сверстники. Надо мной смеялись, дразнили маменькиным сынком, но я ни разу не нарушил обещания.

Родители отправили меня в пионерский лагерь на все лето, и на этот раз мать забыла взять с меня честное слово. Это был мой единственный шанс научиться плавать, и конечно я не мог его упустить. В километре от лагеря находилось глубокое озеро, заросшее кувшинками. У озера была дурная слава, в нем никто не купался — говорили, что там живет водяной. Каждую ночь, когда в лагере засыпали, я убегал на это озеро и учился плавать. Это было нелегко, вообще-то я был ужасный трус.

Через два года после этого, однажды летом, я объявил всем ребятам на нашей улице, что собираюсь переплыть Иртыш. Это глубокая судоходная река с множеством водоворотов и стремительным течением. Ширина ее у Семипалатинска более полукилометра. Жители города обычно купались в ее нешироких, безопасных протоках с отлогими песчаными берегами. Переплыть Иртыш никто из моих знакомых мальчишек или взрослых не пытался.

Солнечным утром я незаметно от родителей вышел из дома в сопровождении двух друзей — пора было исполнять задуманное. Когда я дошел до нужного места и измерил взглядом все расстояние, которое мне предстояло переплыть, то почувствовал страх: берег был едва виден вдали. Отступать было поздно, я вошел в воду и поплыл. Я был почти на середине реки, когда заметил большой пароход, идущий мне навстречу. Сначала я решил его пропустить, но скоро понял, что тогда течение снесет меня в запретную зону ядерного полигона, который тогда строился на другом берегу. Я порядком устал и все же поплыл вперед, хотя наши курсы с пароходом стали пересекаться.

Меня обругали пышной бранью — я оказался у самого носа парохода и чуть не попал под его вращающиеся колеса (винтов тогда у речных судов не было). Прошел еще час или больше, и я наконец выбрался на противоположный берег у самых проволочных ограждений запретной зоны. Чувство гордости скоро сменило другое — чувство вины перед матерью. Солнце склонялось к горизонту, а мне предстояло проделать весь обратный путь. Я не мог позвонить домой — телефонов в городе не было, и не мог сесть на поезд, чтобы вернуться в город. У меня не было ни одежды — я спрятал ее на острове, ни денег, а контролеры в поездах, я знал, неумолимы. Обратный путь

полностью измотал меня, я ничего не ел целый день и едва дотащился до своей улицы. Я надеялся незаметно перелезть через забор и прошмыгнуть в постель. Когда я подходил к дому, была уже полночь. Издалека была видна большая толпа: это соседи и знакомые со всей улицы пришли утешать мою мать. Я чувствовал себя, как перед казнью. Мать не проронила ни звука, только бросила на меня испепеляющий взгляд. Обо мне позаботились соседи — накормили и уложили спать. С тех пор никто на улице не называл меня маменькиным сынком.

Прошло еще несколько часов, вероятно, было сильно за полночь. Наконец облака поредели. Кое-где стали видны сначала одинокие звезды, потом их группы, но они не составлялись в знакомые сочетания, а я все же не так хорошо знал карту звездного неба, чтобы определить созвездие по его отдельным частям. К моей радости, одно — Близнецов — мне все-таки удалось узнать, а немного позже появились еще пояс Ориона и яркая звезда на его линии — Сириус. Они, как дружеские знаки, направили мой путь в нужную сторону, и я мог плыть прямо на запад. Потом небо стало светлеть. Наступающий рассвет погасил все мои звезды, и я острее почувствовал одиночество. Я поплыл медленнее, ориентируясь только по расположению облаков.

Небо было сначала серым, потом появились бледные сине-фиолетовые тона. Через несколько минут краски стали ярче, прорезав небо темно-красными полосами. Облака порозовели и метались по небу в разных направлениях. Восходящее солнце показалось над океаном. Я очень люблю солнце, но на этот раз боялся его лучей — моя кожа была белой, летний загар давно сошел. Странно было представить, что всего неделю назад я ходил в зимней одежде и был сильный мороз.

На западе, над самой линией горизонта, я увидел бутоны кучевых облаков, но, как ни вглядывался, не мог различить среди них ничего больше. Земли на горизонте не было видно. Неужели я ошибся в расчетах? Может быть, меня за ночь сильно отнесло течением? Может быть, капитан изменил курс и лайнер удалился от острова? Может быть, лайнер не дошел до острова или прошел его, когда я прыгнул за борт? Все могло быть, и, еще хуже, все вместе. Никаких следов земли на западе не было... Я оглядывал весь горизонт снова и снова.

Опять приходилось дожидаться девятого вала, и я даже рискнул поднять маску на лоб, оставив только трубку во рту. Океан был совершенно пуст. Небо и океан.

К сердцу снова подступил страх. Надвигалась настоящая опасность — мой призрачный остров пропал. Земля должна быть где-то близко на западе — остров Минданао находится в какой-нибудь сотне миль! Если бы у меня была маленькая лодка, или плот, или хотя бы бревно! Я снова оглядел пространство вокруг, надеясь увидеть какой-нибудь плавающий предмет. Ничего, ни щепки. Будто я только что родился в океане, а земля вообще отсутствует. Я видел первозданный океан, точно такой же, каким он был миллион лет назад. Солнце безмятежно лило на него свои лучи, как будто ничего не произошло.

Внезапно я вспомнил о другой опасности, не менее грозной: на лайнере сейчас уже наверняка обнаружили мое отсутствие. Лайнер может вернуться. Теперь, при свете дня, меня легко найти и, как провинившегося котенка, вытащить из воды. Эта мысль была для меня, как удар бича. Нет, только не это! Лучше все прежние опасности, вместе взятые — исчезновение острова, потеря курса, неизвестность, жажда, голод, лучше смерть от акул, чем возврат на судно. Пока есть силы, я буду плыть. Во что бы то ни стало мне нужно добраться хотя бы до трехмильной зоны — морской границы Филиппин. Плыть вперед, на запад, пока хватит сил!

Прошло около часа. Океан вокруг меня был по-прежнему совершенно пустынным — ни дельфинов, ни птиц, ни летучих рыб. Я вглядывался в глубину, но ничего не видел, кроме сине-фиолетовой мглы и каких-то теней, не то от акул, не то от каких-то крупных морских чудовищ. Об акулах я старался не думать: за этими мыслями по пятам следовал страх. Моя майка была оранжевого цвета: где-то я прочитал, что этот цвет отпугивает акул. Но перед самым отплытием мне попалась другая статья, где говорилось совершенно обратное. Солнце, лучей которого я боялся, выглядело редко, будто стараясь уберечь меня от ожогов. С вершин высоких волн я оглядывал горизонт, и вдруг увидел, что на юге показалось большое судно. У меня была серьезная причина

опасаться не только возвращения лайнера, но и любого судна из стран народной демократии или «третьего мира»: все они выдавали беглецов Советскому Союзу. Я пристально наблюдал за кораблем, стараясь определить его курс, но он не приближался, я видел его все время только на горизонте.

Эти опасения не были напрасными. Много позже я узнал, что лайнер действительно возвращался и меня искали. Родственникам сообщили, что я пропал без вести.

Когда в Союзе стало известно, что я бежал и нахожусь на Филиппинах — об этом передали по «Голосу Америки», — меня заочно судили и приговорили к десяти годам тюрьмы «за измену Родине».

После полудня далеко на западе появилось густое скопление кучевых облаков. Во всех других направлениях облака то собирались, то исчезали, только там они упорно держались на одном месте, словно гора взбитых сливок. И главное, среди них появился слабый, едва заметный неподвижный контур! Я знал, что облака постоянно парят над горами, а остров был гористым, я помнил это по карте!

Снова и снова я взбирался на вершины волн и с замиранием сердца всматривался в горизонт, стараясь разобраться, что это — мираж или, наконец-то, мой исчезнувший остров!

Солнце стало светить из-за облаков сверху, прямо мне в лицо. Было около двух часов дня. Неподвижный контур острова теперь был виден из любого положения, мне уже не нужно было дожидаться самой высокой волны, чтобы увидеть его. Он высоко поднимался над горизонтом по обе стороны белой башни кучевых облаков. Я почти не сомневался, что это и есть Сиаргао. «Земля!» — не мог я отказать себе в удовольствии прокричать это чудесное слово и услышал хриплый звук собственного голоса. В эту минуту я чувствовал себя почти победителем.

Дважды в жизни я, заблудившись, оказывался безнадежно далеко от человеческого жилья, практически без шансов найти дорогу, и оба раза мое спасение было похоже на чудо.

Первый раз это случилось, когда по делам, связанным с моей работой, я шел через северную тундру за шестьдесят километров в поселок Дальние Зеленцы, расположенный на берегу Баренцева моря. Рейсовый пароход до поселка только что ушел, ближайший ожидался лишь через неделю. В тундре я оказался впервые, и решил идти пешком, чтобы все увидеть и узнать самому. Местный житель, у которого я спросил дорогу, оглядев мою легкую одежду и летние туфли, сказал решительно: «Возвращайся, парень, и жди парохода — заблудишься. Туда только один путь — морем». Я с трудом выудил у него какие-то сведения и отправился пешком. Уже через несколько часов я, конечно, заблудился. Больше суток я шел по дикой местности и не мог остановиться хотя бы на час — тут же заедали комары. Меня окружали огромные безлюдные пространства, покрытые лесами и болотами. Ни малейшего представления о том, какого направления держаться, у меня не было. Я шел вперед, взбирался на вершины холмов, обходил бесчисленные озера и болота и пристально вглядывался в горизонт, надеясь увидеть море — спасительное Баренцево море, на берегу которого должен был находиться мой поселок. По дороге мне встретилась крупная собака-овчарка. Я стал подзывать ее, надеясь, что она приведет меня к человеческому жилью или пастуху, но собака как-то странно посмотрела на меня и отправилась дальше. Я сначала удивился, а потом подумал, может, это волк? А я к нему пристаю...

Наконец, далеко на горизонте я увидел бледно-голубую полосу, которая то появлялась, то исчезала. Она была видна сначала только с самых высоких холмов, и мне пришлось еще долго идти, чтобы убедиться, что это и вправду море.

В тундре стоял полярный день, солнце светило не заходя, и я уже не знал, день сейчас или ночь и сколько времени я иду.

С трудом пробираясь по низине, я чуть не вплотную столкнулся со стадом северных оленей. Я видел их раньше только в зоопарках и не знал теперь, опасаться мне их или нет. Стадо нестройно задвигалось и тут же перестроилось в боевой порядок: в центре его оказался молодняк, его окружили оленихи-матки, а снаружи, охраняя их, эллипсом выстроились самцы-олени. Наклонив головы к земле, они медленно двинулись ко мне. Обойти их я никак не мог и начал отступать, пятясь, затаив дыхание. Так, не увеличивая и не уменьшая расстояния, мы двигались некоторое время. Потом, к

моему облегчению, вожаки остановились, постояли немного и вернулись к стаду. На этом мои злоключения не кончились. Я забрел по колено в болото и, осторожно переставляя ноги, пытался нащупать под ногой твердую кочку — и вдруг услышал окрик: «Руки вверх! Документы!» Слева в камышах появились две зеленые пограничные фуражки. Я был так удивлен, что не мог удержаться от идиотского вопроса: «А что вы тут делаете?» До ближайшей границы отсюда, по моим понятиям, было не менее тысячи километров. «Не разговаривать! Документы!» Пограничники были изумлены еще больше, чем я, когда у меня оказался специальный пропуск в эти дикие безлюдные места, выданный властями. Они недоверчиво показали мне направление через болота и озера и еще долго оторопело смотрели вслед.

Когда я, наконец, на следующие сутки входил в Дальние Зеленцы, его жители разглядывали меня так, будто я был инопланетянином. Позже от приютившего меня местного охотника я узнал, каких страшных опасностей избежал, даже не подозревая о них. Оказалось, что я был первым человеком, добравшимся до поселка через тундру.

Второй раз я заблудился зимой на льду озера Байкал, выйдя ненадолго размяться из танка-вездехода, где мы, участники гидрологической экспедиции, сидели, ожидая, пока замерзнет большая трещина-полынья. Километрах в трех-четырех виднелся высокий скалистый берег, покрытый голубым льдом, такой красивый, что мне захотелось рассмотреть его поближе. Я не заметил, как наш танк превратился в черную точку. Внезапно задул ветер, и началась метель. Берег скрылся из виду, я не видел ничего в нескольких метрах. Двухметровой толщины лед подо мной был гладким и прозрачным, на нем не оставалось следов. Чтобы не заблудиться и не замерзнуть, я кружил на одном месте и ждал, пока меня хватят и начнут искать. Я старался расслышать в шуме метели какие-нибудь сигналы с танка, но ничего не мог разобрать. Гулко трескался лед, многократное эхо прокатывалось, казалось, и снизу, и сверху, и со всех сторон. Среди этих сухих ружейных щелчков и оглушительных пушечных выстрелов были слышны иные, странные, живые звуки, как бы тяжелое уханье, надрывные стоны и протяжный вой. Казалось, что подо льдом ворочались, вздыхали, топали и выли огромные доисторические чудовища. Не успев замереть, эти звуки снова нарастали с наводящей ужас силой. Я начал понимать, как невелики мои шансы на спасение. Никто никогда не отходил так далеко от танка во время экспедиции — все наши сотрудники были местными и хорошо знали, на что способна байкальская погода. Никакой договоренности на этот случай у нас не было, и в ближайшие часы мне, скорее всего, оставалось рассчитывать только на свои силы. С собой у меня было два ножа, чтобы передвигаться при сильном ветре. Я захватил их на всякий случай, наслышавшись историй о том, как путников уносило ветром по гладкому, как каток, льду на десятки километров.

Спасло меня чудо, другими словами это не назовешь: метель вдруг разомкнулась узким прямым коридором, ведущим к едва видимой точке-танку. Не веря своим глазам, я быстро пошел по образовавшемуся проходу и вскоре услышал шум работающего двигателя.

К вечеру океан успокоился — кругом, насколько хватало глаз, были видны могучие пологие волны зыби, кое-где на них появлялся невысокий гребень. Я по-прежнему тщательно следил за дыханием. Дышать было легко, я даже мог позволить себе более свободный ритм, без первого пробного вдоха, но поднять маску все же не решался.

Солнце выглянуло из-за облаков в последний раз, будто попрощаться со мной, и скрылось. Небо запылало всеми цветами радуги, краски сменяли друг друга прямо па глазах. В несколько минут облака из огненно-красных стали оранжевыми, потом сиреневыми и густо-фиолетовыми. Стало быстро темнеть. Наконец тьма и тишина опустились на океан.

Наступила моя вторая ночь в океане.

Незаметно зажглись звезды. На западе, там, где должен был находиться мой таинственный остров, я увидел множество огней. Они мерцали на уровне горизонта и гораздо выше над ним — это, наверное, были маленькие деревушки по склонам гор.

После суток плавания я не чувствовал ни усталости, ни болезненных ощущений. Мое дыхание было глубоким и ритмичным, плылось легко, меня не мучили ни жажда, ни голод. Видимый мир

замкнулся на вершинах ближайших волн. Я как бы растворился в них и все движения бессознательно делал так, чтобы слиться с их шумом и не тревожить океан понапрасну.

Океан дышал как живое, родное, доброе существо, его равномерное, теплое дыхание было густо насыщено ароматными запахами. Иногда на склоне черных холмов дождем осыпались какие-то огоньки и тут же уносились вверх, в небо. Вода касалась кожи незаметно, ласково — было даже как-то уютно. Если бы не сознание того, что я человек и должен куда-то плыть, я был бы, наверное, почти счастлив. Я инстинктивно старался не думать о том, чего не мог себе позволить в данный момент. Ясно, я хочу того и этого, но у меня ведь нет этого сейчас, а этот миг — вечность в моей жизни, почему я должен испортить его мыслями о невозможном?

Я медленно парил на границе двух миров. Днем океан казался стихией, вызванной к жизни ветром, и только ночью, когда ветер стих, я увидел его настоящую, самостоятельную жизнь.

Стоило наклонить голову к воде, и взгляду открывался фантастический фосфоресцирующий мир.

Подо мной был крутой склон двухтысячметровой Филиппинской впадины, одной из самых глубоких в мире. Мне было видно в глубину примерно метров на сто.

Я видел, как внизу мигают далекие и близкие звезды, летят какие-то светящиеся стрелы, как проносятся загадочные торпеды, оставляя дымящийся световой след. Я видел вспышки взрывов и победные фейерверки, огни городов и селений, дымовые завесы и извержения вулканов. Вглядываясь в глубину, я открыл для себя захватывающее дух ощущение полета над бездной. Я зависал над ней, вглядываясь в россыпь огней, сверкающих внизу, чувствуя себя как бы парящим в невесомости над бесчисленными огнями ночного города. Стоило перевести взгляд на другое скопление, лежащее ниже, как возникал волшебный эффект снижения высоты полета. Так я медленно спускался по этим огненным уступам глубоко вниз, сердце начинало колотиться от страха — и я взлетал к поверхности, но меня тут же тянуло снова заглянуть в пропасть, над которой я висел. Порой огни подо мной исчезали внезапно — тогда я срывался вниз и падал, замирая, пока не хватался взглядом за вспышку света как за опору. Я боялся слишком долго засматриваться в глубину — мне могло показаться Бог знает что.

Когда-то я читал рассказы моряков и потерпевших кораблекрушение о том, как в такие звездные ночи всплывают на поверхность гигантские морские чудовища, выходят на охоту огромные акулы, десятиметровые скаты-манты выпрыгивают из воды во весь свой рост, как заводят ночное сражение исполины-кашалоты и кальмары и неизвестно отчего вода вокруг начинает бурлить и засасывает в бездонную черную воронку все, что находится поблизости.

С тихим ужасом и жгучим любопытством я ожидал, что вот-вот увижу что-нибудь подобное.

В первую ночь опрокидывающиеся гребни волн вызвали свечение всей водной поверхности, но теперь, когда океан затих, каждое мое движение сопровождалось голубоватым языком пламени, и было похоже, что я горел на медленном огне, а за ластами тянулся сверкающий след, словно шлейф бального платья. Я попробовал грести, погрузив руки в воду, но и там искры, не угасая, обтекали плечи, локти и кисти. Свечение прекращалось только когда я совсем не двигался, а ведь мне надо было плыть... Разумеется, я был виден из глубины, как на ладони. Мне ничего не оставалось, как плыть, не обращая на это внимания и сохраняя спокойствие, насколько возможно. Пусть акулы думают, что я тоже здесь живу. В конце концов, это моя единственная защита.

Иногда мне казалось, что волны вокруг меня изменяют свои очертания, в ночной темноте рождались смутные, неясные формы, исчезающие прежде, чем я успевал их разглядеть. Временами я слышал звуки, напоминающие журчание ручья в лесу, шорохи крыльев и шелест листьев. Отчетливее я улавливал приятную музыку, как бы нежный женский хор. Так часто бывает у воды — я слышал такое же тихое, нежное пение на берегу Иртыша во время рыбной ловли и на диком берегу острова Ольхон на Байкале. Я помню, как пытался отыскать его источник: вслушивался во все окружающие звуки, лазил по деревьям, ползал в траве, взбирался на большие камни и скалы — хор голосов был слышен только у самой кромки воды. Я оставил свои попытки, успокоился и уже не пытался узнать причину.

Я люблю гулять по ночному лесу. Во время таких прогулок бывает немного жутко, внимание обостряется так, что чувствуется все, что происходит вокруг тебя и даже за спиной. Хрустнувшая

ветка заставляет вздрагивать, как от выстрела. Стараешься идти так, чтобы не производить ни малейшего шума. Лес как будто оживает, деревья тянутся, чтобы помешать ходьбе, их ветви замирают, протянувшись над головой в странных, неестественных изгибах, лесные звери застывают в последний момент перед прыжком. Ты не видишь движения вокруг себя, но ощущаешь его. На каждом шагу тебя подстерегают опасности, в каждое мгновение что-то может случиться.

Сейчас, в ночном океане, я чувствовал то же самое.

Часто за моей спиной раздавались вздохи и шорохи, заставлявшие меня оглядываться. Иногда я слышал, как со всех сторон на разные голоса повторяется мое имя — все громче и ближе, а потом голоса постепенно удаляются, и я долго слышу, как они стихают в отдалении. Я постоянно ощущал рядом чье-то присутствие. Временами раздавались звуки, которых не могло быть на Земле.

Потом, как по взмаху волшебной палочки, все смолкало, и становилось еще более жутко от этой живой, обволакивающей тишины. Меня успокаивали мерные всплески волн, они, как легкие музыкальные аккорды, так незаметно прерывали тишину, что казалось, это плещутся о берег волны спокойного озера. Я наконец решился поднять маску на лоб и теперь мог дышать свободно. Глубокое, ритмичное дыхание рассеивает страхи. За последние несколько часов я заметно приблизился к острову, настолько, что даже решил, что смогу добраться до него этой же ночью, в крайнем случае, завтра утром.

Невидимая рука закрыла небо серо-голубой вуалью, огни на западе скрылись в дымке, остров пропал за ней, словно кто-то задернул занавес — весь горизонт стал одинаково серо-голубым.

Сильный ожог рук, шеи и груди заставил меня вздрогнуть от боли. Невдалеке от себя я увидел какие-то странные светящиеся палочки. Они торчали под углом и постепенно приближались. На всякий случай я отплыл в сторону — в моей ситуации мне было не до научных исследований. Светящиеся палочки проплыли метрах в пяти. Как я узнал позже, это было скопление медуз-физалий. Их щупальца достигают пятнадцати метров и вызывают сильнейшие ожоги, лихорадку и даже паралич. Мне сильно повезло, что я не попал в их объятья. (Много лет спустя на рифах Карибского моря я еще раз встретился с физалиями. Я увидел их розово-фиолетовый парус прямо перед глазами и не успел отпрянуть в сторону, как почувствовал жгучую боль. До берега и ближайшего селения, где мог быть госпиталь, было очень далеко. Когда я смог освободиться от их плотно прилипших к телу нитевидных щупалец с фиолетовыми точками, мои руки и ноги оказались покрыты волдырями, боль была ужасная. На мое счастье, общая площадь ожогов оказалась некритической — иначе это бы кончилось для меня смертельно.)

Края редких облаков вспыхнули густо-красным светом, просторы неба налились невиданным бархатно-желтым настоем. Восходящий диск солнца осветил дремлющий океан и меня — единственное живое существо на его поверхности.

Небо и облака переливались, полыхали, мерцали, стремительно меняя краски, не давая мне времени налюбоваться каждым новым переливом.

Остров казался теперь одной огромной скалой, окрашенной во все оттенки розового — от нежного на ее вершине до розово-коричневого у подножья. Там еще лежал густой туман, остров возвышался над ним, и казалось, что он парит над океаном на облаке. Потом я увидел, как туман рассеялся и розовая скала на моих глазах опустилась в океан.

На всем видимом пространстве чуть шевелились пологие белесые дюны с освещенными восточными склонами. На край этой водной пустыни выплыл огромный красно-желтый диск, задержался на мгновение — и плавно встал у горизонта. Ни ветерка. Влажный ароматный воздух дурманил сознание. Казалось, вся океанская чаша колеблется от края до края. Облака медленно раскачиваются над головой, огромный горячий шар то поднимается, то опускается совсем близко, за ближайшими холмами. Когда солнце поднялось выше и эта гигантская вселенская качка немного утихла, я развернулся лицом к западу. Земля занимала уже весь горизонт передо мной.

У меня начали уставать ноги. Я поплыл медленнее, надеясь ввести в работу другие мышцы, но это

улучшило состояние ненадолго. Я мечтал встретить дельфинов или больших морских черепах и попросить их о помощи — иногда они помогали, я слышал об этом, — но их не было поблизости. Я не мог позволить себе забыть даже на минуту-другую: все время нужно было держать под контролем дыхание. Я делал очень глубокие вдохи, а при таком медленном ритме дыхания легко втянуть мельчайшие капли воды прямо в легкие и закашляться — со мной это не раз случалось прежде на воде и под водой. Я хорошо знал, как тяжело проплыть в таком состоянии даже короткое расстояние до берега или до лодки. Есть и пить мне совсем не хотелось — я настроил себя на самые непредвиденные обстоятельства. Мне казалось, что я смогу легко выжить без воды в течение двух недель и без пищи около месяца. А потом? Будет видно... всегда что-нибудь находится...

Борьба за выживание могла сильно отвлечь меня от наблюдений. Мне хотелось увидеть и понять все то, что всегда было скрыто от человеческих глаз и внимания. Я терял самообладание только на короткое время.

Прошло еще несколько часов. Я с радостью обнаружил, что южная оконечность острова, особенно у горизонта, стала как будто чуть-чуть темнее и, значит, должна быть ближе. Я изменил курс и направился на юго-запад. Как позже оказалось, это была непростительная, ужасная оплошность.

После полудня облака, все утро закрывавшие солнце, исчезли. Теперь, пройдя зенит, оно светило мне в лицо. Открытые плечи, руки, грудь и часть спины стали нестерпимо гореть. Но мне все-таки поразительно везло — белоснежные облака вскоре появились снова, нависли прямо надо мной и спрятали меня в своей тени.

Довольно близко от себя я увидел какой-то черный предмет — мне показалось в первый момент, что это днище перевернутого судна. Он был виден только с вершин высоких волн, и мне никак не удавалось к нему приблизиться. Потом он неожиданно пропал. Это могла быть плоская одинокая скала или риф, а может, что-нибудь другое, кто знает.

Должно быть, именно в это время я попал в полосу сильного берегового течения, и меня стало сносить к югу, но я обнаружил это, когда было уже поздно. Мое внимание отвлек корабль, который я заметил к югу от себя. Сначала я увидел высокие мачты прямо над линией горизонта, а корпус почему-то долго не показывался. Когда он, наконец, показался, я без труда опознал небольшой рыболовный сейнер тонн на пятьсот-шестьсот. По моим расчетам, я уже был в трехмильной береговой зоне и мог не опасаться, что меня вернут на лайнер. Судно шло прямо на меня, и я даже перестал грести. Но, не доходя четверти мили, оно неожиданно изменило курс и прошло мимо в каких-нибудь ста-двухстах метрах на север между мной и островом. На палубе никого не было, и сколько я ни махал руками, ни кричал — меня никто не заметил. Названия его я не мог разобрать, краска на носовой части борта облупилась, буквы были покрыты ржавчиной, а когда ко мне повернулась корма, оно было уже далеко.

Я был так уверен, что судно послано мне Богом! Когда оно прошло мимо, я почувствовал себя на грани отчаяния.

Близился вечер. Океан вокруг был полон жизни — из воды часто выскакивали крупные рыбы, над моей головой пролетали невиданные большущие птицы. Впереди я уже совсем отчетливо видел остров. Он был сказочно красив. Вдоль всего побережья протянулась цепочка игрушечных пальм. Прямо напротив меня я видел крутые отвесные скалы, покрытые темной зеленью, и вход в живописную бухту. Поверхность гор переливалась всеми оттенками зеленого, и только кое-где небольшие белые пятна указывали на наличие обнаженных пород. Бутоны белоснежных облаков скрывали вершины синеющих гор, а может быть, что-то еще, таинственное и прекрасное.

Остров казался необитаемым. Я не видел никаких признаков жилья, ни дыма, ни очагов, ни строений. В неудержимом воображении я уже перебирал все счастливые возможности его освоения. Он был так близко — стоило только протянуть руку.

Прошло около часа, может быть, больше. И вдруг, сначала с удивлением, а потом с ужасом я обнаружил свою ошибку — мой остров стал заметно смещаться к северу и продолжал неумолимо

двигаться в этом направлении, прямо на моих глазах.

Прежде чем я сообразил, что происходит, и резко изменил свой курс прямо на север, я увидел перед собой южную оконечность острова и дальше — открытый океан до самого горизонта. Я оказался целиком во власти течения и со страхом видел, как оно медленно проносит меня мимо земли.

Позже я заметил довольно близко от себя низкий берег, покрытый невысоким кустарником. Я узнал потом, что это был крошечный остров Дако, всего около мили в длину. Он расположен в двух с половиной милях от Сиаргао.

Как ни старался я плыть энергичнее, как ни пытался выжать все, что еще оставалось в усталых мускулах, расстояние между мной и берегом не сокращалось.

Я все еще надеялся на чудо. Оставалась одна, последняя надежда, что попутное приливное течение вынесет меня к берегу. Но берег постепенно отодвигался все дальше и дальше, и я понял, что у меня больше нет никаких шансов выбраться на этот заколдованный остров.

Я очень устал и неподвижно повис в воде. Стало темно. Мое тело неторопливо поднимали и опускали большие, пологие волны зыби. Отдохнув, я медленно поплыл на север, теперь уже безо всякой цели — остров Минданао был слишком далеко.

По радужным краскам, полыхавшим по всему небу, я заметил, что наступил закат. Даже сейчас, в моем отчаянном положении, я не мог не удивиться тому, какое невероятное зрелище представляют местные закаты и восходы. На небе передо мной разворачивалось настоящее апокалиптическое действо, не хватало только трубных звуков и ангелов. А может быть, они и были, и я их просто не слышал?

Стало совсем темно. Наступила моя последняя ночь в океане. На северо-востоке, не то в море, не то на берегу я увидел два огня. Они были недалеко друг от друга и мигали через определенный интервал — должно быть, это какое-то судно ловило рыбу на свет. Огни казались совсем далекими, но мне ничего не оставалось, как плыть на них. Надо же было плыть хоть куда-нибудь!

Ноги перестали мне повиноваться и беспомощно повисли — я двигал тело только руками. Было такое ощущение, что ноги совсем отсутствуют, и лишь дотронувшись до них, я мог убедиться, что они на месте. Когда ноги снова появлялись, я пытался включить их в работу, но они исчезали все чаще. Сильно горели обожженные солнцем лицо, шея и грудь. Меня лихорадило и все больше клонило ко сну. Временами я надолго терял сознание. Боясь сбить дыхание, я опустил маску и взял в рот загубник. Оказалось, что можно довольно долго висеть в воде, не боясь захлебнуться, нужно только держать трубку под определенным углом. Я чувствовал какое-то отупение и стал мерзнуть. Наконец, ноги совсем отказались служить мне и безжизненно повисли. Легкие, однако, по-прежнему работали ритмично, как и в начале пути — сказались долгие тренировки в дыхании по системе йоги. Я бы мог еще долго работать руками, но сознание стало исчезать все чаще, а когда оно возвращалось, я обнаруживал, что плыву не к огням, а от огней.

Эта ночь была очень темной, гораздо темнее всех предыдущих. Свечение вокруг меня уже не затухало — похоже, на мне основательно поселилась колония фосфоресцирующего планктона. Мне стало труднее видеть все, что происходит в нескольких метрах от меня, из-за собственного света. Но стоило мне погрузиться в полубессознательное, похожее на транс, состояние, как я приобретал странную способность видеть пространство перед собой на несколько километров вперед. Я помню, как в этом состоянии пробежал равнодушным взглядом до берега, видневшегося вдали, километрах в десяти. Я различал пальмы на берегу, за ними темную кромку леса, а дальше деревья друг над другом все выше и выше — это подъем в горы. Эти горы с голыми вершинами я видел днем, но с другой стороны. Тогда, сбоку, они казались мне одной огромной остроконечной скалой, а теперь развернулись ко мне всеми своими пиками. А вон там, недалеко от меня, какие-то широкие белые полосы, это, наверное, буруны на рифах, значит, нужно взять левее, там вода спокойнее. Я очнулся — и на меня снова навалилась непроницаемая тьма, в которой нет ничего, кроме двух-трех мигающих огней впереди.

Меня подвело мое неверие. Только позднее я понял, что действительно видел перед собой

реальный остров. Оказалось, что течение, предательски отнесшее меня от восточного берега Сиаргао, через несколько часов приблизило меня к нему, но уже с южной стороны. Я находился в сравнительно спокойных водах неподалеку от еще нескольких филиппинских островов и, если бы остался там до утра, увидел бы землю на горизонте сразу с трех сторон.

Огни не приближались. Это могло быть какое-то уходящее судно. Я подумал о смерти. Мне казалось, что бессмысленно продлевать жизнь еще на несколько мучительных часов — я уже не надеялся встретить рассвет. Я решил умереть. В моем положении это было довольно трудно. В эту минуту я пожалел, что не взял с собой нож. Оставалось только два способа: один — наглотаться воды, сбросив все плавательное снаряжение, другой — нырнув, задержать дыхание, пока не кончится воздух в легких. Второй способ казался мне менее мучительным и более надежным. Смерть была мне знакома, я много раз умирал в своих отчетливых до реальности сновидениях. Я помню, как был из ревности заколот в живот где-то в Индии, как в одном из снов кто-то цепко схватил меня под водой за ноги и не отпускал, пока я не захлебнулся. Я помню, как моя голова была зажата меж деревянных брусьев гильотины и долго не падал нож. Помню, как стоял в ожидании казни во дворе тюрьмы, где одного за другим вешали моих товарищей...

Еще раз я перебрал все шансы остаться в живых. До Минданао более сорока километров. Даже если бы я мог продержаться на воде, то и тогда жить мне осталось до первого шторма — затяжного ритма дыхания я уже не выдержу.

Я подумал, что нужно проститься с женой, Женькой, мамой, друзьями. Я мысленно обратился к жене со словами прощания. Эта мысленная концентрация была настолько сильной, что я ясно ощутил ее присутствие здесь, в океане, прямо передо мной. Между нами произошел короткий диалог. Я помню, это было сильное и строгое дружеское внушение за мою слабость. Потом меня окутало облако любви и покоя. Трудно сказать, сколько времени это продолжалось. Когда это ощущение исчезло, я почувствовал себя как после длительного блаженного отдыха. Боль в мышцах прошла, прекратился озноб. В моем нынешнем состоянии убить себя было совершенно невозможно, мысли о смерти исчезли сами собой. Я снова мог плыть. Некоторое время я продолжал двигаться на мигающие огни, но потом тихий, но ясный голос внутри меня произнес: «Плыви на шум прибоя». Никакого шума прибоя я не слышал и сам себе никак не мог бы этого сказать. Но голос или, может быть, ясная мысль снова отчетливо появилась в сознании. Я прислушался — действительно, уже некоторое время вдали, где-то слева, был слышен глухой рокот, на который я раньше не обращал внимания. Он был похож на гул взлетающих реактивных самолетов. Внутренний голос настойчиво повторял, чтобы я плыл именно на шум прибоя. Я повернул влево и поплыл на этот отдаленный шум. С этого момента я потерял контроль над временем и снова, по-видимому, впал в состояние транса.

В какой-то момент я понял, что кто-то плывет рядом со мной слева. Я разговариваю с ним, не поворачиваясь и продолжая грести. Внезапно спохватившись, оборачиваюсь, ища этого второго глазами, — никого нет. Пологие волны уходят в темноту, надо мной непрерывно качаются звезды, они замирают на миг, когда я оказываюсь на вершине или в самом низу. Я понимаю, что оба этих говоривших были во мне, я же был еще и наблюдателем, слышавшим, как эти двое сначала переговаривались, а потом стали переругиваться. Их разговор совершенно исчез из моей памяти. Помню только, что он шел обо мне и о той опасности, в какой я находился, — один обвинял другого. Разговор был если не вслух, то совершенно отчетливый. Мне он представлялся спором двух посторонних. Помнится, я еще удивился, что, по их словам, нахожусь в опасности. Мое состояние было таким, как если бы я, задумавшись, тихо брел ночью по дороге вдали от человеческого жилья.

Я совсем потерял понятие о времени, и мне стало казаться, будто я плыву уже очень давно — целую вечность.

Иногда на волнах возникали какие-то непонятные светящиеся всплески, похожие на языки пламени. То, что вызывало эти всплески, оставалось в тени или было едва различимо. Я пугался, когда они вплотную приближались ко мне, — тогда казалось, что это движется что-то живое, а то вдруг чудилось, что со склона волны, как с горы, прямо на меня скатывается огненная бочка. Когда эти всплески появлялись вокруг, казалось, что какие-то неразличимые существа бегают, прыгают,

скользят и летают над поверхностью океана. Как и в прошлую ночь, слышались непонятные звуки, тихое пение и перекликающиеся голоса. Началось что-то похожее на галлюцинации: стоило сознанию задержаться на мимолетных мыслях и образах, как они тут же обретали осязаемые формы. Я видел старинные корабли, финикийские галеры, каравеллы Колумба, клипера, идущие на всех парусах; ко мне подплывали шлюпки с людьми — я ясно видел их лица, они разговаривали со мной и проплывали дальше. Я видел, как пираты-мавры бросались на abordаж купеческих судов и перетаскивали сундуки с товаром и кувшины с вином на свой парусник, как совсем близко от меня бесшумно скользил «Летучий Голландец»... Возникали отрывочные, неясные картины каких-то катастроф: судно в пламени и дыму, я на мачте парусника, потерпевшего кораблекрушение. Внизу в панике мечутся люди. Внезапный взрыв, и я лечу куда-то в бездну. Пытаюсь ухватиться за плот, наспех связанный из двух рей, но меня смыкает волной. Я не успеваю взобраться на него — и вижу подплывающую акулу...

В те мгновения, когда смерть казалась неминуемой, видения внезапно обрывались, и я снова оказывался в ночном океане.

Но потом все видения пропали. Со мной случилось что-то, что не могло быть ни сном, ни галлюцинацией.

След этого события остался во мне на всю жизнь. Я запомнил его, потому что его нельзя было не запомнить, так сильно человека не может изменить ни бред, ни сон, ни видение.

Я оказался в просторном доме, который сначала был пуст. Я обошел все комнаты — одна была больше других, с длинными лавками вдоль стен. Только я направился к выходу по узкому коридору, как столкнулся с группой людей, мужчин и женщин, одетых в длинные светлые одежды. Я почувствовал себя неловко вначале, я совершенно не помнил, как оказался внутри дома, и не мог бы объяснить им мое вторжение. Но они как будто несколько не удивились моему появлению и встретили меня сердечно и приветливо.

Я не берусь описать ту жизнь. Я был счастлив там, как никогда и нигде больше. Во всем ощущалось Божественное присутствие — и в этих людях, и в природе, и во всей атмосфере той жизни. Наши души были полны любовью. Мы общались без слов, будто читая намерения друг друга. Понимание было абсолютным. Времени не существовало: не было ни прошлого, ни будущего — всегда одно счастливое настоящее.

Я жил среди этих людей долго, может быть годы.

Несколько раз я терял это счастливое состояние и тогда оказывался среди высоких волн в ночном океане. В эти минуты я ощущал глубокий душевный перелом, какие-то необратимые явления в психике и во всем теле. Я переживал потерю чего-то бесценно чудесного. В памяти возникали какие-то неясные обрывки воспоминаний, но я не мог связать их в одно целое. Я помню вокруг себя светящуюся массу воды в непрерывном движении, огромный корабль с яркими огнями, удаляющийся от меня в темноту. Больше я ничего не мог вспомнить.

Каждый раз, когда я находил себя в океане, я понимал, что сбился с курса и плыву в сторону от шума прибоя. Я прислушивался, менял направление и тут же возвращался обратно. Иногда я оказывался в океане всего на несколько минут, как будто меня посылали для того, чтобы выправить курс. Оттуда, из другого мира, океан казался сном, и я быстро забывал о нем, вернувшись. Но одно впечатление, сильное и неприятное, повторялось чаще других: я завис в какой-то странной среде. У меня болит все тело, я очень устал, мне ужасно хочется встать на ноги. Я ищу под ногами какую-нибудь опору и не могу найти — везде вокруг меня только непонятная среда. Я не понимаю, что я в воде. Я не понимаю, кто я, где, почему — я только хочу вернуться назад, туда, где только что был.

В один из дней мы собрались в просторном зале за большим столом. Что-то необычайное происходило вокруг, и я чувствовал, что центром этого происходящего был я. Я видел обращенные на меня взгляды, в них была любовь и напутственное ободрение. Это было похоже на церемонию прощания.

И тут, прежде чем я успел понять что-либо, стены комнаты стали трескаться и раскалываться на части. Какая-то могучая сила сорвала меня с места и швырнула в ночной океан с кипящей и светящейся водой. Первые мгновения были абсолютно безмолвными — слух еще не успел

включиться, но в следующий момент я услышал рев океана. Меня сильно встряхнуло, и я стал неудержимо падать куда-то в бездну. Ясно помню свою первую мысль: «Я жив, я на рифе!» Волна отхлынула, и я оказался в пенистой, кипящей воде, а рев прибоя теперь переместился в сторону.

Я окончательно пришел в себя и начал соображать, что же делать, но тут снова услышал приближающийся гул.

Свечение моря вблизи меня создавало впечатление непроницаемой темноты вокруг — точно такой же эффект наблюдается, когда сидишь у пылающего костра ночью. Но то, что я увидел неожиданно, в каких-то тридцати-сорока метрах от себя, врезалось в мою память на всю жизнь.

Это была гигантская волна с крутым, очень и очень медленно падающим гребнем. Я никогда в жизни не видел таких огромных волн — мне казалось, что она даже чуть-чуть касается неба. Ее гребень был окружен светящимся ореолом, и вся она была залита голубоватым сиянием от подошвы до вершины. Наверное, эта волна была не больше тех волн, которые рождаются с внешней стороны рифов во время крупной океанской зыби, но я находился у самого ее подножья, где вообще редко бывает наблюдатель, и оттуда она выглядела гигантской. Она двигалась медленно и была фантастически красива. Я видел ее чуть сбоку. Линия ее изгиба была настолько совершенной благодаря идеальным соотношениям высоты волны и гребня, что казалась живой и одушевленной. Волна как будто стояла на одном месте, сотканная из голубоватого сияния и бесчисленных светящихся брызг. Изгиб ее гребня, стройного, как лебединая шея, продолжал сохранять свою совершенную форму — вода свободно переливалась через него, плавно стекая танцующими языками пламени. Она немного отставала как раз в том месте, где я находился. Я был так захвачен ее созерцанием, что совершенно забыл об опасности.

Внезапно я услышал глухой рокот справа от себя, повернул голову и понял: «Это конец».

Гигантская гора отчетливо высилась метрах в двадцати и медленно двигалась уже прямо на меня, но так медленно, что в течение нескольких секунд я с ужасом, как замороженный, следил за ней. Однако волна не обрушилась на меня, как я невольно ожидал. Какая-то неумолимая сила потащила меня наверх по ее не очень крутому склону, прямо к самому подножью падающего гребня. Я инстинктивно схватился за маску с трубкой и успел сделать глубокий вдох. Гребень стал рушиться на меня, а затем меня затащило под него. Какое-то мгновение я находился прямо под ним, в завитке волны, как в пещере. Потом мое тело оказалось в бушующем потоке воды — внутренние силы волны извивали меня винтом, переворачивали много раз через голову, крутили во все стороны, пока не ослабли.

Я стал всплывать на поверхность, совершенно не представляя, как глубоко под водой я мог оказаться. Я успел лишь отметить про себя, что меня не ударило о риф и моя маска с трубкой со мной, пошевелил ногами — ласты тоже были на месте.

У меня хватило дыхания добраться до поверхности, хотя, по моим ощущениям, я всплывал довольно долго. Я стал жадно глотать свежий воздух и, наконец, понемногу отдышался. В эту минуту я увидел, как недалеко от меня в ореоле голубоватого сияния поднимается новая волна. И опять меня охватило одновременно восхищение и неописуемый ужас перед этой совершенной громадой. «Где же риф, и сколько волн я еще смогу выдержать?» — промелькнула мысль. Волна приближалась медленно, царственно, торжественно. Я делал глубокие вдохи и выдохи, стараясь накопить побольше кислорода в легких. На этот раз она казалась мне гигантской коброй, которая, изогнув шею, готовилась броситься на меня. В следующее мгновение я был проглочен ею. У меня едва хватило дыхания дотянуть до поверхности — я дышал уже безо всякой предосторожности, как утопающий. Прошло еще несколько волн, и я был погребен под каждой из них. Увидев, как новая волна приближается из темноты, я понял, что она будет для меня последней. Я простился с жизнью и в эту минуту вспомнил, как мне удавалось удерживаться на гребнях больших волн, купаясь в Черном море. Правда, то были просто волны-карлики по сравнению с теми, что мне пришлось увидеть сейчас. Так же, как тогда, я быстро развернулся спиной к волне, и на этот раз она подхватила меня и понесла в падающем гребне с огромной скоростью сначала далеко вперед, а когда отхлынула обратно, назад. Я легко выбрался на поверхность и поплыл, не теряя времени, вместе с движением волн. Я надеялся, что где-то там, за рифами, должна быть лагуна. Мне казалось, что следующая волна

долго не появляется, но потом я ее увидел. Это была уже не гора, а просто очень большая волна с крутым падающим гребнем. Я быстро принял горизонтальное положение на ее гребне, и она понесла меня далеко вперед, держа почти на поверхности воды, так что мне было уже довольно легко отдышаться и подготовиться к следующей. Теперь я все время плыл по направлению движения волн, они осторожно подхватывали меня на свои шумные гребни и уносили вперед, все дальше от гигантских волн с внешней стороны рифа. Вдруг я почувствовал под ногами что-то твердое. Не успел я понять, что это было, как крупная волна пронесла меня еще на какое-то расстояние, и я оказался стоящим в воде по пояс. Я сделал несколько неуверенных шагов, отдышался и огляделся. Вокруг меня — безбрежный океан, только беспорядочное движение потоков воды, пены и фосфоресцирующих брызг.

Когда новая волна отнесла меня еще на несколько метров, глубина оказалась чуть выше колена.

Очередная волна смыла меня, и я оказался на плаву. Когда она отхлынула, я попытался встать на ноги, но дна нащупать не смог. Это значило, что меня вынесло в лагуну, а риф остался позади. Стало непривычно тихо, глухой рокот океана слышался где-то за спиной. Казалось, что я очутился в спокойной бухте. Я решил вернуться на риф и отдохнуть. Нашупав отвесную стену, я попытался взобраться на ее край, но тут же большая волна отбросила меня назад. Много раз я пытался встать на ноги на краю рифа, но волны сбрасывали меня обратно, и я начал уставать. Гораздо легче было держаться на поверхности в тихой лагуне, чем бороться с волнами на краю рифа.

Я снова огляделся. Кромешная тьма. Кругом — ничего. «В центре лагуны обязательно должен быть остров, это знает любой школьник из уроков географии», — думал я.

Первое время я плыл, стараясь удержать шум прибоя за спиной, но через полчаса, а то и больше, это стало трудно делать: он слышался то справа, то слева, то сразу со всех сторон. Тогда я решил плыть так, чтобы шум прибоя все время удалялся. Я менял курс много раз, двигаясь просто «на тишину», в сторону предполагаемого острова.

Наконец, шум прибоя стал слышен только с одной стороны, и я, повернувшись к нему спиной, поплыл по прямой, не останавливаясь.

Каждое мое движение сопровождалось вспышками синего пламени. Наверное, я выглядел со стороны как неугасимый пылающий костер. Я заметил еще, что мой собственный свет становится все ярче и ярче и основательно мешает мне видеть водное пространство впереди и вокруг меня. Уже больше часа я плыл в лагуне. Было как-то непривычно двигаться среди этой внезапной тишины, на поверхности гладкой, как озеро. Всплески воды при каждом неосторожном движении казались слишком шумными и, как фальшивые аккорды, искажали нежную мелодию тишины. Я, наконец, мог снова поднять маску на лоб, отодвинуть трубку в сторону и получше оглядеться. Я снова вспомнил об акулах. Первым делом я осмотрел все непокрытые одеждой участки тела. Боли нигде не чувствовалось, но я знал по опыту, что в воде даже глубокая рана не вызывает болезненных ощущений, — мне приходилось видеть под водой, как из раны выкатываются шарики крови, черные, если глубоко, темно-красные, если мелко, и распыляются, превращаясь в мутные облачка, без малейшей боли. Свечение планктона позволяло мне отчетливо различать поверхность кожи до тонких волосков на руках и ногах. Я заметил кровь на разбитых коленях и перевязал их шейным платком. Я ободрал их, наверное, на рифе, когда много раз карабкался в воде на его острые коралловые уступы. В лагуне могло быть больше акул, чем с наветренной стороны, и еще неизвестно, как долго придется плыть к острову. Кровь привлекает даже те виды акул, которые обычно не нападают на человека. Но неверно думать, что акулы сразу же набрасываются на человека. Я читал, что в лагунах акулы не трогают местных жителей и нападают на чужих, совершенно так же, как это делают деревенские собаки. Мне пришла в голову странная мысль, что акулы могут просто бояться меня, — я, наверное, представляюсь им непонятым, светящимся чудовищем. Ведь многие глубоководные обитатели моря имеют собственное свечение — ясно, не от хорошей жизни. Я снова надел маску, взял в рот загубник и взглянул вниз. Глубина в этом месте не превышала десяти-двенадцати метров, и все дно подо мной излучало массу света — это были, несомненно, живые коралловые рифы. Я так много читал о них, мечтал увидеть хоть одним глазом, и вот они открылись передо мной во всей своей красе, неожиданно, среди ночи...

Шум прибоя слышался уже далеко, напоминая раскаты грома. Я продолжал плыть вслепую, стараясь только удерживать его за спиной. Плыть становилось все труднее — кроме общей усталости, я чувствовал, что мое дыхание стало учащаться: видимо, задержки дыхания на рифе дали себя знать. Наконец я увидел группу огней чуть-чуть слева от себя. Они приветливо мигали и, казалось, были не очень далеко. Мое дыхание все ухудшалось — каждые пятнадцать минут я пытался неподвижно висеть в воде, но это уже не помогало. Мне просто не хватало воздуха. Я жадно ловил его ртом и стал хрипеть. Глубина подо мной была уже не больше пяти метров. Вдруг на фоне темного неба я разглядел верхушки пальм.

Они были гораздо ближе, чем огни, и я поплыл к ним — в огнях я окончательно разочаровался. Яркое свечение моего тела просто ослепляло меня, я уже едва мог видеть поверхность воды на расстоянии вытянутой руки и стал пугаться темноты перед собой. Прошло несколько часов с тех пор, как я покинул риф. Я чувствовал себя очень скверно и полагался только на силу воли. Мне казалось, что я буду вечно плыть куда-то в неизвестность, а пальмы на фоне неба — просто мираж, как и те огни, что видны слева. Сознание снова стало покидать меня. Я вижу себя среди дюн в пустыне, но не могу идти. Я проваливаюсь в песок по пояс и еле-еле ползу вперед к едва видимому на горизонте оазису. С трудом добираюсь до вершины холма, за которым он должен быть, и вижу его опять у самого горизонта. Я бреду по степи поздней ночью. Я заблудился и очень устал. Впереди — огни какой-то деревни. Мне ужасно хочется лечь и отдохнуть хотя бы несколько минут, но я боюсь, что они погаснут и мне придется идти неизвестно куда еще одну ночь. Огни приближаются и вдруг превращаются в каких-то злобных созданий, которые, дико хохоча, разбегаются в разные стороны... Дышать я уже почти не мог и только хрипел.

В последний раз я попытался нащупать ногой дно... и вдруг, не веря себе, почувствовал под ногой твердую опору. Я стоял по грудь в воде и не мог поверить, что это не сон... Впереди, насколько можно было различить, темнела вода лагуны. Место было мелкое, и мне пришлось долго брести по грудь в воде, плыть снова и опять брести по пояс в воде, прежде чем я ступил на берег.

В эти минуты я боялся акул больше всего на свете. «Если акулы сожрут меня именно сейчас, — я вздрогнул от этой мысли, — будет просто обидно!»

Я, пошатываясь, вышел на коралловый песок у подножья высоких пальм. За мной тянулся ручей светящейся воды, а тело мое сверкало, словно бальное платье, усыпанное блестками. Только теперь я почувствовал себя в полной безопасности. Океан остался позади, а с ним и все мое прошлое.

Я сел на песок и прислонился к пальмовому стволу. Земля подо мной все еще качалась, и мне пришлось крепче прижаться к нему спиной, чтобы не упасть.

Ни единая клеточка во мне не хотела шевелиться. Тихо шелестели листья где-то высоко над головой.

Среди редких облаков были видны редкие звезды. Справа и слева вдоль берега тянулись цепочки пальм, их вершины ясно выделялись на фоне ночного неба.

На берегу под пальмами мелькали тени, слышались пение и музыка, похожая на испанскую, виднелись танцующие пары. До меня доносились приглушенный смех и возгласы.

Где-то там, по ту сторону лагуны, шумел рокот прибоя.

Я повернул голову и вздрогнул от неожиданности: оттуда на меня надвигалась огромная волна. Она была прозрачной, и я мог видеть все, что было за ней, сквозь ее толщу. Я хотел вскочить, чтобы встретить ее, но она медленно прошла через меня, не причинив ни малейшего вреда. Впереди нарастала новая.

Я закрыл глаза и полностью расслабился.

«Океан любит меня, он вынес меня на берег, как на ладони», — думал я. Чувство ответной любви затопило мою душу. Мое тело будто исчезло, растворилось. Последнее, что я помню, был звук обрывающейся струны. Мое «я» внезапно расширилось и стало включать в себя огромное пространство. Я мог смотреть сверху на океан, на остров, я был среди звезд, плыл облаками в ночном небе. Я был каждым деревом, каждым цветком, я проносился ветром по верхушкам пальм, я был

отражением звезд в зеркале лагуны. В меня вошла одушевленная Тишина... А когда через некоторое время она незаметно исчезла, в душе сохранилось чувство бесконечной благодарности, которое оставляет по себе любовь, навсегда озарившая душу. Ко мне постепенно возвращались обычные ощущения: я опять чувствовал тело, сознание нужно было направлять, как узкий луч света, по очереди с объекта на объект, с одной мысли на другую.

На берегу вдруг стало очень тихо. Это удивило меня, и, собрав силы, я встал и направился к тому месту, где только что слышались говор и смех и танцевали пары под испанскую мелодию — она все еще звучала у меня в ушах. Там не было никого. Я один на всем берегу лагуны. Это было совершенно необъяснимо. Отчего я не подошел к ним сразу? Если бы я знал, что они бесследно исчезнут, разве бы я не притронулся рукой к каждой паре!

Было ли это галлюцинацией? Было ли это чем-то реальным? — Я так и не знаю до сих пор.

Я почувствовал неодолимую усталость и тут же заснул на песке под пальмами.

Спал я недолго. Меня разбудили укусы муравьев и moskitov. Мое тело продолжало фосфоресцировать; стоило мне поднести ладонь к любому мелкому объекту, который я хотел разглядеть, я мог видеть его достаточно хорошо в своем собственном свечении. Свечение тела затухало медленно, и было удобно пользоваться им в ночной темноте.

Я почувствовал сильный озноб, как при солнечных ожогах, и решил пойти вглубь острова, там могло быть теплее.

Пальмы росли только на побережье, дальше начинались банановые заросли, и я долго шел среди них. Потом стали встречаться незнакомые деревья и кустарники, обвитые лианами, приходилось перешагивать через полусгнившие стволы и громадные ветви с крупными листьями. Я с жадным любопытством рассматривал все вокруг. Так вот какие они, эти таинственные тропические джунгли!

На ногах у меня были только носки, идти стало трудно. Я часто останавливался и прислушивался. Раздавались странные, незнакомые звуки. Я различал крики ночных птиц, слабый писк насекомых, звуки, напоминавшие плач ребенка, глухой вой, легкое рычание, а иногда как будто человеческий крик. Часто слышалось шуршание в кустах — наверное, я вспугивал птиц и каких-то мелких животных. Один такой шорох, плавный и долгий, заставил меня насторожиться. На всякий случай я замер на месте и стоял не шевелясь, пока он не затих. Заросли сомкнулись в непроходимую чашу, под ногами захлюпала вода, похоже было, что начинается болото. Я решил повернуть назад. Ласты, маску и трубку — все свое бесценное имущество я все время нес с собой. Потом в воздухе снова сильно почувствовался запах моря и водорослей, по вершинам деревьев пронесся ветер, резко и сухо зашуршали банановые листья.

Я вышел на берег лагуны уже в другом месте — и неожиданно наткнулся на недостроенную пирогу. Она была сделана из могучего ствола, выдолбленного изнутри в нескольких местах, с очень толстыми перегородками. Одно из отделений было достаточно просторным, чтобы вытянуться во весь рост. В пироге оказалось достаточно сухо, я набросал свежих банановых листьев и решил немного поспать. Мне стало теплее от долгой ходьбы, одежда немного обсохла. Я посветил руками по дну и стенкам — нет ли муравьев и других кусачих насекомых, улегся и заснул.

Но укусы moskitov оказались очень болезненными, и подремать удалось недолго. Примерно через час я вылез из пироги и отправился наугад вдоль берега. Зачерпнув морской воды, я полил фосфоресцирующий планктон на одежду и все тело: ночь еще не прошла, а свет мог пригодиться. Свечение вспыхнуло с новой силой, так что теперь я мог отгонять от себя moskitov.

Я чувствовал себя новорожденным Адамом, мир стал для меня совершенно новым, неизвестным и прекрасным.

Я пытался восстановить в памяти все, что произошло со мной, но это были очень странные воспоминания. Все последние события как будто случились давным-давно и не со мной, а с другим человеком.

Я вспоминаю, как три дня назад я шел к корме лайнера, чтобы прыгнуть с борта в штормовой океан, как чудом не угодил под винт, как понял, что добраться до берега живым не удастся, но самое большее, что это вызывает во мне сейчас, — легкую улыбку: да, было, было — давным-давно. Однажды в детстве меня чуть не забодал теленок — помню, как я испугался, мне казалось, на меня напало огромное чудовище. Потом мне было забавно вспоминать об этом. Вот и теперь, я иду, и мне весело думать, какой, должно быть, сейчас переполох на лайнере. Они на экваторе, у них праздник Нептуна — без меня. Это не равнодушие. То, что сейчас во мне, — счастливое невозмутимое спокойствие. Я не могу вернуться к прошлому, которым жил еще предыдущую ночь, глубокая пропасть пролегла между моим вчерашним «я» и мной сегодняшним. Все это произошло не постепенно, а сразу. Я прошел какой-то психологический барьер этой ночью. Я хорошо помню себя до момента, когда услышал внутренний голос и поплыл на шум прибоя. Когда на меня обрушились гигантские волны, мне было не до самоанализа, но каким-то внутренним чутьем я ощущал, что стал совсем другим человеком. Вся моя прежняя жизнь отделилась от меня за то время, что я был в другом мире. Там я будто родился заново. У меня не осталось ни единого неприятного воспоминания, никаких отрицательных эмоций. Все душевные раны — а их было немало — затянулись. На мне больше не висит груз прошлого. Человек, не испытавший этого, даже не подозревает о его тяжести. Наверное, все мы, кроме детей, носим в себе маленький ад, и в сознании, и в подсознательном.

Когда я вышел на берег, я испытал все. Я был королем, я был Цезарем. Я прошел через все. Исполнились все мои мечты. У меня пропала прежняя зависть к героям. Я стал Мужчиной. Исчез тайный, мучивший меня комплекс неполноценности. Люди никогда не перешагнут какую-то черту — я перешагнул. Я сделал это, я ступил через порог. Первый раз в жизни я наслаждался самим собой. Никакой ностальгии, которой я так боялся, не было и в помине. Не было и страха будущего. И еще я заметил, что исчезли мучения секса, — ощущение было, будто я и не знаю, что на свете есть женщины.

Все это было так, как если бы я мог взять с полки книгу, просмотреть ее и спокойно поставить обратно — а эта книга была вся моя прежняя жизнь.

Есть мне не хотелось — вся полость рта была воспалена от соленой воды и загубника, — хотелось пить, но я был далек от состояния, когда умирают от жажды. Я никак не мог привыкнуть к удовольствию от ощущения земли под ногами. Идти было так приятно — песок был крупным и чистым, морской бриз ласково освежал кожу. По дороге мне попался круглый предмет величиной с детский мяч. Я догадался, что это кокосовый орех. Разбить его упругую волокнистую кожуру оказалось непросто. Молока внутри не было, я вспомнил, что оно бывает только в зеленых орехах, для этого нужно было лезть на вершину пальмы, и я решил отложить это на завтра. Почему-то я совсем не видел обезьян на деревьях — может быть, они все спали. Я положил кусочки белой мякоти ореха про запас в лапы.

Там, на корабле, решаясь на побег, я далеко не был уверен, что доплыву до острова. Поэтому я не предусмотрел множества самых простых вещей: спички, нож, какой-нибудь документ. У меня совсем ничего не было, кроме амулета и плавательных принадлежностей.

Я чувствовал себя Робинзоном Крузо, я уже был влюблен в свой остров. На нем было все, о чем только можно мечтать: высокие горы, зеленые джунгли и вокруг — теплый океан до самого горизонта. Я припоминал, что знаю о флоре и фауне тропических островов, но все мои сведения относились к африканским и индийским джунглям или бассейну Амазонки. «Придется открывать все заново!» — замирал я от новых возможностей. Самое главное — добыть огонь. Можно высекать искры кремневыми камнями, а если их не будет — получать его трением, я еще в детстве научился этому. Я сумею развести костер, чтобы обогреться, отпугивать животных и выжигать угли для приготовления еды. Ядовитые насекомые и змеи меня никогда не пугали. Из тонких лиан я сплету тетиву для лука, а из обожженного дерева и каменных наконечников сделаю копье и стрелы. Еды — я был уверен — найду сколько угодно в джунглях и в море, я буду ловить рыбу, искать крабов и съедобных моллюсков. Пресную воду можно найти в кокосовых орехах и стеблях растений. А одежда мне просто не нужна — живут же дикари всю жизнь без одежды! Сначала я найду укромное место и построю себе хижину — на острове должен быть бамбук, это самый легкий строительный материал. На крышу пойдут банановые и пальмовые листья. А потом я начну исследовать весь остров

с побережья, каждый километр, каждую гору, каждую бухточку!

Вдруг я вспомнил, что остров обитаем. Ну что ж — если нельзя будет найти пустынное побережье, придется искать другой, необитаемый остров — между Сиаргао и Минданао есть еще несколько небольших островов. А то можно жить в джунглях! На побережье я буду ходить только ловить рыбу, когда никого не будет поблизости. Я буду Тарзаном этого острова!

Сбылась великая мечта моей жизни: я был обладателем большого тропического острова — целых восемнадцать миль в длину. Что может с этим сравниться? Разве путешествие на другую планету? Я никогда не был так богат!

Я шел по берегу лагуны среди пальм и чувствовал себя счастливейшим первооткрывателем. В эту минуту мне ужасно хотелось танцевать. Сиртаки! Что сильнее может прожечь душу и в счастье и в горе! Я широко раскинул руки, положив их на плечи двух воображаемых друзей, услышал начальные аккорды и сделал первое движение.

Я танцевал сиртаки на песке под пальмами и хохотал от радости!

Вдруг сбоку от меня произошло какое-то непонятное движение. Из темноты отчетливо выступили человеческие фигуры.

Это были туземцы. Они, видимо, только что подошли.

Ближе всех стоял темнокожий человек в белой рубашке и светлых брюках. Он испуганно вскрикнул и сделал длинный прыжок назад. Остальные стояли, словно окаменев. Наступила продолжительная пауза.

Нужно было немедленно что-то сделать, чтобы убедить этих людей в моих мирных намерениях.

Я отбросил ласты и маску в сторону и поднял ладони с растопыренными пальцами — я где-то читал, что этим жестом туземцы показывают отсутствие оружия. Потом широким движением я указал в сторону океана и сделал несколько плавательных движений.

Прошло две или три минуты молчаливого напряженного ожидания, прежде чем кто-то из туземцев пошевелился и стал медленно приближаться ко мне. Немного позже я узнал причину такого боязливого недоверия. Оказывается, неподалеку от места, где мы встретились, было кладбище — мое тело все еще продолжало фосфоресцировать в темноте, и эти люди поначалу приняли меня за танцующее привидение.

Напряжение немного ослабло. Первыми ко мне подошли дети — они всегда смелее взрослых. Сначала они недоверчиво притрагивались ко мне по очереди, тут же отдергивая руку, потом заговорили все разом на каком-то незнакомом языке, из которого я понял только одно слово «американ». Я стоял, окруженный ими, и улыбался. Это была большая семья, отец и дети, по-видимому, возвращавшиеся с ночной рыбалки. Отец все еще опасливо стоял в стороне. Дети заметили на песке мои ласты, маску и трубку и бросились рассматривать их. Девочка лет двенадцати спросила меня по-английски и по-испански, кто я и откуда. Я немного говорил по-английски, и мы вполне смогли объясниться. Посыпались бесчисленные вопросы. Почему-то они решили, что в океане произошло кораблекрушение и я единственный, кто остался в живых. Меня все время спрашивали: «А где же остальные?» Я пытался объяснить, что корабль цел и невредим, никакого кораблекрушения не было и что я один прыгнул в море.

Они никак не могли этого понять. Тут же последовал невинный, а в сущности, глубоко философский вопрос: «А зачем?»

Мне стало смешно, когда я увидел себя со стороны. Что я мог им ответить? Действительно — зачем? Это было, как если бы меня спросили — зачем я живу на свете?..

Другой вопрос: «Почему тебя не тронули акулы?» — тоже поставил меня в тупик. Пришлось показать амулет и сказать, что он охраняет от акул. Мне тут же поверили, но посыпались еще более сложные вопросы. Дети экзаменовали меня сразу в науке, религии и философии. Мне очень хотелось до конца выдержать этот экзамен. Их отец не говорил по-английски и от полного непонимания питал ко мне уважение. Они пригласили меня к себе. Мы около часа шли по песчаному берегу лагуны, пока не дошли до их дома. Это оказалось большое бунгало на сваях среди высоких пальм — такие я

видел в фильме о Новой Гвинее. Мы поднялись на высокое крыльцо и вошли внутрь. В доме не было электрического света, и кто-то из взрослых зажег керосиновую лампу. На стенах запрыгали большие тени от бегающих детей — их уже было не менее десятка. Меня обступило множество темнокожих людей, они смотрели на меня с таким любопытством, как будто я прибыл с другой планеты. Я сидел на скамье за дощатым столом, почти как в том, ином мире, в котором был несколько часов назад, — и мог только улыбаться им в ответ. Обстановка вокруг меня была настолько невероятной, что мне хотелось ущипнуть себя, чтобы проверить, не сон ли это. Мне казалось, что я нахожусь не то в избушке Бабы-Яги, не то в жилище гномов, где-то меж гигантскими корневищами, не то в какой-то волшебной пещере, а может быть, вообще на другой планете. С потолка что-то свисало, из углов опускалась огромная паутина — позже я узнал, что это были противомоскитные сетки, слабый свет лампы подсвечивал снизу черные лица. Постоянно движущиеся тени на стенах, пристальные взгляды множества глаз, говор на незнакомом языке, фантастические вопросы — все это напоминало какой-то колдовской мир. Крошечные черные создания — это были дети — ходили голыми, они копошились где-то и вверху, и внизу под столом, и чуть ли не по стенам. На всякий случай я старался по возможности не смотреть на те их места, где могли быть рожки и хвостики. Иногда откуда-то из темноты плавно накатывались и проносились по комнате огромные фосфоресцирующие волны, стены бунгало угрожающе кренились, пол уходил из-под моих ног, но никто кроме меня этого будто не видел и не выражал никакого волнения.

Пожилая женщина, хозяйка бунгало, подала мне какой-то местный горячий напиток. Только отхлебнув несколько глотков, я почувствовал, как сильно хочу пить. Когда я выпил все, что оказалось в чайнике, хозяйка, несколько не удивившись, поставила на огонь целое ведро. Я продолжал пить стакан за стаканом, но от еды отказался — полость рта еще сильно болела.

Старшая девочка, та самая, что была на берегу, навела порядок несколькими уверенными командами и взялась вести наш разговор. Поначалу он напоминал разговор двух сумасшедших. Пропасть нашего непонимания была равна пропасти между мирами, из которых мы пришли. Но если физическое расстояние между нами было преодолимо, то выстроить мост между нашими сознаниями мне было не под силу. У островитян было, мягко говоря, смутное представление о внешнем мире, и они никак не могли понять мотивов моего поступка. Я стоял перед ними, как нечто абсолютно абсурдное, выбивающееся из их ясных и устоявшихся представлений, и они напряженно и неутомимо старались поскорее вогнать это выскочившее звено в цепочку связей их мира.

Их вопросы ошарашивали меня. С напряжением и усилием я старался ответить, но воспринять мои ответы они были просто не в состоянии. Тогда девочка взяла на себя роль психолога. Каким-то внутренним чутьем она ухватила примерный духовный уровень пришельца с другого края света. Она задавала вопросы так, как врач разговаривает с сумасшедшим, — со всей возможной для такого случая вежливостью, чтобы исключить любые непредвиденные обиды. Ей удалось нащупать нечто общее, понятное для обеих сторон, и наконец весь разговор принял более-менее осмысленные очертания, войдя в русло обычной человеческой логики. Если вопрос казался нашей переводчице излишне прямолинейным, она поднимала глаза к потолку и переводила его сначала на свой, понятный ей одной язык, как бы приноравливая его ко мне из личного опыта общения со мной, — и уже после этого задавала его по-английски. Я излагал мысль, как бы советуясь с ней, она снова поднимала глаза к потолку и переводила ее, не дословно, а со своими дополнениями. Я видел, что эта маленькая филиппинка понимает меня так, будто я пришел к ним из соседней деревни. А когда мои ответы в ее переводе вызвали дружный, одобрительный хохот островитян, я стал относиться к своей покровительнице с еще большим почтением.

Бунгало наполнялось все новыми гостями. Я чувствовал себя с ними легко — они были простые и добрые люди. Снова и снова меня расспрашивали об амулетах. Интерес к моему амулету — он висел на шее — все возрастал, и даже я сам стал больше верить в его магическую силу. Еще раз мы вспоминали первую встречу на берегу лагуны, и все смеялись над тем, как они приняли меня за привидение. Белый человек не появлялся здесь уже много лет, а со стороны океана — вообще никогда за всю историю острова.

Мне сказали, что я нахожусь в поселке Генерал Луна, на острове Сиаргао. Это означало, что я не ошибся в расчетах. Я знаю, что больше всего этому удивились бы капитан и штурман лайнера. Действительно, это было похоже на чудо — ведь я видел карту всего однажды, и то мельком. Даже

если бы я сидел над ней с циркулем и измерителем, то и тогда вероятность ошибки превысила бы длину острова, да и никто не мог бы предусмотреть главного — ветров и течений. Но капитан, видимо, все же изменил курс и повернул от острова, поэтому и расстояние оказалось значительно большим, чем я ожидал.

Неожиданно толпа вокруг меня расступилась и пропустила вперед просто одетого, улыбающегося человека, который представился местным полицейским. Откуда мог быть полицейский в этих джунглях? Меня успокоило то, что в доме нет электричества, а значит, по моим понятиям, не могло быть и телефонной связи. Полицейский не носил формы и не имел оружия, он вежливо расспрашивал о моих злключениях, потом положил передо мной лист бумаги и попросил написать основные данные. Затем, задав из любопытства еще несколько вопросов, удалился. Было далеко за полночь.

Я решил, что утром следующего дня под любым предлогом выберусь из дома и уйду в джунгли.

Меня уложили спать на кровать с противомоскитной сеткой, и я уснул, едва коснувшись подушки.

Мне снилось, что я вышел из бунгало и направился в сторону джунглей. Лишь небольшая полоса вспаханной земли отделяла меня от них. Внезапно поднялся ветер и упал густой туман. Я шел вперед почти на ощупь, но джунгли будто растворились в мареве. С другой стороны селения слышались пение и музыка. Я повернул назад и, пройдя через спящий поселок, оказался у самой стены банановых зарослей. Там, в глубине, на небольшой поляне сидели люди, горел костер, виднелась вереница танцующих девушек. Меня заметили и пригласили к огню. Я немного посидел с ними, но неотвязная мысль — дойти до джунглей — погнала меня дальше. Как только я снова направился в заросли, поднялся ветер и вновь опустилась белая мгла. Куда бы я ни шел, как только я достигал ближайших деревьев, появлялась сплошная пелена тумана...

Я проснулся от прикосновения и никак не мог понять, где нахожусь. Было совсем светло, яркие лучи пробивались сквозь щели закрытых ставнями окон. Хозяйка дома дала мне воды умыться и поднесла стакан того же, что и вчера, напитка.

Я удивился, почему меня так рано разбудили. В доме происходило какое-то непонятное хлопотливое движение. Хозяин вдруг предложил мне рубашку и полотняные брюки, совсем мне ненужные. Отказываться было невежливо, и я принял подарок с благодарностью.

Что-то подсказывало мне выйти на крыльцо бунгало. Внизу под пальмами я увидел толпу темнокожих людей, их было не менее двухсот. При моем появлении они поднялись и захлопали, крича что-то на местном наречии. Я понял, что все они пришли поглядеть на меня, как на чудо, и уже давно ждали моего появления.

Я улыбнулся в ответ и приветственно поднял руку, как это делали древние римляне, — жеста более подходящего для такой ситуации я не нашел.

Потом мои глаза остановились на том, от чего я не мог не вздрогнуть всем своим существом. Господи, почему я не ушел в джунгли той же ночью!

За толпой я увидел зеленый джип, рядом стояли люди в форме, с автоматами на плечах.

В гуще местных жителей образовался коридор, и двое военных, офицер и солдат, направились ко мне.

Прежде чем сесть в джип, я бросил последний взгляд на такие близкие синие горы.

При дневном свете остров показался мне еще красивее.

Это был он, тот самый, вымечтанный с детства, мой заветный остров! О нем, о его пальмах, банановых рощах, пахучем ветре, белом песке и синем небе, о его джунглях я мечтал, сидя над школьными учебниками в своем сонном маленьком городе.

Я так и не успел развести здесь огонь, я не построил хижину и не посадил дерево.

Но я все же увидел его воочию. Я доплыл до него. Я стоял на его берегу.

Судьба оказалась благосклонной ко мне. Хотя те полгода, что я провел на Филиппинах, я был пленником и даже просидел полтора месяца в тюрьме, — но разве это не было, в конце концов, продолжением моих приключений!

Какие там грозы! Какие тайфуны! Какие закаты и восходы! И разве не мечтал я обо всем этом тогда, очень давно, когда видел перед собой неумолимый серый забор?

Республика Филиппины.

Отдел юстиции

Комиссия по эмиграции и депортации

Манила

Сертификат

Для всех заинтересованных лиц и организаций Данный документ подтверждает, что г-н Станислав Васильевич Курилов, 38 лет, русский, был направлен на настоящую комиссию военными властями, и после расследования выяснилось, что он был найден местными рыбаками на берегу Генерал Луна, остров Сиаргао, Суригао, 15 декабря 1974 года, после того, как он прыгнул с борта советского судна 13 декабря 1974 года; г-н Курилов не имеет при себе ни туристских документов, ни какого-либо другого документа, удостоверяющего его личность; он утверждает, что родился во Владикавказе (Кавказ) 17 июля 1936 года; г-н Курилов выразил желание просить убежища в любой западной стране, предпочтительно в Канаде, где, по его словам, проживает его сестра, и сообщил, что он уже направил письмо в Канадское посольство в Маниле с просьбой разрешить ему проживание в Канаде; настоящая комиссия не будет иметь возражений против его депортации из страны с указанной целью.

Данное свидетельство выдано 2 июня 1975 года в Маниле, Филиппины.

Эдмундо М. Рэйес, член комиссии

Отступая от текста

Потом были полгода на Филиппинах. Первые полтора месяца — в тюрьме, пока власти ломали голову, что с ним делать. Тюрьма была нешуточной — в соседней со Славой камере сидел немец, не имевший ни родственников, могущих помочь, ни денег на адвоката, сидел седьмой год без надежды на освобождение. В принципе то же самое могло светить и Славе, но вскоре выяснилось, что в Канаде существует сестра и, стало быть, есть формальный повод для его отправки туда. Переписка с канадскими властями о решении его участи шла несколько месяцев, и в это время Слава жил на положении поднадзорного. Эти месяцы он всегда вспоминал с удовольствием. По вечерам начальник тюрьмы брал его на городской обход. Они осматривали местные бары, рестораны и кабачки, останавливаясь кое-где, чтобы выпить рюмку и потанцевать. Возвращались иной раз под утро. (Слава любил рассказывать, как после одного из таких обходов начальник тюрьмы, сильно навеселе, привел его под утро к себе домой, знакомить с женой. Заспанная жена открыла им дверь, ласково улыбаясь (это в 5 утра) и так же ласково лопоча что-то по-филиппински, принялась кормить завтраком.) Вообще для Славы не было страны, лучше, чем Филиппины и женщин очаровательнее, чем филиппинки. В рукописи одного из набросков к повести «Побег» стоит подзаголовок: «Посвящается моим милым филиппинским друзьям».

Первая работа в Канаде — разнорабочий в пиццерии. Передвигая железные стеллажи с пиццами, Слава случайно отсек верхнюю фалангу мизинца. Особым образом посылая энергию на рану, добился того, что фаланга выросла заново, хоть и неправильной формы.

Следующие работы — в частных канадских и американских океанографических фирмах, занимающихся морскими исследованиями и поставками водолазного снаряжения: поиски полезных ископаемых в районе Гавайских островов, работа за Полярным кругом в составе американской нефтяной компании, исследования дна Ледовитого океана, океанографические изыскания в экваториальных водах. Во время одной из рабочих поездок в Америку встретился с израильскими литераторами Александром и Ниной Воронель. Узнав историю побега, Нина загорелась идеей экранизации. Написала сценарий и предложила продюсеру Четвертого канала Би-Би-Си. Сценарий понравился. Снимать решили в Израиле, и Слава получил 1000 долларов аванса на поездку в Израиль в качестве консультанта. Дальше дела с фильмом по разным причинам застопорились, но полученной тысячи Славе хватило на три месяца веселой жизни.

Он вернулся в Ванкувер осенью и тут же заскучал по израильскому теплу, морю и друзьям. (Жил он тогда в чинном респектабельном доме, где у входа висело предупреждение «No pets, no children» — «Никаких животных, никаких детей».) Вспоминая израильское солнце, Слава разводил костер на балконе и часами слушал восточную музыку, чем крайне поражал соседей.

Весной 1986 года он приехал в Израиль — уже навсегда.

Елена Генделева-Курилова

Поиск пути

Ночь опустилась над океаном. Позади редких облаков у горизонта зажегся сначала едва заметный, а потом и более яркий свет, из воды появился край лунного диска и проложил серебристую дорожку к одинокому судну.

Корабль тихо покачивался на волнах мертвой зыби. Несколько часов назад закончился очередной рейс небольшого океанографического судна в один из пустынных районов Тихого океана южнее Гавайских островов.

Мы занимались поисками полезных ископаемых на океанском дне. Телевизионная камера вместе с сильными источниками света была спущена на глубину пяти километров. Медленно движется корабль, и на экране просматривается морское дно, освещенное резким светом прожекторов. Моя работа — наблюдение за экраном телевизора. Кажется, что вместе с объективом камеры я и сам передвигаюсь на пятикилометровой глубине, управляя движением с помощью рычагов лебедки. Мы стремительно спускаемся и поднимаемся по склонам подводных гор, пробираемся через глубокие каньоны, наблюдаем остатки извержений подводных вулканов. В течение миллионов лет никто не тревожил обитателей дна на такой глубине. И вот внезапно яркий свет пререзает вечную тьму. Все живое, способное двигаться, либо замирает, либо уплывает, либо уползает в сторону. На экране телевизора появляются странные предметы, незнакомые существа, таинственные следы на песке, иногда нечто, напоминающее части тела каких-то неведомых созданий.

Рейсы следовали один за другим с короткими стоянками на берегу. Люди работали напряженно, сменяя друг друга каждые шесть часов, и вот теперь, после завершения исследований, пришло время выспаться и отдохнуть.

На палубе никого не было, я сидел, прислонившись к мачте, наблюдал восход луны и вслушивался в ритм дыхания океана.

Несколько дней назад где-то далеко на северо-востоке прошел шторм, и оттуда, как с поля боя, с победным шумом приходили крупные волны зыби. Высоко над моей головой раскачивались яркие звезды, дул теплый пассат. Я чувствовал себя свидетелем встречи бессмертных — Океана, Луны, Неба и Ветра.

Два огромных кучевых облака, медленно сближаясь, образовали просвет, сквозь который проглядывали звезды, потом пространство между облаками необыкновенно расширилось в глубину вселенной, и казалось, что ты несешься по нему в бесконечность.

Луна, плавно двигаясь между облаками, выглядела ослепительно обнаженной.

Когда ярко светит луна, я остро чувствую незримое женское присутствие. Я, наверное, никогда не

привыкну к женщинам. Каждый раз, когда я вижу их, мне кажется, что они пришельцы из других миров и в любую минуту могут исчезнуть...

Было необыкновенно приятно сидеть на корме, наблюдать за восходом луны и слушать плеск волн за бортом.

Луна прошла зенит почти над самой моей головой за облаками. Иногда ей удавалось бросить несколько голубоватых лучей на темную поверхность океана, и тогда там появлялись сверкающие озера.

Уже несколько раз я замечал, как над палубой бесшумно проносятся какие-то белые тени. Это птицы, живущие в океане, в тысяче миль от ближайшего берега. Днем они отдыхают на мачтах или гуляют по палубам проходящих кораблей, а когда суда уходят, они остаются в своем родном небе — свободные, не выющие гнезд, не ищущие пристанища, не нуждающиеся ни в чем, кроме неба над океаном...

Если долго смотреть на луну, появляется чувство легкости, почти невесомости. Тогда непрерывность существования нарушается и приходит состояние, когда начинаешь осознавать себя заново, с этого настоящего мгновения.

Я люблю эти минуты — душа осматривает мир и себя, будто только что родившись. Меня ничто не беспокоит, я еще не помню, кто я и почему здесь.

И тогда я снова обращаюсь к прошлому.

«Почему» — наверное, самое первое и самое древнее слово на земле. Я тысячу раз спрашивал себя и других: «Почему?»

В бунгало на Филиппинах, в кругу гостеприимных островитян, я отвечал на множество вопросов о побеге, но на вопрос «почему» ответить было труднее всего.

Почему я среди всеобщего веселья, смеха, музыки и танцев направляюсь на корму парохода, чтобы прыгнуть в штормовой океан, ночью, вдали от берега?

Страсть. Вот где причина. Страсть была и наслаждением, и мучением одновременно. Страсть появилась вместе со мной и вела по жизни. Страсть к морю, как болезнь, поразила меня с тех пор, как я начал себя помнить. И еще зов. Не знаю откуда. Но его нельзя было не услышать. Кровные узы были во мне ослаблены. Семейные радости, отношения с родственниками меня не увлекали. Внутренне я был одинок, но это меня не пугало — общение с близкими было равнозначно одиночеству. У меня рано появился свой внутренний мир, и мне было интересно жить в нем.

У меня было неясное ощущение, что дом моих родителей — не мой настоящий дом, и что где-то есть настоящий, где меня любят и ждут обратно. Я брошен в этот мир для какой-то неизвестной мне, но вполне определенной цели. Я должен чему-то научиться, что-то понять, должен сам найти дорогу домой, и она лежит через море. Никто не сможет мне помочь. Мне не будет покоя, если я оставлю дорогу и «присяду отдохнуть», я должен постоянно искать мой путь обратно.

Время от времени море посылало мне какие-то знаки — странные сны, настойчивую мысль или острое чувство в сердце. Мне нужно было суметь это прочесть и понять, как-то ответить, но я не знал как. Это непонятное долго оставалось во мне неразрешенным вопросом. Делиться с кем-нибудь или просить совета было бесполезно, я был окружен людьми с жестко-рациональным мышлением и в ответ обычно слышал: «Ты что, рехнулся? Выброси это из головы и живи как все».

Ближайшие родственники и все их предки оказались безнадежно сухопутными людьми. На всем земном шаре, пожалуй, не найдется города более удаленного от моря, чем город моего детства Семипалатинск. Я пересмотрел все фильмы, перечитал все книги, выслушал все рассказы о море, и мне всего было мало. Когда я впервые увидел парусник на картине, я почувствовал настоящий священный трепет. Днем и ночью я бредил морем. Я мечтал об океанских плаваниях, о тайфунах, кораблекрушениях, коралловых рифах, о тихих лунных ночах в тропиках. Я знал, что тоска по морю

не оставит меня, пока я буду вдали от него. Вывод напрашивался сам собой: я должен стать моряком. Но отец сказал на это: «Закончи техникум, отслужи армию, и блажь пройдет». Родителям хотелось видеть меня дипломированным инженером. Только я один знал совершенно точно, что никогда не стану не только дипломированным инженером, но и по-настоящему взрослым человеком.

Я рано начал читать, но не для развлечения и не из любопытства — в книгах я искал ответы на свои бесчисленные «почему». В библиотеке Дома пионеров, куда я ходил за книгами, добрая немолодая женщина снимала с полки томик: «А ты читал это? Нет? Замечательная вещь. Я очень советую», — и подсовывала мне что-нибудь вроде «Сталь и шлак» или «Кавалер Золотой звезды», а мне приходилось их читать, надеясь на большую удачу в другой раз. Потом эта добрая женщина упала с высокой приставной лестницы, когда полезла за книгой, и попала в больницу. Новая библиотекаря разрешила мне выбирать книги самому, и я добрался наконец до «Острова сокровищ», «Графа Монтекристо» и «Робинзона Крузо». Я глотал книги о путешествиях одну за другой и думал, что набираюсь опыта. Однажды я сидел на сеновале у себя дома в Семипалатинске и запоем читал очередную книгу. Очень ясный, негромкий внутренний голос произнес: «Брось читать и начни действовать». Первый раз в жизни я столкнулся с чем-то необычным. Сначала в моей голове наступила полная тишина. Это был или отчетливый шепот, или ясно высказанная мысль. Я даже обернулся, но вокруг меня никого не было. Это была не просто фраза, а глубокое внушение с исчерпывающим объяснением. От неумеренного чтения еще больше глупеешь. Чтение развивает поверхностную эрудицию и ненужное самомнение, формирует то обманчивое «я», которое будет большим препятствием на Пути и которое нужно будет непременно уничтожить. Словом, в коротком внушении я получил урок: «Не читай, а испытай». Мне было тогда лет четырнадцать-пятнадцать.

В пятнадцать лет я убежал из дома в Ленинград, чтобы попасть юнгой на корабль, как это было принято у моих героев. Но увы, я родился не в то время и не в той стране. Я не мог отправиться в плавание сразу по трем причинам: у меня не было визы, не было ленинградской прописки и я был несовершеннолетним. Там я впервые увидел море. Это был Финский залив. Я вошел в одежде в воду по пояс и дал себе клятву, что вернусь.

Море

Я не сомневался, что после окончания школы поступлю в мореходное училище и буду штурманом дальнего плавания, но на медкомиссии обнаружилось, что у меня развивается близорукость. «Молодой человек, о море даже не мечтайте. Ни в гражданский, ни в военный флот вас никогда не возьмут», — сказал мне врач. Это меня так потрясло, что я больше не хотел жить. Несколько месяцев я мучился, как раненый зверь, пока не узнал, что в институтах страны есть факультеты океанологии, куда принимают студентов с небольшой близорукостью. Я учился тогда в седьмом классе. Мне пришлось ждать еще четыре года в автодорожном техникуме и три года в армии, прежде чем я смог приехать в Ленинград поступать на факультет океанологии. Узнав, что меня приняли, я почувствовал себя на седьмом небе: «Я буду океанографом, буду плавать по морям и океанам, я добился всего, чего хотел!»

Тогда я думал, что, если буду изучать океанографию, моя жизнь будет связана с морем и что даже если и придется сидеть в кабинете, то море уж конечно будет плескаться у самых окон. Позже я убедился, что океанография — это папка с цифрами. Можно быть океанографом, в глаза не видя моря и находясь к нему не ближе, чем астроном к планетам и звездам.

Нас, студентов-первокурсников, будущих океанографов, с головой окунули в бесконечные таблицы с цифрами, диаграммы и чертежи. Если бы среди цифр и формул изредка не попадались слова «приливы», «течения», «волны», я бы думал, что занимаюсь бухгалтерией или счетоводством.

Наконец, при кафедре океанологии организовали группу подводных исследований, и я, конечно, стал самым активным ее участником. Водолазное дело мы изучали с офицером-подводником. На Большом проспекте Васильевского острова была недействующая церковь. Под ее главным куполом

установили водолазную башню глубиной двадцать шесть метров. К ней подведены торпедные аппараты, а внизу — специальная камера для выхода водолазов в воду. Церковь была буквально забита компрессорами и оборудованием с подводных лодок.

Прямо на клиросе у иконостаса располагалась ре-компрессионная камера на три отсека. Когда сидишь в одном из отсеков под давлением, через иллюминаторы видна роспись на стене — Божия Матерь и распятие Христа.

По приказу командования водолазы должны были погружаться голыми. С большим трудом девушкам в нашей группе было разрешено надеть купальники. А мы тренировались с ними голые.

Снаружи гиды толково объясняли иностранным туристам, когда и кем была построена церковь, и извинялись, что сейчас в ней идут реставрационные работы и потому осматривать ее просто не интересно. А мы стояли тут же у ворот и ждали, когда эти идиоты-иностранцы отойдут подальше, чтобы войти и начать водолазные тренировки.

Когда я прочел об изобретении акваланга, о людях-амфибиях, о том, что можно парить в воде как птица, я почувствовал себя так, будто я, родившийся в тюрьме, вдруг узнал, что за ее стенами есть привольный мир, есть луга и поля, где можно свободно гулять под солнцем. Я боялся мечтать о неосуществимом.

Вскоре после этого я увидел в вестибюле института объявление, что желающие заниматься подводным плаванием с аквалангом могут записаться у А.В. Май-ера, и у меня потемнело в глазах. Я испугался, что весь институт уже наверняка стоит в очереди, и я опоздал. Через несколько секунд, взлетев по лестницам, тяжело дыша, я ворвался в нужную комнату.

В большом помещении за десятком рабочих столов, заваленных папками, картами и бумагами, виднелись мужские фигуры, так бесцветно сливавшиеся с рулонами бумаги, будто сами были пишущими автоматами.

На меня удивленно смотрели личики в очках, с умненьким выражением, бледные, чуть крысиные, они только что ловко строчили карандашиками по бумаге и вот высунули серьезные мордочки из книжных страниц. Это были молодые ученые-теоретики. В самом углу за вопиюще гладким, без единой бумажки столом неуклюже сидел человек средних лет — сидел так, будто ни разу в жизни не сидел на стуле. Колени торчали поверх стола, а поза кричала «Черт возьми, как за этим сидят!» Обветренное всеми ветрами лицо с крупными чертами, длинные бакенбарды, волевой подбородок и спокойная складка губ — передо мной был пират с «Веселого Роджерса», насильно усаженный за парту. Нужно было сделать усилие, чтобы не видеть черной повязки на его глазу, красного платка на голове и сабли за поясом. Это был Анатолий Викторович Майер. Таким я увидел его впервые.

Я направился к его столу.

— Приходилось бывать под водой?

Я рассказал о своих попытках погружения в... противогазе. Я служил в армии химическим инструктором саперного батальона, мы только что получили специальный противогаз для работы в дыму или отравленной атмосфере, и при первом же удобном случае я решил опробовать его под водой. Наш батальон как раз наводил понтонный мост через реку, и я взялся доставать оброненные в воду под понтонами гаечные ключи (командиру батальона эта идея очень понравилась). Мой наполовину самодельный противогаз — баллон от огнетушителя, редуктор со шлангами от газовой плиты и маска с гофрированной трубкой — позволял дышать под водой, хотя и с трудом. Чем глубже я погружался, тем труднее становилось дышать. На глубине пяти метров каждый глоток воздуха приходилось высасывать из загубника с сильнейшим напряжением легких, как если бы я при сильной жажде пытался напиться из сосуда с водой с отверстием в булавочную головку.

Прекрасно разбиравшийся в дыхательных аппаратах (он служил семь лет на флоте и имел солидный опыт), А.В. откровенно расхохотался, так что из бумажных джунглей на столах на мгновение высунулись потревоженные физиономии молодых исследователей. После очередной неудачной попытки закурить трубку (опять поднялись головы из-за бумаг) А.В. откинулся на спинку стула, глаза его все еще продолжили смеяться.

— Именно таких ребят я и ищу.

Потом он вытащил из ящика стола овальное стекло с резиновой окантовкой и положил передо мной. Я покрутил его в руках, не зная, что с ним делать.

— Это маска, — сказал А.В., — ее надевают вот так. А это акваланг, — достал он из-под стола два тяжелых металлических баллона с ремнями.

Я смотрел на все это, как на крылья для полета.

— Хочешь подышать? — А.В. подал мне загубник.

Я потянул воздух всей силой легких, вцепившись в загубник зубами и губами, как в своем противогазе.

— Легче, — улыбается А.В.

Я вдохнул.

— Совсем легко.

Я еле держу загубник и ахаю-выдыхаю:

— Так легко! Не может быть!

Так неожиданно в моей жизни появился Майер, и тогда море, живое, первозданное, как в древние времена, широким потоком ворвалось в пыльные кабинеты и лаборатории и унесло меня к иным берегам.

Как греки и римляне осваивали просторы далеких морей, так и мы, участники группы подводных исследований, отправлялись на все лето в морские экспедиции к Черному морю, ставили палатки и каждый день выходили в море на маленькой лодке. Жизнь на берегу напоминала жизнь ихтиофагов, морских легендарных племен. Днем они плавали и ныряли в море, питались сырой рыбой и ракушками и только спать выходили на сушу.

Весь день мы проводили в море на плоту или на лодке, ныряли с аквалангами на глубину, занимались какими-то экспериментами под водой, а вечерами в нашем палаточном лагере, в окружении многочисленных гостей пили вино, слушали песни, танцевали и купались по ночам при свете луны или звезд. Мы выполняли водолазные работы в километре от берега, чаще всего в штормовом море. Только два летних месяца было в нашем распоряжении, и ждать у моря погоды нам было нельзя. Иногда из-за шторма мы не могли направить нашу маленькую лодку-плоскодонку к берегу — заливало корму, волны были такие большие, что мы видели их вершины высоко над нами, а когда, наконец, к ночи, после долгих часов дрейфа, нам удавалось галсами приблизиться к берегу, то море просто выбрасывало нас на берег в волнах прибоя со всем нашим имуществом.

Майер был нашим учителем и вожаком и умел находить выход из самых безнадежных ситуаций. Он был единственным преподавателем на кафедре, кто бегал бегом по институтским коридорам и лестницам. Там, где мы видели сгущающиеся тучи и явное приближение грозы, он всегда видел безоблачное небо. У него получалось все, даже то, что казалось невозможным. Он был безумно храбр на море и под водой. Я и сейчас вижу его сидящим на корме нашей маленькой лодочки-плоскодонки на фоне огромных волн. Самого его присутствия было достаточно, чтобы мы благополучно прошли через все опасности, — а их во время работы было немало. Он научил меня любить риск. В моменты опасности я чувствовал радостное возбуждение, а после, на берегу, умиротворение и блаженный покой.

Однажды, сидя на берегу, я долго вслушивался в шум прибоя и незаметно «выпал» из времени. Мне казалось, что я сижу здесь уже давно, так давно, что не помнил сам, когда и как здесь оказался. Постепенно вся окружающая природа преобразилась. Я не узнавал свою бухту, скалы и море — все это я видел как будто впервые, и все было сказочно красивым. Я снова и снова всматривался в окружающее — оно не поддавалось запоминанию и каждый раз оказывалось непривычным и прекрасным. Я вдруг явственно ощутил чье-то присутствие. Море стало одушевленным, и я почувствовал, как оно смотрит на меня. Это было точное ощущение, которое невозможно определить иначе: море смотрело на меня из глубины всей своей массой, гребнями волн, кусками пены на песке, мельчайшими каплями на камнях. Присутствие чего-то одушевленного не было пугающим. Чувство любви затопило все мое существо, я не мог оторвать глаз от моря, я боялся шелохнуться. Я слышал

какой-то призыв из глубины и ощущал, как море втягивает мою душу. Все, что происходило со мной, было и необычным, и в то же время совершенно реальным — мое сознание оставалось по-прежнему ясным. Мне казалось, что я стал обладать новыми, недоступными раньше чувствами — они, как щупальца спрута, протянулись в какие-то иные сферы жизни. Наверное, я пробыл в этом состоянии довольно долго. Потом я понял, что меня окликают по имени. На огне жарились шашлыки, разливали вино, начиналось обычное ночное веселье: смеялись над чем-то девушки, ребята разбирали стаканы и рассаживались вокруг костра. С берега доносился шум прибоя и снова возвращал меня к только что пережитому, в сердце все еще сохранялось чувство любви. Я отвечал на вопросы невпопад и долго не мог вернуться к нормальному состоянию. С того вечера во мне что-то изменилось. Я часами мог сидеть у моря в одиночестве — слушать, вдыхать, постоянно удивляться и восхищаться, затихать в его присутствии и доверяться ему всем сердцем. Я чувствовал, что навсегда связан с ним какими-то сокровенными узами.

В то лето состоялось мое боевое крещение под водой. Это было в районе Голубой Бухты возле Геленджика. Нужно было закрепить на дне масштабную сетку для киносъемок. Я легко дошел до дна, но подводное течение было очень сильным, и мне пришлось долго тащить ее вниз и крепить на глубине двадцати семи метров. Для первого раза это было многовато. Уже на дне я услышал звук, напоминающий шипение воздуха, выходящего из баллона под большим давлением. Я проверил свой вентиль — все было в порядке. Шум усиливался и скоро стал невыносимым, а я боялся оставить работу незаконченной — это было мое первое настоящее погружение. Пронизывающий скрежещущий грохот сотрясал мне череп и, казалось, раздирал всего меня. Такой оглушительный шум, наверное, слышал Одиссей, проходящий между Сциллой и Харибдой. «Пока я могу дышать, нужно продолжать работать», — решил я. Скрежет и визг были такими ужасными, что для спасения хотелось, как Одиссею, залепить уши воском. Но потом шум стал постепенно ослабевать и наконец прекратился совсем. Наступила тишина, и это было непередаваемо чудесное ощущение.

Подождав немного на всякий случай, я стал всплывать. На поверхности встревоженный шеф спросил:

— Ну как?

— По-моему, там циклопы.

— Над тобой шел пароход, и мы боялись, что ты всплывешь под винт.

Меня очень закалили неожиданные ситуации вроде этой. Однажды у нашей плоскодонки заглох мотор, пока я был под водой. Поднялся сильный ветер, и лодку унесло далеко в сторону. Когда я всплыл, то увидел, что море покрыто штормовыми волнами, лодки нет, а до берега плыть на трубке несколько часов. Выхода не было, пришлось плыть.

Подводную лабораторию «Черномор» спустили на глубину четырнадцать метров в полукилометре от берега. Туда, на дно морское, нас поселили впятером, а над нами зависло судно с барокамерой, чтобы наблюдать за нами и обеспечивать всем необходимым. Море пьянит даже с берега особыми ароматными запахами и завораживающими звуками, а на глубине обволакивает душу сладчайшим азотным опьянением, без головных болей, безо всяких неприятных последствий. Это состояние знают только те, кто жил в подводных домах или находился в кессонах. Вечерами, вернувшись с полигона пьяные и счастливые, наблюдая, как резвятся рыбы за иллюминатором в водной дымке, мы жаждали еще большего кайфа. Нельзя было сплывать тайком на берег (кессонная болезнь не позволяла нам появляться на поверхности), нельзя было, по водолажным правилам, пить вино. Нам не очень доверяли и следили за нами днем и ночью по пузырям, чтобы мы не выходили «погулять» или просто «посидеть на завалинке».

Метрах в семидесяти от нашей лаборатории был другой дом, «убежище», к которому от нашего был проложен канат по дну. С помощью условного кода мы просили верных друзей спустить в тот дом побольше вина.

Под давлением легче задерживать дыхание, и я мог пробыть без воздуха до четырех минут. Оставалось только сплывать за вином по канату, и я с удовольствием брался за эту задачу. Акваланг взять нельзя — заметят пузыри на поверхности. Я надевал пояс с грузами и маску, делал несколько глубоких вдохов и выскальзывал через донный люк к канату. Пройти семьдесят метров не составляло

труда. Отдышавшись в «убежище», я возвращался с вином к полному удовольствию моих товарищей.

Существуют официальные, громоздкие и практически невыполнимые правила водолазных работ. Если им следовать, из тебя никогда не получится ни моряка, ни водолаза. У нас же были свои разумные правила, основанные на собственном опыте и хорошей физической подготовке. Нам удалось провести под водой сотни часов, днем и ночью, в любую погоду, в шторм и подо льдом. «В опасной ситуации время на размышления у вас в пределах задержки дыхания, — говорил Майер, — нужно быстро принимать правильное решение, а иначе лучше вовсе не соваться в море».

Кто-нибудь копал яму под водой лопатой? Это было нужно для геологических изысканий, и это было нелегко — под водой нет привычной опоры. Я рыл землю, как крот, надев тяжелые свинцовые башмаки, в окружении стаи рыб, и не заметил, как кончился воздух в акваланге. Две минуты без дыхания я развязывал шнурки башмаков, потом вспомнил, что забыл ласты. Поводок, связывающий меня с подводным домом, тоже где-то запутался, а поднышавшая муть мешала его найти. Я сбросил для облегчения акваланг, минуту искал поводок и на последней минуте добрался до люка подводного дома.

Однажды я запутался у якоря большого научного судна на глубине пятидесяти метров — мы фотографировали вновь построенный батискаф. Майер все время был рядом, но в эту минуту его не оказалось. Я подыскивал одну, очень неудобную позу, в которой едва мог дышать, и замер, ожидая помощи. Минут через десять Майер нашел меня и освободил.

А.В. научил меня самообладанию. Он создавал под водой искусственные опасные ситуации вроде этой и тренировал нас до умопомрачения. Правила водолазных работ запрещали ходить под воду без поводков. Майер очень не любил поводки, которые никогда никого не выручали и всегда запутывались. Разве могли бы мы свободно осматривать затонувшие корабли, заплывая внутрь, или обследовать узкие гроты и пещеры!

Как-то раз в Кронштадте, где мы работали в доке осмотра подводных лодок, рабочие пошли на обед и отключили воздух, которым я дышал на глубине больше двадцати метров. Я экономно дышал через аварийный маленький баллончик, и мне удалось дойти до стенки дока только благодаря самообладанию. Меня вытащили без сознания и быстро разрезали комбинезон. Я хорошо помню, как постепенно задыхался в течение нескольких минут, а потом на меня навалилась темнота. Очнулся я в окружении моих друзей и никак ни мог досыта надышаться. Какое это все-таки наслаждение — дышать!

У нас был договор с Жаком Кусто о совместных исследованиях в подводном доме в Тунисе. Мы должны были послать наш буксир «Нерей» с командой инженеров-водолазов в Монако летом 1970 года.

А потом все пошло прахом. Нам не дали виз, и весь проект сорвался. Пошла прахом еще одна экспедиция с Кусто — на атоллы Тихого океана — под названием «Южный Крест». Это название предложил я. Целый год я готовил водолазную часть экспедиции. Я специально заочно окончил мореходное училище и получил диплом штурмана дальнего плавания. Нам снова не дали виз, а к Кусто послали других людей, не водолазов, но с визами. Он их не принял, а мы вместе с А.В. читали длинные репортажи об экспедиции «Южный Крест» без нас в журнале «Вокруг света». Потом пошел прахом проект организации института подводных исследований и испытание подводных батискафов. Мне не дали визы и секретности.

Я знал, что у меня было одно исключаяющее всякие надежды обстоятельство — родственники за границей. Моя сестра десять лет назад вышла замуж за индуса и уехала сначала в Индию, а потом вместе с мужем и сыном в Канаду. Все эти годы мы не виделись. Я сделал последнюю попытку получить визу в Канаду. Я тогда наивно полагал, что если каким-нибудь чудом получу ее, то только затем, чтобы съездить на короткое время и вернуться обратно. Это будет доказательством моей лояльности, и я уже наверняка смогу получить визу для работы на океанографических судах. Через полгода мне пришел ответ с предельно ясной формулировкой: «Посещение капиталистических стран считаем нецелесообразным».

Один за другим уходили за горизонт мои корабли, а у меня не было никакой надежды, никакого просвета. Я понимал, что никогда не смогу увидеть то, о чем мечтал, что меня никогда не выпустят

на свободу.

Наверное, лучше совсем ничего не знать о мире, чем знать многое и быть не способным увидеть. Ужасно сидеть в своем сонном городе, зная, что громадный, прекрасный мир где-то рядом, и его жизнь проходит мимо тебя. Ты чувствуешь себя, как птица, которая не может летать, как парусный корабль со спущенными парусами, как человек, навсегда прикованный к инвалидному креслу. Одни названия мучают: Мадагаскар, Гавайи, Таити. Невозможно смириться с тем, что придется провести всю жизнь вот так, в бездействии, не имея возможности ничего совершить самому, только читая о других и восхищаясь другими. Меня с детства мучила неодолимая тяга к испытаниям. Мне хотелось пройти через все доступные ситуации и состояния, пережить все, что выпадает на долю человека, просидевшего много лет в тюрьме, стоять среди людей, ожидающих смертной казни, спастись от кораблекрушения и плыть на плоту, вглядываясь в горизонт в надежде увидеть полосу земли. Благополучная, тихая жизнь чиновника всегда приводила меня в ужас.

У Экзюпери есть рассказ об олене, живущем в заповеднике, который часами простаивал у сетки, с тоской глядя туда, где свобода, волки, охотники и вольная жизнь, полная смертельных опасностей.

Я жил в государстве, где люди постоянно боялись чего-нибудь. Я видел страх в их глазах, в их позах, в манере говорить друг с другом, постоянно прислушиваясь и оглядываясь. Больше всего это чувствуется в столичных городах, в провинции отчаяние и безнадежность ощущаются меньше. Трудно поверить, что в стране существует множество здоровых, сильных мужчин, обьятых постоянным страхом, трудно жить среди них. Люди вокруг меня ненавидели советскую власть. Я не замечал этого, во мне совсем не было ненависти. Я владел огромным богатством: состоянием сознания — я был счастлив. Мир казался мне прекрасным. Люди любили меня, и я чувствовал, что во мне нуждались. За глаза меня называли «счастливым идиотом». Чтобы психологически выжить в атмосфере ненависти и страха, ей необходимо противопоставить атмосферу любви внутри себя, в своей семье, в кругу своих друзей. Мне долгое время удавалось оставаться счастливым среди близких мне людей. Я обладал непоколебимо счастливым духовным состоянием, и я его потерял. Я стал понимать людей и страдать так же, как они. Во мне появилась ненависть. Я ненавидел режим в стране, ненавидел коммунизм с его красным цветом, ненавидел коммунистов, а потом потихоньку стал ненавидеть и самого себя. Жить в атмосфере ненависти и страха — медленное самоубийство. Иногда приступы ненависти были настолько сильными, что я чувствовал, как разрушается моя физическая оболочка. Я болел какими-то необъяснимыми болезнями, что-то надрывалось внутри, несколько раз у меня лопалась кожа на пальцах рук и висела клочьями. Я понял, что нужно что-то делать, пока ненависть не убила меня совсем. Если я ненавижу что-нибудь или кого-нибудь, я абсолютно неправ, для меня это была очевидная истина. Я стал бесполезным для людей. Они по-прежнему искали во мне поддержки, а у меня не было душевной силы — я перестал быть счастливым идиотом. Я пытался сопротивляться этому, но у меня пропала любовь к жизни. Я был почти мертв. Только временами ко мне возвращалось мое прежнее состояние, и я снова был счастлив.

Самое странное, что, когда я был в счастливом, идиотском состоянии, я противостоял ненависти и страху, я был не рабом, а свободным гражданином.

Тогда-то я остро почувствовал, что моя страна — галера, плывущая по пути ненависти, а я прикован к своему веслу. Я понимал, что должен оставить ее или не грести. Но что я должен делать? И должен ли? Как не падать, как не поддаваться ненависти?

А потом произошло нечто, что дало ответы на все мои вопросы и навсегда изменило меня и мое отношение к миру. Это была встреча с Богом. Я стоял перед Ним лицом к лицу. У меня хватало смелости говорить об этом так просто, без тени сомнения. Безусловно, это были самые прекрасные часы в моей жизни. У меня был личный религиозный опыт, без учителей, священнослужителей или каких-либо посредников. То, что называют Богом, действительно существует и входило в мою жизнь в разное время, в разных обстоятельствах в трех разных аспектах: Бог в святых людях, Бог повсюду и Бог во мне.

Бог

Мое религиозное воспитание началось с того, что мне сообщили, что Бога нет. Я немного удивился глупости взрослых: зачем говорить о том, чего нет, когда вокруг столько таинственного и интересного, что есть. Но в школе и дома меня так настойчиво убеждали в этом, что я поневоле задумался: «Что же это такое — Бог?». Мой отец, преподававший в школе анатомию, химию и естествознание, с гордостью говорил о себе: «Я атеист». Однажды я спросил его: «Что значит атеист?» — и из его объяснений понял только, что это человек, не верящий в то, чего нет.

Во всем этом была странная неубедительность, которая все больше подтверждала ощущение, что с этим нужно разобраться.

Еще больше мой интерес к религии подогрел случайно услышанный разговор родителей отца.

Бабушка пришла из церкви и сказала: «Священник произнес сегодня такую проповедь, что все плакали». Дедушка чинил башмак и спросил, не поднимая головы: «Ну и что же он говорил?». Выяснилось, что проповедь была на церковнославянском языке и бабушка ничего не поняла.

— А ты-то что плакала? — спросил дедушка.

— Все плакали, и я плакала.

— Ну и дура, — все так же не поднимая головы сказал дедушка.

Почему бабушка верит в Бога, а дедушка — нет? Что это — Бог? На эти вопросы я не мог ответить. Мне было шестнадцать лет, и я только что поселился у дедушки с бабушкой. До революции у них было большое хозяйство: два дома, амбар для хранения зерна, лошади и коровы. Но потом пришли красноармейцы и все отобрали, оставив им одну комнату в их же доме и небольшой надел во дворе, где летом они выращивали овощи, табак и цветы.

Иногда среди ночи я просыпался, и мне казалось, что я вижу два призрака — это дедушка с бабушкой пили чай из самовара, молча, при свете свечи. После чая они снова ложились спать и вставали с восходом солнца.

Чем старше я становился, тем отчетливее замечал в научных фактах и доказательствах, разоблачавших религиозные предрассудки, едва видимый пробел, след, ведущий в неизвестное. Его нельзя было стереть никакими аргументами, и на нем, как яркие цветы, вырастали все новые и новые вопросы.

В армии, куда меня призвали после окончания техникума, в нашей части служили несколько баптистов. Они отказались принимать присягу и брать в руки оружие. Об их твердость сломали зубы лучшие армейские психологи. Лекции на антирелигиозные темы, которые проводились регулярно, и странное упорство баптистов вызвали во мне такой интерес к религии, какой раньше вызывали только путешествия и приключения. Я перечитал все антирелигиозные брошюры из библиотеки нашей части — ничего другого о религии найти не удалось.

В институте мое религиозное образование продолжалось: профессора, бывшие священники и лекторы общества «Знание», прочли нам, студентам, несчетное количество лекций на тему «Есть ли Бог?», и все они заканчивали свои лекции единогласным: «Бога нет».

ВНИИ, где я работал после института, часто устраивали антирелигиозные диспуты с принудительным посещением. Однажды, незадолго до окончания рабочего дня, когда сотрудники слонялись без дела, посматривая на часы в предвкушении спасительного звонка, чтобы бегом броситься к выходу, в отдел зашел секретарь партячейки и строго объявил: «Сегодня в 5 часов в кинозале будет прочитана лекция на тему «Есть ли Бог?». Один из инженеров не выдержал и, подняв глаза к небу, проникновенно, как молитву, произнес: «Господи! Ну скажи ты им, наконец, что Бога нет».

Мне приходилось встречаться и говорить со многими верующими людьми, у меня были наставники, которые хотели приобщить меня к вере, я ходил в церковь, честно простаивал на коленях

всю службу, молился как мог и, наконец, принял обряд крещения, когда мне было тридцать три года. Позже у меня наступил перелом. Как оказалось, я не мог быть просто верующим, мне нужен был чистый религиозный опыт. Я хотел стоять перед Богом лицом к лицу или прекратить всякие религиозные искания.

И однажды это произошло. Это произошло во сне.

Сейчас, оглядываясь назад, я могу сказать, что главные события моей внутренней жизни случались именно во сне. Мир снов, как и реальный мир, состоит в основном из серой повседневности, вроде хождения в школу или на работу. Эти полубессознательные сны, как и полубессознательная жизнь, быстро забываются. Поворотными, решающими точками в моей жизни были несколько незабываемых снов, изменивших мое отношение к миру. Эти сны-переживания я воспринимал, как такую же реальность в жизни. Переживание в жизни — это в первую очередь состояние, а физические подробности несущественны. В этих снах я получал ответы на самые важные для себя вопросы. Они были моей лучшей школой и посвящением в эзотерическое знание.

Я был в гостях у своего приятеля, актера, с которым мы когда-то вместе начинали занятия йогой. Йогу он скоро оставил, стал читать Библию, молиться и ходить в церковь. Я спрашивал его: «Скажи, что ты чувствуешь?» Оказалось, что у него не было никаких особых переживаний, но была сильная вера и потребность укреплять ее.

В этот вечер он читал мне Библию, и мы допоздна говорили о Боге.

Я лег спать в соседней комнате. А потом со мной случилась странная вещь. Я уснул, но это был не сон. Это была реальность на другом уровне существования. Это был важнейший жизненный опыт в состоянии транса, интуитивное понимание всех неразрешенных вопросов, скопившихся в сознании. Трое людей появились в комнате, где я спал. Я знал безо всяких доказательств, что они — святые. Я не могу сказать, как они выглядели, было только особое, глубокое ощущение их присутствия. Общение шло помимо слов, концентрация была на смысле сказанного. Я знаю, что понял то, с чем ко мне обращались, я не помню, как сказали и что сказали. Я чувствовал необыкновенную легкость, мучительно-приятную боль в сердце и какое-то неземное спокойствие.

А потом мне был показан мир, в котором я жил, с какой-то иной точки зрения. Я видел все явления и вещи в их изначальной целостности и простоте. Никаких вопросов не возникает, ничего не скрыто, все предельно ясно. Все, что ты видишь и чувствуешь, — истинно. В этом мире нет противоположностей, нет двойственности, нет доказательств и сомнений. В этом мире так же нет и не нужно слов. Я был абсолютно счастлив, в сердце были мир и покой. Я не знаю, сколько времени это продолжалось, потом они исчезли, и я вернулся в свое обычное состояние. Я превратился в комок боли, нервы были натянуты до предела, сердце давил тяжелый камень и отчаяние. Со временем я перестал чувствовать боль, но она осталась. Тогда я понял очень многое. Я понял, что называют божественным, что называют грешным и какая огромная разница между этими состояниями. Как тяжело быть человеком! Мы привыкли и не замечаем этого. Я понял, в каком ощущении живут святые люди и что называют грехопадением. Но почему это произошло?

Утром я рассказал приятелю о своем сне. Он ответил: «Дурак, я же за тебя молился». Но он, я думаю, никогда не испытывал ничего подобного. Почему он молился, а ко мне пришли святые? Десяток других «почему» остались без ответа.

После этой ночи я уже не мог, как раньше, говорить о Боге. Я понял заповедь «Не поминай имя Божие всуе». По тому, как люди говорили о Боге, я мог определить, имели они религиозное переживание или нет.

Когда мы пошли в церковь, я почувствовал, что Бог присутствует там, но люди его не замечают и ведут себя, как слепые котята. Мне хотелось замереть и постоять очень тихо, почти не дыша, но суета в церкви сильно мешала этому. Я понял, что если просто посидеть одному, скажем, на берегу реки, то можно чуточку приблизить то состояние, которое я испытал.

Я решил пойти на эксперимент голодания. Я хотел проголодать сорок дней, как это делал Иисус Христос. Тогда, может быть, думалось мне, я что-нибудь почувствую. Возможно, это состояние вернется еще раз, и я смогу разбить тот комок боли и нервов, который был моим «я».

Начал я с десяти дней. Потом, после месячного отдыха, снова перестал есть и продержался

двадцать один день. Самые длинные сроки были тридцать и тридцать пять дней. В тот год я ничего не ел в общей сложности сто тридцать дней. Во время этих голоданий я ходил на работу как обычно, а однажды, во время двенадцатидневного голодания, даже работал грузчиком в колхозе по восемь часов в день. Дневной рацион воды я постепенно довел до одного стакана, но потом попробовал обходиться совсем без нее и легко продержался семь дней. Думаю, что мог бы и дольше, монахи-аскеты выдерживали в пустыне до сорока. Мне не удалось проголодать весь сорокадневный срок, после тридцати дней я становился таким худым, что люди шарахались от меня и крестились, а в их глазах я читал: «Не жилец». В конце последнего, тридцатипятидневного голодания я боялся показываться кому-либо на глаза и жил один в палатке в лесу. Мой язык стал выделять сладкую слюну, вкус во рту был такой, что я содрогался от отвращения. В течение года после этого я не мог есть никакую еду, где был бы сахар. На тридцать шестой день я начал потихоньку пить сок и есть фрукты, а через несколько дней ко мне пришло одно из самых сильных религиозных переживаний. В этот вечер я пригласил к себе друзей и устроил праздничный ужин. Я чувствовал себя необыкновенно легко и решил даже съесть немного рыбы и выпить вина. Только после долгих голоданий начинаешь чувствовать настоящий вкус еды. Его невозможно описать тому, кто не голодал. У меня всегда был хороший аппетит, но до голоданий я и не подозревал, что такое первозданный вкус пищи и простой воды.

То, о чем я хочу рассказать, как и в первый раз происходило во сне, хотя если уж называть вещи своими именами, то я бы назвал всю свою жизнь непрерывным сном, за исключением тех мгновений, когда был по-настоящему пробужден. И это пробуждение было самым волнующим.

Я оказался в каком-то просторном храме среди людей, которых я знал когда-то, очень давно. Некоторые из них были в белых одеждах, другие одеты как-то иначе. Похоже, что меня ждали, потому что сразу после моего появления все приготовились к религиозной церемонии и пригласили меня принять в ней участие. Послышалась тихая ритмичная музыка, и все присутствующие двинулись по кругу, делая какие-то танцевальные движения. Я попытался отказаться, но они с мягкой настойчивостью указали мне место в середине процессии. Мне дали знак, чтобы я тоже делал эти движения. Поначалу я не мог войти в ритм, но скоро у меня стало получаться, и чувство неловкости быстро прошло. Танец все больше захватывал, я чувствовал приятное ощущение общего ритма. Потом появилось состояние легкого экстаза, и на втором или третьем круге общего танца я почувствовал, что со мной что-то происходит. Я вышел из круга и остановился. Внутри меня открылось свечение, экстаз продолжал усиливаться, я стал легкий как пушинка, мое тело излучало свет. Никогда раньше я ничего подобного не испытывал. Я взглянул на этих людей и понял, что вся эта церемония была затеяна ради меня, — они прекратили танец и смотрели на меня, поощрительно улыбаясь. Экстаз достиг наивысшей силы, мое «я» расширилось и включало в себя гигантское пространство. Во мне оказался огромный мир, я растворился и стал везде. Я обладал новыми, неизвестными органами чувств. Мне нужно было много времени, чтобы освоиться с этим новым состоянием. Я попал в незнакомый мне, неизведанный мир, как на другую планету, и этот мир находился внутри меня. Это был мир причин. Я знал все, что происходит вокруг, каждую тайную мысль, каждое побуждение. Я видел первоисточник всех вещей. Я мог передвигаться со скоростью мысли, я был сразу во всех местах. Это был удивительный и прекрасный мир, и я пробыл в нем, как мне казалось, очень долго.

Когда я вернулся в свое тело, каждая моя клетка еще пылала пережитым экстазом, я затухал медленно, и только через месяц все следы этого состояния окончательно исчезли.

Я очнулся ото сна, и у меня тут же появились сомнения. Нужно было решить, какой из миров — правда: тот, во сне или этот, реальный, земной. Они настолько различны и противоположны по своей природе, что нельзя было не сделать выбор. Сама собой в душе появилась убежденность: тот, иной мир — истинный. После этого сна исчезли вопросы, мучившие меня так долго: как понять другого, как поставить себя на его место, как узнать, что он чувствует. В том мире, в церемонии Танца мне дали пережить смысл Действия. Через действие лежит путь к миру причин, к познанию истины. Бесполезно раздумывать над чужими действиями — так ты никогда не поймешь их до конца. Бесполезно пытаться объяснить другим тайну своего собственного действия — оно горело и сияло для тебя в момент совершения и превратилось в остывшие угли, как только осуществилось. Нельзя судить людей за их поступки, потому что понять их можно только в совокупности всех

обстоятельств. Поэтому — не суди, не требуй от людей слишком многого, прощай им их ошибки или, точнее, свое непонимание их поступков. Хочешь понять другого, хочешь понять тайну его поступков — действуй сам. Собственные ошибки учат больше, чем неделание ошибок. Только через собственное действие лежит путь к ответам. Изменить людей мог только Сын Божий. И Он сделал это, но не проповедью, а действием, актом распятия. Разве Богу было не под силу остановить казнь? Ведь Он мог проповедовать до глубокой старости. Но само действие казни значило больше, чем годы Его проповедей.

Следовательно — не проповедуй. Хочешь понять что-нибудь — не рассуждай, а действуй.

В наше время принято рациональное восприятие мира, и, хочешь ты этого или нет, ты усваиваешь его с рождения. Но как-то я задумался, для чего служат цветы и какая от них польза? Мне очень хотелось найти объяснение, должны же цветы играть какую-нибудь практическую роль в природе. С цветов все и началось. Я сделал что-то вроде открытия для себя самого: цветы созданы для красоты. И вовсе не для того, чтобы человек ими любовался, — ведь это тоже своего рода польза, а просто для красоты, ни для кого и ни для чего. Может быть, чтобы напомнить человеку, что красота существует сама по себе.

Когда со мной стали случаться необычные вещи, я сначала, естественно, усомнился в их реальности. Но когда они стали происходить чаще, у меня поубавилось сомнений. Я пытался анализировать их, ведь, казалось, немедленный анализ помог бы мне как-то объяснить природу нового переживания. Уже то, что при попытке рационально их объяснить и классифицировать они тут же пропадали, убеждало меня в их сомнительной реальности. Но они были так хороши, так необыкновенны, что я прекратил всякие попытки анализа и только пытался удерживать их как можно дольше. Я уже стал замечать, почему они исчезают, и по возможности устранять эти причины. «Пусть лучше это будет, — думал я, — если тебе очень хорошо, так ли важно, почему».

Однажды я шел по берегу и остановился у одинокого дерева. Я никуда не спешил и скользил равнодушным взглядом по его ветвям. Дерево было самое обыкновенное. Что-то вдруг привлекло меня в нем, и я стал смотреть внимательнее. Незаметно оно стало более красивым, и я удивленно пытался понять, почему я не заметил этого в первый момент. Дерево как-то ожило, и я почувствовал, что оно «общается» со мной. Оно обращалось ко мне всеми листьями, всеми ветвями. Я пытался найти его сущность, его центр, но там, где останавливался мой взгляд, и была его сущность, каждая и каждый отдельный лист. Сухие ветви и листья в своих линиях излучали ту же красоту и были такими же одушевленными. Я следил взглядом еще и еще, все линии дерева были прекрасны и безупречны, даже сучки были как бы на своем месте и нисколько не меняли общей картины. Я не мог заметить ни одной несовершенной линии. У меня сильно заныло сердце, и на глазах выступили слезы. Я стоял, забыв, кто я, где я и куда собирался идти. Прошло какое-то время, прежде чем я пришел в себя. Видение исчезло, дерево стало самым обыкновенным, и я увидел безобразные сучки и корявые, сухие ветви. Я понял, что до сегодняшнего дня я никогда по-настоящему не видел дерева, а то, что я видел раньше, был всего лишь его условный, привычный для сознания образ.

Обычно, когда нам причиняют боль, мы духовно падаем, но ведь эта же боль может поднять на духовную высоту, и мы будем благодарны человеку, причинившему ее, и самой боли, что она помогла нам возвыситься. Когда бьешь кого-нибудь по щеке, потом становится много хуже, чем когда тебя бьют. Если тебя ударили по щеке, подставь другую. Вот что самое важное: суметь мгновенно посочувствовать ударившему тебя — ведь он точно падает.

В то время больше всего на свете меня интересовали тайны мироздания, а ответы на вопросы я искал в философских системах. Само собой, неразрешимых вопросов было много, а ответы на них тут же вызвали новые вопросы. Я размышлял о времени и пространстве больше, чем о том, что я буду есть (у меня не было больше рубля в кармане), во что одеваться (у меня была одна рубашка) и где буду спать (я часто был бездомным). Моим излюбленным слушателем была кузина Женька — я случайно открыл ее среди многочисленных скучных родственников. Женька видела меня насквозь и читала мои мысли. В ее смеющихся глазах была странная мудрость. Когда она молча смотрела мне в глаза, затаенные или скрытые побуждения моих поступков выплывали наружу, и мне волей-неволей приходилось становиться до конца честным. Я слегка робел перед ней, как перед учителем, хотя она и была намного моложе. Я с жаром выкладывал все, что меня волновало. Она выслушивала с поразительным терпением и пониманием сути дела и, казалось, была всегда со мной согласна, но

после двух-трех ее невинных вопросов, а то и одного взгляда мои теории рушились сами собой. Мы не виделись год, и за это время я нашел и надежно опробовал очередную новую философию. Свои знания я добыл в частных библиотеках и рукописях, ходивших среди любителей. (Почему-то к тайному знанию всегда больший интерес и доверие, чем к явному.) Сомнений не было — порядок в мироздании был установлен. Я с нетерпением ждал встречи с Женькой. На этот раз учителем буду я, а она станет моим первым учеником. Приехала Женька, как всегда насмешливая, со своими обычными шуточками, и конечно сразу заметила произошедшую во мне перемену. Она привезла подарок — маленького заводного зайца, он как-то уж очень глупо и смешно хлопал лапками и кивал головой. Этот странный подарок меня удивил: Женька прекрасно знала, что я равнодушен к игрушкам. Я недоуменно поблагодарил ее и хотел отложить зайца в сторону, но она знаком показала, что хочет, чтобы я поиграл с ним. Я уловил какой-то необычный огонек в ее глазах и покорно, хотя и с неохотой взял ключик и стал заводить механизм.

Бывает так, что самые незначительные обстоятельства заставляют тебя вдруг максимально концентрироваться и ты выходишь на другую, высшую ступень понимания, в считанные моменты проходя целые этапы самопознания, перекрывающие твой прежний уровень. Эти моменты безусловно становятся поворотными в жизни и приносят огромное удовлетворение и внутреннюю радость.

В эту минуту я не предполагал, что этот эпизод принесет мне в будущем немалое облегчение и духовную свободу, которой я не знал до сих пор, и что после него уже не буду искать себе новых тюрем — надежных философий.

Я опустил зайца на пол — он смотрел на меня, хлопая лапками. Женька внимательно наблюдала за выражением моего лица. Уже в следующее мгновение я начисто забыл о ее существовании. Со мной случилась странная вещь: мой внутренний мир, так хорошо построенный и идеально налаженный, зашатался и стал рушиться у меня на глазах безо всяких причин. Я чувствовал, как почва опять ускользает из-под моих ног. Так же все оставалось в строгой логической связи, но прежней надежной опоры у меня уже не было. Раньше я был уверен: это так, теперь же откуда-то влезла вороватая частица «если» и стала главным звеном моей философской цепи: это так, если... Нельзя же иметь твердые убеждения с частицей «если».

Завод кончился, заяц замер. Лукавые Женькины глаза смотрели на меня с сочувствием. Я не мог пошевелиться от изумления и неожиданности: этот заяц знал какую-то непостижимую для меня тайну и пытался ее сообщить, а я не мог понять ее, потому что был научен воспринимать все только через слова. Женька тоже знала эту тайну, это было видно по ее глазам. Я смотрел то на нее, то на зайца, как на заговорщиков. Но самое непонятное было то, что я даже не мог ничего спросить, не мог сформулировать ни один вопрос, и, наверное, сам казался со стороны сплошным вопросительным знаком. Женька почувствовала, что мне нужно побыть одному, и неслышно исчезла. Я заводил зайца снова и снова, он хлопал лапками, кивал головой и старался изо всех сил сообщить мне свою тайну, но она по-прежнему ускользала от меня. Я чувствовал ее всем своим существом, тайна будто пульсировала где-то рядом, как живая, но сокровенный ее смысл оставался неуловимым.

«Тебе, кажется, понравился этот заяц?» — спросила, вернувшись, Женька как ни в чем не бывало. Я сидел перед зайцем все в той же вопросительной позе и ничего не мог ей ответить.

Потом, уже после того как Женька уехала, я много раз заводил зайца, пока не сломался механизм. Но мне уже не нужно было его заводить, я мог вызвать эту картину в своем воображении.

А тайну зайца я разгадал гораздо позже, когда навсегда простился с Женькой. Вот о чем он хитро кивал головой: в мире нет ничего, про что можно было бы с уверенностью сказать: это так и никак иначе. Судить о чем-либо мы можем, выбрав определенную систему понятий. Но при ее изменении, как при смене угла зрения, меняет очертания и сама истина. Не стоит создавать своих теорий, принимать чужие и, тем более, следовать им. Если ты следуешь определенной системе, над тобой всегда будет висеть «ты должен», и ты никогда не будешь внутренне свободным! Какой бы правильной ни была выбранная философия, в ситуации, когда ты должен реально действовать, у тебя чаще всего нет времени, чтобы обдумать решение в соответствии с ней. Я никогда не буду знать, до самого последнего мгновения, как себя вести, а мои поступки часто удивляют меня самого больше, чем окружающих. Ум нужен для обыденных вещей, например помнить, что нужно купить в

магазине, или изучить профессию, чтобы зарабатывать на жизнь. По теории этого зайца, единственная необходимая в жизни философия — мгновенный ответ действием на любой вызов жизни. В этом смысле привлекательна философия-действие дзен или философия-борьба типа каратэ, суть которой — через физические упражнения и духовную концентрацию научиться действовать мгновенно, без размышлений. Книги могут служить только отправной точкой Пути, по которому ты должен идти в одиночку, доходя до всего самостоятельно, действуя так, как если бы ты был первым человеком на земле. Ты должен заново открывать для себя мир, и прежде всего — открывать самого себя.

Но как?

На этом месте, должно быть, завод кончался.

Естественно, я продолжал жить по старым правилам. Я принял решение не принимать заранее никаких решений, пока не появится вызов жизни, а ведь это тоже ошибка. Как ни пытался я подчинять все желания единой воле, все равно из этого ничего не вышло. Разрушительная сила приходила с той стороны, откуда ее меньше всего ожидаешь, хотя источник был всегда один — менялось соотношение вещей в самом сознании.

«Познай самого себя» — конечно, я давно знал это древнее изречение и не раз с умным видом вставлял его в разговоре, пока однажды не обнаружил, что не имею ни малейшего понятия, что оно на самом деле означает.

«Как ложка не чувствует вкуса похлебки...» — начало древнеиндийского афоризма.

Одним из самых важных событий моей внутренней жизни было открытие, что я действительно всего только лишь «ложка».

Приходит время, когда ты достигаешь своего потолка понимания. Тебе уже не удастся черпать ничего нового ни из книг, ни из иных источников знания. Ты приходишь к необходимости оставить все это и отправиться открывать незримое, лежащее за пределами фактов. Тебя начинает сжигать жажда эзотерического познания, еще более сильная, чем жажда информации. И тут ты обнаруживаешь, что в своих поисках ты ужасно одинок. Эзотерические тайны мира ты можешь постичь только самостоятельно, на своем собственном опыте, и тут у тебя нет ни друзей, ни помощников. Путь, по которому тебе предстоит идти, это путь концентрации. Его не зря называют «вторым рождением».

Йога

Я прочел первую книгу о йоге на первом курсе института. Это было то, что я так долго бессознательно искал.

В йоге была какая-то тайна. Впервые я встретился с чем-то, что нельзя было понять с помощью чтения. Все книги о йоге давали только направление и никакой информации. Йога была для меня такой же загадкой, как Амазонка для путешественников лет сто назад. Те, кто решались идти вниз по течению на плоту или в лодке, бесследно исчезали. А джунгли манили все новых и новых исследователей. В условиях Союза я не мог побывать на Амазонке (а как хотелось!) и вместо этого со всей страстью отправился в путешествие по хатха-йоге. Я вполне мог чувствовать себя первооткрывателем. Моим снаряжением в этом путешествии было полотенце, свернутое калачиком, — стоять на голове, и коврик для упражнений. Я пренебрег напутствием: йога — опасный путь, и не следует ступать на него без учителя. Сказано: «Если ученик готов, учитель приходит». Ясно, что я не был готов, — пришлось стать учителем самому себе.

Главным моим законом стал один из принципов карма-йоги: «Работай ради самой работы, а не ради плодов ее труда», то есть каждое упражнение — физическое и дыхательное — я выполнял так

тщательно, будто это и была самоцель.

О йоге написано очень много, но, судя по всему, большая часть написана людьми, которые сами йогой не занимались.

Если кто-то научился выполнять асаны, то это скорее относится к спортивным успехам — хороший гимнаст без труда может выполнить любую из них. Если кто-то приучил себя не есть мясо и рыбу, то он просто сидит на диете — больным людям также обычно прописывают строгий режим питания. И даже если ученик занимается медитацией, то довольно часто оказывается, что он просто сидит с закрытыми глазами. Один мой приятель купил за большие деньги мантру, повесил у себя в автомобиле портрет бородатого гуру, которого никогда не видел, перестал спать с женщинами и стал есть только в вегетарианских ресторанах.

В одной из первых книг по йоге мне попались слова учителя, обращенные к ученику: «Йогой нельзя просто увлекаться, вот когда ты начнешь сдвигаться на йоге, тогда и только тогда можешь ожидать серьезных результатов». Я вспомнил, как в детстве приятели удивлялись моему терпению, обнаружив, что я могу просидеть с удочкой целый день, смотреть на поплавок и не поймать ни одной рыбки (тогда у меня было только терпение, и я еще не был экспериментатором), и решил, что, пожалуй, подхожу для йоги. Зная о ней, не заниматься ею я уже не мог, независимо от того, добьюсь каких-нибудь успехов или нет.

С момента решения и до момента, когда меня ошеломило первое «самадхи», прошло ровно десять лет. Первые пять лет ничего примечательного со мной не случилось. Я жил своей внутренней жизнью и все свободное время посвящал упражнениям. В течение нескольких лет я выполнял асаны — статические позы.

Я жил в институтском общежитии, нас было пять человек в комнате, места для упражнений не было. Я брал свой коврик и полотенце и шел либо в подвал, либо на чердак, а иногда в красную комнату, если она была свободна. Я предпочитал заниматься в темноте, без одежды, в месте, где было относительно тихо. Я легко мог принять любую позу без предварительной подготовки. Много лет перед этим я увлекался спортивной гимнастикой с элементами акробатики. В то время мастеров спорта было мало, меня называли «железным второразрядником», на соревнованиях я приносил своей команде максимум очков.

Заниматься гимнастикой я стал, в общем-то, случайно. На первом в своей жизни уроке физкультуры я единственный из класса ни разу не смог подтянуться на перекладине. Преподаватель-атлет поставил меня перед всем классом. «Посмотрите на эту девочку», — начал он. Краска стыда залила мое лицо, и я больше не помню ни слова, хотя он и проговорил, как мне казалось, не менее получаса.

Это нужно было пережить.

Через четыре года я стал лучшим гимнастом школы, через шесть лет наша команда выиграла первенство города, а через семь я вошел в сборную Казахстана. Я встретил своего учителя физкультуры на отборочных соревнованиях, он был судьей. Прodelав какие-то сложные упражнения на перекладине, я через сальто опустился на мат. Он узнал меня и весело подмигнул, когда никто не видел. Я участвовал во всесоюзных соревнованиях в составе сборной Казахстана, а через год — в первенстве Вооруженных сил. Мы любили пижонить — стояли на руках на столиках в ресторанах между тарелками и стаканами, на перилах лестниц и балконов, на заборах или на самом краю чего-нибудь, откуда упасть — значило наверняка свернуть себе шею. Тогда я не понимал смысла упражнений. Я принимал очередную позу и оставался в ней, пока не чувствовал неудобства. Я старался сосредоточиться только на упражнениях и дышал так, как советовали в книге с фотографиями и подробным описанием поз, ходившей в самиздате. Я обладал безграничным терпением, не ожидал никаких результатов в ближайшем будущем и получал от упражнений только великолепное самочувствие.

Одно время я совмещал учебу в институте с работой водолазом на спасательной станции. Там я располагал свободным временем и местом — в коридоре на втором этаже, где обычно и расстилал свой коврик. Когда на станции была нужна моя помощь, один из водолазов кричал снизу, сложив ладони рупором: «Йоххх!!» Если я в это время стоял на голове (я стоял по часу), нельзя было сразу

вставать на ноги, и я сходил по лестнице на четвереньках. Я шел, не поднимая головы, к своему водолазному снаряжению и продолжал собираться так в течение пяти минут. Иногда у нас были гости, — видя меня, идущего на четвереньках, они вопросительно смотрели на окружающих. Было широкое поле для шуток и невероятных объяснений.

Метод, предложенный хатха-йогой, — один из труднейших, но зато он предполагает всестороннюю психофизическую подготовку. Ученика, если он занимается без учителя, ждут сюрпризы: сверхволнение, перевозбуждение, страх неизвестных ощущений, экстатические и пугающие состояния, не встречающиеся в нормальной жизни. Спросить не у кого, нужных книг не найти, учителей нет, поделиться не с кем — все это ожидает ученика на первых порах. Но встреча с неизвестным предстоит только тем, кто начнет «сдвигаться на йоге», людей умеренных не ждут ни опасности, ни даже беспокойство, и, если не впадать в крайность, можно быть уверенным, что ничего неожиданного не случится.

Подготовительные упражнения включают асаны — статические позы, пранайаму — правильное дыхание и мудры — и то и другое, но на более высоком уровне. Несколько лет я посвятил только асанам и очищающим упражнениям. У меня были благоприятные дни, когда я мог заниматься по несколько часов в день, неблагоприятные — не более двух часов в день и самые благоприятные — до двенадцати часов в день.

Как-то мне пришлось пробыть некоторое время в Севастополе на корабле на территории военно-морской базы. Самое удобное место для упражнений я нашел на капитанском мостике. Но когда мне нужно было стоять на голове, мои ноги высывались за поручни. В то время по соседству был пришвартован какой-то военный корабль. Моряки, увидев мои ноги, торчащие из-за поручней, сначала терялись в догадках — что бы это могло означать, а потом решили нанести визит. Выяснив, в чем дело, они надумали использовать мои достижения с практической стороны: попросили пронести бутылку водки через проходную базы, что было строжайше запрещено. В проходной стояли две молодые мегеры. Они профессионально оглядывали с ног до головы всех подозрительных, и если у мужчины что-нибудь торчало сверх нормы, эти женщины не моргнув глазом начинали там ощупывать. Пронаблюдав с полчаса обстановку на проходной, я понял, что спрятать спиртное в складках одежды нельзя, и выбрал другой, единственно возможный путь. Я купил две бутылки водки, перед самой проходной втянул живот, вложил обе бутылки, задержал дыхание и появился в воротах с пропуском в руках. Мегеры остановили меня, не глядя на пропуск, и стали внимательно осматривать. Было лето. Я был одет в узкие брюки и обтягивающую безрукавку. Одна из них сказала: «По глазам вижу, что несешь, а где, понять не могу». У меня кончился воздух в легких, и обе бутылки выдавились из живота. Охранницы были так поражены, что даже не отняли ни водку, ни пропуск. После небольшой тренировки перед зеркалом я научился смотреть на проверяющих уже не вороватым, а открытым взглядом и перетаскал немало водки для военных моряков с соседних кораблей.

В одном источнике рекомендовалось начинать упражнения в негативной концентрации, не дожидаясь совершенства в дыхательных упражнениях. Негативная концентрация — это умение ни о чем не думать, постоянно следить за собой, чтобы в голове не было бестолковых мыслей столько времени, сколько этого хочешь. Я посвящал этому упражнению все время, когда ум был свободен: в транспорте, в очереди или в ожидании кого-нибудь.

К дыхательным упражнениям я приступил на пятый год тренировок, до этого я занимался подготовительными дыхательными упражнениями и много тренировался просто в задержке дыхания. Очищающее упражнение бхастрика сильно укрепило мои мышцы, водолазные погружения (две тысячи часов под водой) и плавание в море в любую погоду расправили мои легкие, и я с трепетом приступил ко второй ступени йоги. До сих пор я не встречал никаких аномальных явлений. Предостережения об опасности в асанах и очищающих упражнениях безусловно справедливы: я чуть не свернул шею, стоя на голове на качающейся палубе во время шторма. Из этого затруднения я нашел выход, вспомнив странствия Одиссея: попросил матросов привязывать меня к мачте вверх ногами, а через час отвязывать. Слишком усердствуя в асанах, я растягивал мышцы и жилы. Однажды я чуть не задохнулся, выполняя довольно сложное очищающее упражнение: бинт длиной в шесть метров застрял у меня комком в пищеводе, когда я тянул его из желудка, пришлось тащить его силой, и он перекрыв горло. Позже я проходил обследование в одной из московских больниц, чтобы

принять участие в экспериментах с подводным домом. Медсестра по очереди подходила к больным и помогала заглатывать резиновый зонд. С непривычки это довольно мучительная процедура. Пока она возилась с другими, я быстро проглотил свой.

— У тебя больной желудок? — удивилась медсестра.

— Нет.

— Где же ты научился так лихо глотать зонд?

В йоге есть интересные упражнения для глаз: смотреть в одну светящуюся точку, не мигая, и смотреть на солнце во время восхода или заката. При первом упражнении у меня лопался кровеносный сосуд в глазу от напряжения, а при втором темное пятно закрывало все предметы, и я мог видеть только боковым зрением, быстро поворачивая голову. Были и другие неприятности. Переболев, я неизменно возвращался к тренировкам.

Почти все источники не рекомендуют приступать к интенсивным дыхательным упражнениям без учителя, в противном случае сулят галлюцинации, психические отклонения, помешательство и другие напасти. Эти предостережения сыграли для меня большую роль. Если бы не обещания всех этих интригующих напастей, моего терпения просто не хватило бы и я бы бросил эти занятия. Дыхательные упражнения я выполнял особенно тщательно, отсчитывая ритм ударами сердца, как и полагалось. Каждый раз, начиная упражнения, я молил Учителей там, на небе, чтобы они послали мне хоть малюсенькую галлюцинацию или легкое умопомрачение в награду за усердие. Я сумел пройти самую трудную стадию в дыхании только благодаря своему крайнему любопытству к галлюцинациям и помешательству.

Один случай помог мне продвинуться в попеременном дыхании. Нужно было закрывать то одну, то другую ноздрю большим или средним пальцем, а указательный держать на переносице. Это упражнение я выполнял в боевом танке, приспособленном для гидрологической экспедиции на озере Байкал. Танк швыряло во все стороны на торосах, а мороз был ниже сорока градусов. Конструкторы не запланировали отопления внутри танка (а может, его предполагали использовать в тропиках?), было очень холодно, мы сидели в медвежьих шубах и валенках, а мой указательный палец никак не попадал даже на кончик носа. На озере лед большей частью ровный, а тут мы въехали в поле торосов. Я попробовал обходиться без пальцев, и вдруг у меня стало получаться. Это очень важное упражнение, служащее отправной точкой для других, более интересных.

Дыхательные упражнения лучше выполнять в позе падмасана или, что чуть хуже, в сидхасана. Чтобы выполнить позу падмасана, мне понадобилось пару лет и еще столько же, чтобы находиться в ней без напряжения не менее получаса. Сидхасана служила позой отдыха, чтобы потом опять возвращаться к падмасане. Примерно на девятый год я стал приближаться к главному дыхательному упражнению — незаметному дыханию. Концентрация возможна только на базе этого дыхания. Нужно научиться переводить маятниковое дыхание (вдох-выдох) в вибрационное, в котором легкие остаются неподвижны или почти неподвижны и участвуют в дыхании наравне со всем телом. (Не путать с поверхностным дыханием.) При правильно выбранном ритме дыхания можно постепенно стирать границу между вдохом и выдохом. Тело находится в вибрационном режиме, и в той части тела, с которой начинается вдох, вибрации более заметны. Если вы начинаете вдох с пальцев ног и постепенно ведете вдоль всей ноги до самого бедра, то там, где находится сознание, там и чувствуются вибрации. Легче всего они ощущаются в руках и ногах или сразу во всем теле. Гораздо труднее осваивать вибрации в позвоночнике и во внутренних органах — нужно научиться не только доставать все точки тела, но и утончать вибрации. Это долгая и кропотливая работа третьей ступени йоги, называемая «прана-йама», от слова «прана» — энергия космоса, которой пропитано все живое. Если трясутся руки или все тело от холода, страха или вожделения, то это я назвал бы дрожью, чтобы не путать с вибрациями. Когда немного освоишь технику вибрационного дыхания, то довольно легко жужжать всем телом, как шмель, или жужжать в такт мелодии. На этом уровне вы освоили самые грубые вибрации, а главная работа впереди.

Все, что я делал до этого, можно назвать гимнастикой, акробатикой, диетой, но только не йогой. С этого момента начинается самая трудная, самая опасная, с точки зрения учителей, но и самая интересная часть. Нужно добиваться утончения вибраций и держать йоговскую форму так же, как спортивную, потому что без практики она теряется, но зато и быстро возвращается, если снова

начинаешь заниматься. Я провел один эксперимент в бассейне. Надев пояс с грузами, я ложился на край бассейна, приводил тело в вибрационный режим, затем, соскользнув осторожно в воду, ложился на дно и продолжал дышать в этом режиме. Я легко выдерживал четыре минуты, думаю, что, потренировавшись, мог был довести время под водой до пятнадцати минут. Никакой разницы нет, но нужна длительная тренировка. Чем тоньше вибрации и глубже расслабление, тем дольше можно находиться под водой.

Упражнения в утончении вибраций требуют аскетизма. Чтобы удерживать форму, нужно продолжать выполнять асаны, очищающие упражнения и сидеть на строгой диете, перемежая ее полными голоданиями по десять-двенадцать дней. И само собой, нужно учиться расслабляться все глубже и глубже. Утончение вибраций и расслабление, может быть, даже и есть один и тот же процесс, один шаг в расслаблении тут же ведет к утончению. Кофе и алкоголь, как я заметил по опыту, вызывают заметное огрубление вибраций. Я не пробовал никаких наркотиков, кроме марихуаны, не знаю, как влияют другие, но курение марихуаны необыкновенно глубоко утончает вибрации, недаром какой-то учитель предложил своим ученикам один раз попробовать покурить марихуану, чтобы прочувствовать, чего нужно добиваться с помощью упражнений йоги.

Примерно в это же время я первый раз столкнулся с паранормальным явлением.

Я жил на острове Ольхон, уединенно в лесу, в избушке, в стороне от поселка. Я работал на местной метеостанции инженером-гидрологом. Мои обязанности были несложными — собирать информацию с тринадцати метеостанций, разбросанных у северной части озера Байкал.

Люди жили в первобытных условиях, по две-три семьи на каждой станции. Вместо того чтобы проводить научные наблюдения, они предпочитали нарубить дров в лесу, растопить печь и сварить суп хотя бы один раз в день. Летом было трудно добывать воду ведром из-за штормов, а зимой нужно было долбить лед в полтора метра толщиной. Мужья сами принимали роды у жен. Болели редко, наверное потому, что в сотне километров не было ни одного доктора. Ближайшая больница была на острове Ольхон в нашем поселке. А в Иркутске, в центре информации, ученые-метеорологи ломали головы над мистикой цифр, делали феноменальные открытия, а потом, одумавшись, посылали запрос ко мне, чтобы я пробрался на станцию (по суше дорог не было, а морем или через лед добираться очень трудно) и еще раз проверил все наблюдения на месте. Я пытался обучить своих сотрудников прогнозировать данные, но их головы были так забиты дровами, детьми, стиркой, починкой, ревностью и еще бог знает чем, что я предпочел сам получать от них цифры, проверять и посылать их в научный центр. Чтобы хорошо справиться с этой работой, достаточно было уметь считать до десяти. Мой ум был свободен, что очень важно для практики йоги, моему уединению никто не мешал. Я вставал в пять утра и выполнял упражнения до восьми тридцати. С девяти до пяти я должен был сидеть за рабочим столом, где заодно занимался дыхательными упражнениями. С пяти тридцати до девяти я снова упражнялся дома, в девять ложился спать, еще час тренировался в вибрационном дыхании во время глубокого расслабления и примерно в десять засыпал. Спал я на медвежьей шубе, расстеленной на полу, — в избушке у меня ничего не было, кроме этой шубы и двух чемоданов.

На этот раз я обратил внимание, что ветер усиливается и провода за стеной гудят иначе — по гудению проводов я определял силу ветра. Провода уже не гудели, а как-то пели, словно струны гитары. Лежа, я вошел в вибрационный ритм дыхания и непроизвольно вслушивался в пение проводов, а затем стал жужжать всем телом в такт этому звучанию. Вдруг со мной стало происходить что-то непонятное. Пение проводов вызвало в голове тончайшие вибрации, казалось, что вибрирует каждая клетка. В следующее мгновение вибрации устремились вниз через шею и захватили все тело чуть-чуть грубее, чем в голове. Через несколько секунд вибрации тела стали все более утончаться и на самой верхней ноте прекратились. Какая-то могучая сила бросила меня вверх, и пол подо мной исчез. Я оказался в полной невесомости. Меня охватил ужас, во мне появилось огромное сопротивление этому неизвестному состоянию. Если бы не страх и не это отчаянное сопротивление, я бы испытывал только наслаждение. Все началось так внезапно, что я не успел понять, что случилось. В это время в теле снова появились тончайшие вибрации, они стали грубеть, затем через шею поднялись к голове и, меняя частоту, исчезли — в это мгновение я плавно приземлился, подо мной появился пол.

Идиот! Трус! Это же левитация! В крайнем возбуждении я всю ночь ходил из угла в угол по комнате, вспоминая тончайшие оттенки этого состояния и кляня себя за упущенную возможность

побыть в нем подольше.

Приступая к дыхательным упражнениям, я ничего толком о них не знал. Один автор упомянул вскользь — пусть дыхательные упражнения рассказывают сами о себе. Я думаю, что когда я глубоко погрузился в вибрационное дыхание, произошел резонанс: более тонкие вибрации проводов наложились на мои более грубые, и это привело к такому захватывающему состоянию. Мне нужно было бы очень много работать над собой, прежде чем я добился сам такого эффекта.

Тут же на Байкале я страшно увлекся другим феноменом — ночными полетами во сне. Многие говорили мне, что летают во сне, но на вопросы о подробностях я ни разу толком не добился ответа. Мне же пришлось учиться летать самому. Однажды мне приснилось, что я карабкаюсь по отвесной скале вверх и вижу, к своему ужасу, что уступов становится все меньше и цепляться совсем не за что. И тут я осознаю, что уже должен сорваться в пропасть, но какая-то сила поддерживает меня. Оказалось, что я могу лететь, а скала нужна мне, скорее, как психологическая опора.

Я очень хотел, чтобы это состояние невесомости появилось и на следующую ночь. Переход ко сну обычно осуществляется через поверхностные грубые вибрации где-то в области головы и шеи, и, если начинаются обычные сновидения, это чаще полубессознательное состояние. На этот раз во сне я оказался в какой-то незнакомой местности и очень скоро почувствовал, как другие, более тонкие вибрации прошли через мое, но уже не физическое, а более тонкое тело, в котором я находился. Ко мне вернулось сознание. Я знал, что мое физическое тело спит себе спокойно в своей избушке, а я нахожусь невесть где, но неразрывно связан со своим телом. Я попытался взлететь, но на высоте больше пяти метров стал трусить. Как только теряется уверенность, непроизвольно спускаешься к земле, как на парашюте. Тогда я стал разбегаться и взлетать, снижаться и снова взлетать все выше и выше. Гораздо позже я прочитал о существовании инфраастрального и астрального тел, здесь же я хочу вспомнить свои личные ощущения, не пользуясь чужой терминологией. Тогда я только начал познавать неизвестные состояния и еще ничего не знал про другие тела из личного опыта.

Вначале во время полетов я пытался помогать себе руками, но потом понял, что это ничего не дает, — полетом управляет только мысль. Почти каждую ночь я продолжал учиться летать. Если ко мне не приходило это состояние, я считал ночь потерянной. Я включал в свои упражнения все то, что, по моим ожиданиям, могло помочь полетам. Я где-то читал, что шаманы, чтобы войти в состояние транса, выполняли телодвижения, похожие на дикую пляску. Перед тем как лечь спать, я бегал по пересеченной местности до изнеможения, а потом пускался в пляс в своей избушке. И еще одно важное упражнение я выполнял каждый день после работы. У самого озера была высокая скала Шаман-камень. Я поднимался на самую вершину, садился на край уступа и в течение часа отрабатывал мысленные падения вниз. Я представлял себе, что срываюсь и падаю снова и снова, чтобы испытать реальность ощущения падения. Оба эти упражнения мне очень помогли. Постепенно дни потеряли для меня всякий интерес и были нужны только для отработки упражнений. Я старался ни с кем не встречаться и не разговаривать, не читал ни книг, ни газет, не ходил в кино и ни на что не отвлекался. Месяца четыре с начала полетов я вообще не помню, вероятно, я жил в полубессознательном состоянии. Но зато какие у меня были ночи! Я стал раньше ложиться спать, чтобы укоротить дни, и стоило мне лечь на мою медвежью шубу, как почти в следующее мгновение я с наслаждением чувствовал тонкие вибрации — и мое сознание возвращалось ко мне в другой реальности. Тогда я не знал, что можно было управлять полетами во времени и пространстве с помощью еще более сложных упражнений, и поэтому попадал неизвестно куда. Я не любил больших городов и пролетал высоко над ними, но предпочитал низко парить над маленькими селениями. Помню, я летел над базарной площадью какого-то восточного города. Пожилая женщина несла плетеную корзину в одной руке и узел в другой. Вдруг она подняла голову и, увидев меня над собой, выронила свои вещи от изумления и села на землю. Прохожие стали смотреть вверх и заметили меня, мне пришлось улететь. До этого я почему-то думал, что невидим. В другом месте я хотел понаблюдать за людьми, сидевшими за праздничным столом в саду. Я завис над ними, но меня тут же заметили, и я улетел. Раз на меня залаяла собака, когда я собирался рассмотреть цветочную клумбу на роскошной вилле. Как-то днем после ночных полетов я хотел вспомнить подробнее вид одного старинного города, но кроме остроконечных крыш так ничего и не припомнил. Я видел столько крыш!

Однажды мне приснился дворец, обращенный полукружьем к морскому заливу. Я бродил ночью

по длинному балкону второго этажа. Светила луна. Я почувствовал, что могу летать, и бесшумно поднялся высоко в воздух. Мне захотелось полетать над заливом, над его серебристой поверхностью. Я стал снижаться, пока не коснулся воды. Никакого сопротивления не было, ни брызг, ни волнения. Поверхность воды оставалась такой же ровной. Я опустил еще ниже и очутился наполовину в воздухе, наполовину в воде — скорость полета не уменьшалась. Тогда я погрузился в воду и стал носиться по ней, как дельфин. После этой первой попытки каждый раз, когда я мог летать во сне и оказывался над водой, я снижался и плавал там, как рыба, — у дна, у отвесных стен и на мелководье среди небольших рыбных стай.

Как-то мне приснилось, что я в тюрьме. Я находился в тюремном дворе среди заключенных в полосатой одежде. Вдруг я понял, что могу летать. Я не подал виду, кругом была стража, это было опасно, и стал всматриваться вверх, туда, где между крышей и высоким забором могли быть просветы. Я разглядел что-то похожее на лаз, быстро взлетел вверх, протиснулся сквозь отверстие и вылетел на свободу.

Помню, как я был в замке на пиру. Гости сидели за столом в большом зале. Я увел какую-то девушку в укромный угол и только успел обнять ее, как почувствовал знакомые вибрации. Я оставил ее и взлетел под самую крышу, но все окна наверху были закрыты. Зал освещался свечами, множество подсвечников стояло на столах. Меня заметили, и мне ничего не оставалось, как поспешно вылететь через высокие кованые двери.

У меня сохранилось много прекрасных воспоминаний о ночных путешествиях. Но потом ко мне приехала в гости двоюродная сестра с подругой, и мне на целый месяц пришлось переключиться на дневную жизнь. Я продолжал летать, но далеко не каждую ночь, и потерял форму.

После отъезда девушек я вернулся к своим упражнениям.

Когда я стал активно выполнять все известные мне упражнения для утончения вибраций, начались те явления, от которых предостерегали источники, особенно когда я приступил к работе с позвоночником. Возникали новые, незнакомые состояния. При длительном, установившемся вибрационном дыхании появляется чувство легкого экстаза, но как только оно переходит за черту ранее испытанного, тут же рождаются страх и сопротивление. У меня не хватало смелости сломя голову броситься в неизвестные состояния. Бессознательная реакция тела — немедленно прекратить и вернуться к нормальным ощущениям. Все это напоминает игру с огнем, но только огонь не жжет, а вызывает наслаждение, чем ближе к нему приближаешься. Прежде чем мне удалось испытать сильные экстатические состояния, мне пришлось пройти через переживания, похожие на жуть первого прыжка с парашютом. Когда появлялись странные, неизвестные, захватывающие ощущения, я тут же прекращал занятия. Но однажды я, расхрабрившись, позволил себе сделать лишний шаг в неизвестность — и попался. Я сидел в полубессознательном состоянии уже давно и оказался во дворе дома в Семипалатинске, где провел свое детство. Вдруг вокруг меня образовался вихрь, он вошел в мое тело, какая-то могучая сила оторвала меня от земли и понесла вверх. Состояние вышло из-под контроля — непереносимое наслаждение с леденящим страхом я уже не мог остановить. Я вопил от ужаса и сопротивлялся изо всех сил, пока, наконец, мне удалось вырваться. Я очнулся на своем коврике целый и невредимый и тут же пожалел — нужно было остаться в этом состоянии до его естественного конца. Недели две я боялся приближаться к опасным границам. Много позже я нашел описание подобного состояния под названием «джудди-самадхи».

Меня очень интересовали всякие помешательства. Я беседовал с сумасшедшими и шизофрениками, пытаюсь понять, что это такое. Из своего личного опыта я вынес, что шизофрения — это принятие одной точки зрения или следование одним и тем же убеждениям. Самое интересное время для меня было, когда попадалась новая точка зрения. Я принимал ее на вооружение и рассматривал мир под ее углом, делая для себя много полезных наблюдений. Благодаря всем этим умственным упражнениям, у меня улучшилась способность к концентрации. Тогда я не знал, как это может пригодиться в будущем.

Примерно на десятый год практики йоги я стал все больше подумывать о трех высших степенях концентрации: пятой — концентрации, шестой — созерцании, седьмой — самадхи.

Приступить к концентрации помог мне случай. Я заканчивал вечернее отделение Ленинградского педагогического института имени Герцена по социальной психологии. Темы, которые предлагались

для дипломной работы, были «Карл Маркс и...», «Ленин и...», «Роль коммунистической партии в...» — словом, самые тошнотворные. Одна тема меня привлекла: «Психология творчества». Я хотел не только подобрать материал, но и написать что-нибудь от себя. Моей настольной книгой в то время была «Терциум органум, или ключ к загадкам мира» П. Д. Успенского, ученика Гурджиева. Я давно изучил ее вдоль и поперек. В ней было немало философских вопросов, которые могли стать темой для концентрации. В одной из книг по йоге рекомендовалось выбрать какую-нибудь одну идею и сходить на ней с ума днем и ночью, пока она не будет разрешена. Я так и сделал. Сейчас уже не помню, какую идею Успенского я выбрал для концентрации, это и неважно, помню только, что эта идея содержала противоположность и в этом была ее неразрешимость.

Приступая к концентрации, я следовал указаниям всех известных мне источников, хотя некоторые из них советовали прямо противоположное тому, что советовали другие.

Я не мог выполнять концентрацию по несколько часов в день, сидя в позе падмасана на коврике лицом к востоку. Нужно было ходить на работу и заниматься всякими хозяйственными делами. В то время я в составе группы подводных исследователей работал в проектно-институте. Работа была несложной. Мы состояли консультантами и дожидались своего часа — когда для нас будут спроектированы, построены и спущены на воду подводные аппараты.

Первые две-три недели было невыносимо возвращаться снова и снова к одной и той же идее. Я часто отвлекался, постоянно ловя себя на том, что непроизвольно думаю о другом. В конце следующего месяца эта идея уже не действовала на меня, как зубная боль, и я привык к ней. Я засыпал, держа ее в сознании и, просыпаясь, хватался за нее раньше, чем за зубную щетку. Я не ожидал быстрых результатов, приготовил себя к длительной работе и решил запастись безграничным терпением — или свихнусь, или доведу работу до конца. Меня по-прежнему отвлекал поток беспорядочных мыслей, но возвращаться к предмету концентрации стало легче. Но вскоре все неожиданно изменилось.

В литературе о йоге информация о концентрации самая противоречивая, но нигде не говорится, что это легко. Опираясь на свой личный опыт, я бы условно разделил весь путь концентрации на три этапа. На первом — ум напоминает скаковую лошадь, которую нужно объездить. Этот этап самый трудный. Главная сложность не в том, что лошадь бесконечно сбрасывает всадника, а в том, что всадник в один прекрасный день скажет себе: «Зачем мне это нужно? Эта дорога никуда не ведет». Чтобы пройти этот этап, нужны вера и фанатизм. Второй этап очень интересный. Когда лошадь объезжена и всадник научился управлять ею, то он обязательно поедет не туда. Второй этап — это путь соблазнов: если вы поэт, вам будут приходить в голову такие прекрасные стихи, что вы, конечно, схватитесь за перо, если ученый — гениальные мысли, если художник — изумительные картины и так далее. Как будто дьявол-искуситель, зная вас очень хорошо, подбрасывает вам самые интересные идеи, самые любимые мелодии, видения, стихи — только бы вы свернули с намеченного пути. Третий этап самый короткий и относительно легкий — до цели осталось совсем немного, нужно только чуточку терпения.

Все началось с того, что мне пришла в голову интересная идея, и я так увлекся ею, что даже забыл про концентрацию. Я размышлял над ней дня два, пока она не была исчерпана, и потом дал себе слово больше не отвлекаться.

Несколько дней я честно удерживал предмет концентрации в сознании, но потом снова пришла очень интересная мысль, и я не мог отказаться от нее. «Только ненадолго», — сказал я себе. Я начисто забыл о концентрации, и прошло несколько дней, прежде чем я с сожалением оставил эту новую мысль и вернулся к своей основной зубрежке. Я убедил себя, что так дело не пойдет, я должен не сходить с задуманного пути. Дальше все пошло наперекосяк. Помню только, что наступило лето, но я его не заметил. Мне приходили в голову гениальные, как я считал, идеи, ответы на когда-то заданные и неразрешенные вопросы, прояснялись туманные места в прочитанных книгах. Мысли, которые, казалось, я вполне понял, вдруг обретали новый, более глубокий смысл. Снова возникло множество философских проблем — противоположности стали сближаться, а то, что казалось одинаковым, обнаружило различия. Я постоянно боролся с собой, то возвращаясь к концентрации, то по уши увлекаясь. Иногда я говорил: «Хватит! Я буду заниматься только концентрацией!» — но мне подбрасывали такое, что я никак не мог устоять.

Помню, как в одной из экспедиций на Черном море мы вернулись на берег после водолазных работ и увидели, что наш кинооператор Игорь сидит с закрытыми глазами и твердит одну и ту же фразу: «Я буду верен своей жене! Я буду верен своей жене!» Его окружали три хорошенькие девушки: одна сидела на одном колене, другая на другом, а третья стояла за спиной — все три его нежно ласкали. Примерно то же самое было со мной.

Я будто все время читал захватывающие книги, написанные специально для меня. Я продолжал ходить на работу и автоматически выполнять свои обязанности, но моя голова была занята. Для себя я был самым интересным человеком: и учителем, и учеником, и собеседником. Довольно трудно было добираться до нужного места на общественном транспорте. Я садился в трамвай или в автобус и... обнаруживал себя частенько на конечной остановке, когда водитель тряс меня за плечо и спрашивал: «Молодой человек, мы приехали, куда вам надо?» Я ехал в обратную сторону и иногда снова оказывался на конечной остановке. Знакомых я не узнавал и в то время почти ни с кем не общался. Хорошо, что на меня не обижались, а только слегка подсмеивались. Говорили, что разговаривать со мной бесполезно, я все равно ничего не слышал и смотрел сквозь собеседника. Иногда я вспоминал, что у меня есть жена — она высвечивалась ненадолго в сознании, и, если она занималась чем-нибудь своим, я отключался. То же самое и на работе: в течение дня возникал то один, то другой эпизод, какие-то люди, знакомые и незнакомые, а все остальное тонуло во мраке. Времени я совсем не ощущал. Казалось, только что пришел на работу, смотрю, а все уже идут домой. Раньше я ненавидел собрания, а в то лето я их даже полюбил. Я приходил в зал первым, занимал место в последнем ряду, скрещивал ноги на стуле и погружался в концентрацию. Я сидел обычно неподвижно, с прямым позвоночником и открытыми, но ничего не видящими глазами. Правда, было немного неловко, когда потом я находил себя в пустом зале или кто-нибудь из знакомых тряс меня за плечо и говорил: «Собрание-то еще вчера кончилось».

Я бы променял, конечно, это наваждение на конечную цель — жить было так интересно, но во мне выиграло упрямство и любопытство: «А что же тогда в конце пути? Что это за золотое руно, так оберегаемое?» Я вдруг понял, что все эти искушения кто-то как будто специально подбрасывает мне, чтобы отвлечь и не допустить меня к конечной цели. Я вспомнил из мифологии: идти, не оглядываясь и не отвлекаясь. Я вернулся к концентрации и твердо решил выстоять.

Мысли, идеи, откровения по-прежнему кружили мне голову, но теперь я старался только запомнить их, чтобы вернуться потом и насладиться ими. Как будто я был в редкой библиотеке и смотрел на ряды книг с заманчивыми названиями. «Нет, — говорил я себе. — Я прочту это потом».

В концентрации ум не должен участвовать. Это должен быть тупой процесс. Все внимание направлено на объект до тех пор, пока он не откроет своей тайны. Если появляются мысли в связи с объектом концентрации, то получается размазня — размышление на тему, а не концентрация. Мысли, приходившие ко мне, никак не относились к той идее, на которой я удерживал внимание.

Новые соблазны стали уводить меня прочь. На этот раз черт испытывал меня эмоциональными искушениями, и я конечно не устоял. Мне показывали изумительные картины, читали чудные стихи, меня завораживали сладкие мелодии, смуглые красавицы исполняли для меня невиданные танцы, а на душе был полный покой и умиротворение.

Внешний мир стал высвечиваться еще реже, к счастью, я взял отпуск и только временами со страхом спрашивал, какое сегодня число. Иногда я всматривался в лицо своей жены, но она вела себя так, будто ничего не происходит. Я отметил, что жена еще не ушла от меня и даже не устроила скандала. Я пытался записывать стихи и запоминать мелодии, но, как только я фокусировался на этом, то терял свое состояние — все равно, как выбегать в фойе во время захватывающего фильма, пытаться что-то записать и снова возвращаться. Все это новое, поступавшее в сознание, приходило извне, не из моей памяти. Стихи читаются непрерывно, запомнить можно только ритм и не больше четырех строк, а за это время пропускаешь другие. Если бы я мог записывать мелодии нотами, а стихи стенографировать...

Не помню, сколько времени так продолжалось, но в один прекрасный день я начал бороться с собой, чтобы вернуться на праведный путь. Я цеплялся за свою идею, как утопающий за соломинку, и повторял только: «Свят, свят, свят». Искушения как будто отодвинулись и теперь лишь издалека, как сирены, манили призывным пением.

В концентрации у меня обозначился прогресс. У моей идеи, говоря образно, появилась некая тень-чувство.

Постепенно концентрироваться стало даже как-то интересно. Теперь, если бы я и захотел отделаться от этого процесса, мне бы потребовались усилия. Непроизвольно я направил все внимание не на идею, а на эту тень. Как сейчас помню, прошло всего несколько дней и... пришло это.

Был вечер. Я собирался лечь спать. Когда я оказался в постели и расслабился, перейдя на вибрационное дыхание, то почувствовал, как со мной стало происходить нечто, чего я никогда не испытывал прежде. Сознание стало расширяться, не теряя объекта концентрации, и стало таким четким, каким оно никогда не было. Я потерял все ощущения тела. Вокруг меня образовался круговорот, я попробовал сопротивляться этому состоянию, но было уже поздно. Меня стало засасывать как бы в большую воздушную воронку, и я полетел через темный туннель в другую реальность. Мне было страшновато, но не очень, я уже начал привыкать к неизвестным состояниям. Все движение произошло в глубине моего существа, где оказалось огромное пространство. В этой другой реальности мое «я» было иным, я мог видеть вещи сразу со всех сторон и изнутри. Моя идея, которую я тщетно пытался понять, предстала передо мною во всей своей простоте. Момент созерцания сопровождался экстазом могучей силы — это восхищение, потрясение, радость познания, любование красотой увиденного, возведенные в степень! Описать это невозможно, я не могу найти слов. Как будто передо мной отодвинули завесу неба, и я увидел такие тайны! Сначала я думал, что присутствую при этом процессе в качестве случайного зрителя, скажем, созерцаю идею как Ниагарский водопад, но когда у меня в сознании появился невольный вопрос и вся картина одним гигантским движением перестроилась так, чтобы я мог понять с абсолютной ясностью все интересующие меня аспекты, я понял, что весь этот могучий процесс объяснения происходит для меня лично и что я могу спрашивать сколько хочу малейшим движением воли. Мое сознание не фокусировалось в какой-нибудь одной точке и не перемещалось, чтобы увидеть объект с другой позиции, оно было одновременно везде и видело объект сразу со всех сторон и изнутри, так что объект и субъект были одно.

Образно можно было бы дать понятие об этом в таком роде. Если бы я первый раз в жизни увидел океанский лайнер далеко в море и спросил бы себя «Что это?», я бы сформулировал идею этого «нечто» как «Что-то большое на воде. Двигается самостоятельно. Не тонет». И взял бы эту идею в качестве предмета концентрации. Это «нечто» все равно мне неизвестно. Поэтому я тупо удерживаю его в сознании с подтекстом «Что это?» И только помню, что «это» не тонет, большое, движется. Если бы я дошел до конца концентрации, как я сделал со своей идеей, то увидел бы лайнер одновременно со всех точек зрения и изнутри и понял бы мгновенно, как работают все его системы — электронные, водные, механические, видел бы одновременно его каюты и помещения, словом, узнал бы о лайнере все, что знает команда, и еще много больше. У меня не осталось бы ни единого вопроса.

Это созерцание лайнера сопровождалось бы экстазом — радостью познания, восхищением, изумлением.

Прежде чем я нашел себя в постели, с тем моим «я» произошло вот что. Мое сознание стало одеваться как бы низшими оболочками и затем было засунуто в физическое тело. Образно говоря, это как если бы меня ударили доской по голове, потом закутали в одеяло и обмакнули в смолу, потом опустили бы в бочку, бочку закрыли наглухо, закатали в ковер и так далее и тому подобное. Или иначе. Я был, скажем для примера, гусеницей, меня превратили в человека и показали мир, а после этого, путем превращений по нисходящей линии, вернули к сознанию гусеницы.

Я вскочил с постели и стал ходить по комнате. С момента, когда я лег спать, прошло не больше пяти — десяти минут. Я задавал себе один и тот же вопрос: «Что было со мной?» Моя идея, предмет моей концентрации, стала ясна мне до простоты. Я решил, что нашел новый метод познания мира. Я взял карандаш и стал лихорадочно записывать. Потом прочел. Мне все понятно, но если прочесть чужими глазами — ничего.

Много позже я стал рыться во всех доступных библиотеках. Я искал описания религиозных экстазов и личных впечатлений отшельников и адептов йоги. Я нашел очень мало, а о самом самадхи не более пяти строчек. Теперь я понимаю, почему это так. Попробовал бы кто-нибудь описать

инопланетянам огонь или воду, небо, облака или цветы. Как будет воспринимать описание творческого вдохновения человек, никогда его не знавший, описание влюбленности — сам ее не испытывший или описание полового экстаза — евнух с детства?

Самадхи — это творческое вдохновение высочайшей интенсивности, завораживающее красотой увиденного и понятого, сопровождаемое глубоким и продолжительным экстазом. Это экспериментальный метод познания реального мира и человеческой природы. Медитация и самадхи в хатха-йоге — фактически один и тот же процесс. Словом «медитация» пользуются для обозначения разных явлений, например медитация Кришнамурти — нечто другое. Медитацией в хатха-йоге называют более глубокую концентрацию, когда предмет концентрации «заговорит сам». В этом случае медитация — процесс созерцания всех аспектов предмета до полного понимания, а удивление, восхищение, радость — всю его эмоциональную часть называют самадхи, или самади. Как только понимание достигнуто, сознание самопроизвольно возвращается к своему первоначальному состоянию — человеческому сознанию.

Самадхи — не отдых, это напряжение всех сил, после него устаешь так, что хочется заснуть мертвым сном. Это крайнее возбуждение всей нервной системы, полная потеря земного, низшего сознания и отключение от внешнего мира. Как правило, человек возвращается в обычный мир эмоционально перевозбужденным, что может вызвать психические отклонения или даже разрыв сердца. Все подготовительные ступени, видимо, существуют, чтобы должным образом закалить тело и дух. Сразу после самадхи уснуть невозможно. Как можно спать после только что сделанного открытия? Никогда не виденного прежде! Никогда не испытанного ранее!

С того самого дня и в течение целого месяца состояния самадхи стали повторяться снова и снова. Я совсем ошалел от перевозбуждения на первых порах, но потом постепенно привык к ним и принял их как необыкновенный подарок судьбы.

При следующих попытках у меня возникли трудности — оказалось, не так просто сформулировать вопрос. На глупые и поспешные вопросы не отвечают. Постановка задачи — полдела, если концентрация не получается, приходится пересматривать вопрос.

Я сосредотачивался на идеях, которые хотел понять, и если правильно формулировал задачу, впадал в самадхи, где получал все объяснения с исчерпывающей ясностью. Не менее загадочным для меня оказался сам метод, который всегда начинался с концентрации под контролем нормального сознания, но в какой-то момент на меня обрушивалась лавина перестройки сознания из низшего, обладающего одной точкой зрения, в высшее, без противоположностей и не имеющее фиксированной точки зрения. Момент перехода я никак не мог ухватить, все происходило в быстрой последовательности: сначала отбрасывалось тело со всеми его чувствами, сознание как бы освобождалось от невидимых материальных оболочек, на каждом уровне наступала все большая ясность, пока сознание не вырывалось на свободу в какое-то гигантское бесконечное пространство. В это время наступал неопиcуемый экстаз от созерцания — видения, понимания и ощущения того, что это реальность.

Позже я заметил, что самадхи зависит от глубины идеи или поставленного вопроса. Однажды я захотел узнать нечто, лежащее очень далеко за пределами понимания нормального сознания. Сначала был процесс медитации, как бы подготовки к восприятию конечной истины. Низшие оболочки сбрасывались постепенно, и на каждом этапе было частичное объяснение, сопровождаемое чувством восхищения и понимания. В самом конце медитации я испытал сильнейший из экстазов с исчерпывающим пониманием идеи. Возвращение к нормальному сознанию было дольше, чем обычно. То ясное и незамутненное сознание прошло через несколько уровней искажения и замутнения, пока я наконец открыл глаза в своем нормальном мире. Понимание осталось со мной, но на свой уровень сознания я не вынес ничего, что можно было бы хоть как-то записать даже для самого себя. Гораздо больше меня потрясло другое, совсем не глубокое самадхи. Суть вопроса была где-то совсем близко, экстаз был слабым. Я понял, какие неопределимые возможности могут открыться передо мной для практического применения. До этого все мои вопросы были из области метафизики. Я попытался сформулировать какой-нибудь технический вопрос, но по своей природе я гуманитарий, мне чужды все виды техники, особенно то, что крутится и издает шум.

На первых порах важно иметь хоть какое-то расположение к предмету концентрации. Сильная

эмоциональная поддержка, жгучий интерес, а еще лучше любовь и страсть несут сознание к самадхи как на крыльях. Я не смог попробовать себя ни на чем, что дало бы реальный результат.

Одно мое наблюдение облегчило постановку задачи и концентрацию. Оказалось, что если можно представить объект в антиномиях и концентрироваться одновременно на обеих противоположностях, получается стереоскопический эффект, весь процесс происходит быстрее и успешнее и заканчивается созерцанием до полного понимания.

Меня давно интересовала идея бесконечности. После нескольких дней напрасной концентрации мне удалось сформулировать вопрос так, что передо мной оказались два полюса одной идеи: точка и ничто, или бесконечно малая и бесконечно большая величины. Я удерживал в поле зрения обе эти величины так, как я бы смотрел в окуляры стереоскопа на два аэрофотоснимка, каждый из которых сам по себе ничего не говорит. В один момент, когда я сидел в позе сидхасана и полностью расслабился, со мной случилось что-то страшное. На меня налетел ураган, отбросил тело, и мое «я» стало расползаться в пространстве с огромной скоростью. Это было леденящее кровь самадхи. Я разлетался во все стороны на миллионы световых лет. Огромным усилием воли я остановил это движение, оно направилось назад и продолжалось столько же времени, до тех пор пока я не стянулся в точку.

Я ощутил и осознал бесконечность! Я был уверен, что если бы не остановил это движение, оно продолжалось бы вечно! Я навсегда запомнил ощущение этого космического ужаса.

Однажды у меня был очень интересный эксперимент. Не помню точно, как я сформулировал проблему, но когда я оказался в самадхи, то созерцал одновременно все точки зрения на мир как отдельные философии. Я увидел три точки зрения, о которых не знал раньше. Я разыскал их потом в учебнике по истории философии.

Чем серьезнее идеи концентрации, тем глубже проваливается сознание к ее сути, освободившись от всех оболочек, экстаз сильнее и полнее, а возвращение в тело занимает больше времени — как я уже сказал, чистое, ничем не замутненное сознание дольше заворачивают в пеленки, замутняют, перекашивают, искажают. Путь туда намного быстрее, чем обратно. Понимание скорее переходит в ощущение, а о том, чтобы передать его другим, вообще не может быть и речи — нет слов, нет понятий, нет аналогий в человеческом языке.

Самадхи дает понимание глубинных процессов, тени которых мы видим и ощущаем как реальный мир.

На более простые вопросы ответ может прийти в виде интуитивной догадки, без потери сознания. Потерей сознания я называю утрату способности объяснить происходящее человеческими категориями.

Там, в глубине, нет никаких противоположностей, а есть только единство. Нет точек зрения, сознание присутствует везде, и так открывается суть вещей. Получается, что мы живем в искаженном, одномерном или двумерном мире: одномерном, потому что в каждое мгновение мы обладаем только одной точкой зрения, а двумерном, потому что мы существуем в мире противоположностей.

Дни и ночи перемешались, я потерял счет времени. Моя жена понимала, что со мной происходит что-то необычное, и старалась меня не отвлекать и не разговаривать со мной. Ни о каком сексе не могло быть и речи — все физические и душевные силы принадлежали только концентрации.

Иногда самадхи происходило непроизвольно. Стоило мне только перейти на вибрационное дыхание, и какая-нибудь идея появлялась в голове (а неразрешимых идей у меня всегда было много), как я тут же погружался в самадхи.

Я не высыпался и никак не мог отдохнуть как следует, у меня трещала голова, а глаза болели от бессонницы. Я понял, что если так будет продолжаться, то не выдержу нагрузки. Тогда я вспомнил о лекарстве, которое моряки практикуют от всех болезней на свете. Я налил рюмку рома, выпил и заснул мертвым сном. Как я выяснил позже, алкоголь и кофе противопоказаны концентрации.

На работе мне сказали, что, если я не спущусь на землю, меня уволят. Дома я чувствовал, что все же надо каким-то образом замечать жену. И, кроме всего этого, настало время сдавать экзамены в

мореходное училище, чтобы получить диплом штурмана дальнего плавания.

Я получил диплом штурмана, на работе дела у меня пошли отлично, жена была мной довольна, но... Я потерял способность погружаться в самадхи. Как я установил, процесс накопления знаний, развития памяти и интеллекта, с его возможностями анализа и синтеза, противоречит процессу концентрации. Или одно, или другое.

Источники говорят, что творческий процесс открытия или изобретения — это что-то вроде мини-самадхи. Состояние самадхи несколько раз испытывал Платон. Где-то он упоминает об этом, говоря: «А Ксенофонт этого ни разу не испытал». Архимед, Платон, Ньютон и другие, безусловно, обладали хорошо развитой способностью к концентрации. У них не было экспериментальных лабораторий, и им не нужно было перегружать себя лишними знаниями.

Среди своего окружения я так и не встретил никого, кто проделал бы что-либо, подобное моим экспериментам. Сейчас мир не располагает к этому.

Итак, я наконец достиг последней и конечной ступени йоги? Не совсем так. Концентрация, созерцание и самадхи — это только начало йоги. Источники были правы, когда говорили: «Пусть йога сама о себе рассказывает, нужно только заниматься».

Тайны мироздания после моего личного опыта мучают меня не меньше, если не больше прежнего. Но для их постижения нужно снова войти в хорошую форму и вернуть способность к концентрации.

Я, как Алладин из «Тысячи и одной ночи», нашел волшебную лампу — метод с неограниченными возможностями. Можно обойтись без учителей, без научно-исследовательских институтов и учебников. Нужно только свободное время и... коврик.

Способ познания мира через самадхи существовал всегда, им пользовались в древней Индии, Китае, а особенно в древнем Египте. Очень многие люди обладали талантом концентрации безо всяких физических и дыхательных упражнений. Путь йоги, безусловно, не единственный.

Знание можно передавать с помощью объяснений, понимание передать нельзя. Знанием можно делиться с любым, пониманием — только с тем, кто испытал или пережил нечто подобное или обладал этим знанием с рождения.

Концентрация и самадхи ведут к непосредственному пониманию идей, мыслей и сути вещей. Тех, кто владеет методом постижения мира через концентрацию, называют посвященными.

Именно поэтому так много написано о методах йоги и почти ничего о результатах концентрации и самадхи. Каждый человек должен пройти все сам, никакой учитель не сможет помочь и передать знания, он в состоянии только указать метод или путь. Уже первый опыт самадхи дает больше понимания сути вещей, чем любое знание, переданное другими.

В той высшей действительности идеи — это реальные объекты, а у нас в сознании находятся только их проекции.

Сейчас, после всего, что я увидел и испытал в самадхи, я знаю: мир, в котором мы живем, является тенью или частью другого огромного реального мира, для постижения которого недостаточно наших понятий, мыслительных способностей и ощущений.

Послесловие

Когда-то я мечтал побывать в самых дальних уголках планеты и испытать все доступные человеку состояния. У меня было сильное побуждение искать, увидеть и узнать.

Я искал одно, а нашел совсем другое, возможно, более прекрасное. Его называют по-разному: Божественным присутствием, благодатью или, может быть, как-то еще. Что бы это ни было, оно

прекрасно.

Это состояние, когда сознание находится в сердце, а ум затихает. Тогда мир преображается, и даже неодушевленные предметы становятся живыми. Исчезает время, исчезают мучительные желания, а душа наполняется любовью. Наверное, это и есть счастье? Когда оно уходит, ты чувствуешь тоску, будто переживая смерть близких. Мир снова становится мертвым, и ты видишь его, как все обычные люди. Я много раз находил это состояние, терял и находил снова, в самых неожиданных местах, но никогда не мог удержать надолго.

Я думал, что сам руковожу своей судьбой. Мне казалось, что я капитан своего корабля, и могу вести его, куда захочу. Но мой корабль почти всегда разбивался о препятствия чужой воли, и я понял, что я только гребец. Я страстно хотел быть свободным, но на самом деле был прикован к своему веслу жизнью, работой, государством.

Я выбрал самую что ни на есть морскую специальность, но она отдалила меня от моря. Море было для меня объектом религиозного поклонения, а не предметом научного изучения. Я бы хотел быть не океанографом, а жрецом в Храме моря. Но это невозможно, и мне приходится всегда иметь дело с приборами, что-то измерять, складывать и записывать. Люди называют это наукой. Разве нужно вычислять и измерять то, что любишь? А я не хочу складывать цифры, я хочу просто любить море. Я понимаю, это глупо — сидеть на берегу и смотреть на море часами. Нужно работать, собирать данные, изучать их, делать научные выводы... и все же моя профессия убивает во мне любовь. Тогда я чувствую себя гребцом на галере.

Я много раз бросал весло, разрывал цепи и убегал. Но меня находили и снова приковывали. Иногда я приходил сам. Да, собственно, и убегать-то было некуда.

Но грести надоедает. А кто-то внутри постоянно нашептывает: «Беги! Попробуй еще раз! Ведь бежать так прекрасно, только тогда и ощущаешь себя свободным!» Потом ты снова попадешь в сети серой повседневности или, может быть, с энтузиазмом начнешь грести куда-нибудь совсем не туда, до нового разочарования. Мы живем в мертвом мире. Большинство людей даже не подозревают об этом. Я долго наблюдал, спрашивал, пытался понять, как воспринимают мир другие люди, и нашел, что мир одних очень страшен и еще более мертв, чем мой, и только немногие живут постоянно в одушевленном и всегда новом мире.

Мне кажется, с нами постоянно происходят два важных процесса: убегание от самих себя и возвращение к себе. Очень трудно оставить свой привычный мир. Когда убегаешь, становишься обнаженным и уязвимым. Бежать страшно, страх возвращает тебя в твой прежний мир и еще более разрушает его. Страх трудно победить. Но если удастся хотя бы ненадолго, ты становишься свободным и видишь мир необыкновенно прекрасным. Собственное действие, собственное переживание глубоко волнуют душу и забрасывают тебя на иной уровень восприятия. Это еще более яркая реальность. Это невозможно передать, этому невозможно научить, это нужно испытать. Из-за этого стоит бежать, даже если все будет продолжаться совсем недолго. Иногда желание свободы бывает невыносимым, и я становлюсь совсем безрассудным. Неизвестность, как женщина, волнует и зовет, стоит ей только поманить, как я забываю обо всем и начинаю снова мечтать о побеге. В сердце приходит любовь, страх отступает, и тогда я становлюсь по-настоящему счастливым.

...Я смотрю в окно из своего офиса и вижу берега Хайфского залива — вдали видна старинная крепость Акко. Я сижу за компьютером и складываю цифры (так я называю для себя участие в научной работе института). Иногда мы выходим в море, выполняя научную программу, набираем в память компьютера горы цифр и снова их складываем. У нас много водолазных работ от Акко до Ашкелона, но и под воду мы ходим в основном за цифрами. Море уже давно воспринимается всеми в виде формул и графиков, в то время как оно само, живое и дышащее, бьется о стены нашего института и иногда, во время сильного шторма, разносит наш цементный забор, заливая двор и нижний этаж.

Словом, я чем-то занимаюсь, и это моя внешняя жизнь. А внутренняя — наполненная и захватывающе интересная для меня самого — течет параллельно внешней и никогда с ней не пересекается.

Сейчас начало лета, и у нас в институте затишье — время отпусков. Море легко касается внешней

стенки здания, чувствуется его дыхание, слышен рокот прибоя и легкие всплески волн.

Я снова мысленно обращаюсь к событиям той ночи 13 декабря 1974 года.

Это не был побег в прямом смысле — из тюрьмы, от чумы или от долгов. Это не было и стремление к абсолютной свободе. К этому времени я уже додумался, что бежать можно только из одной тюрьмы в другую, а свободу обрести с помощью невероятных усилий изменением своей внутренней природы. Я не искал никаких материальных благ — за морями меня, скорее всего, ожидала такая же, как и здесь, зависимость от обстоятельств. Побег с корабля был духовным испытанием, научно-мистическим экспериментом или познанием себя — как угодно.

Я не планировал побег, как люди планируют экспедицию или собираются в дальнюю дорогу. И в то же время я был готов к побегу в любой благоприятный момент.

Нельзя сказать, что меня гнали прочь политические причины. Я чувствовал, что советская власть — это скрытое зло, и оно в той или иной мере присутствует во всем, что окружает меня. У меня было две возможности — изменить мир или изменить себя. Мои друзья диссиденты занимались первым, мои друзья христиане, йоги, буддисты — и я вместе с ними — пытались изменить себя.

Я подчинялся какой-то функции, но делал из себя человека, не был винтиком в общем механизме. Йога была мне нужна не как система упражнений, а как система освобождения. Занятия йогой в условиях крайней несвободы — это постоянное преодоление. Каждый момент в йоге давал мне капли свободы. Мне никто не мешал, я ковал себя.

Я искал способ по-настоящему опробовать свои силы, я желал совершить обряд Действия. В любом правильном действии должна присутствовать радость от его совершения, страсть, обнаженное чувство и обостренное внимание. Жизнь — это когда смерть стоит за плечами. Если ты в безопасности, ты не учишься. Внешняя часть выглядела как побег из одной страны в другую во времени и пространстве; внутренняя была в испытании «здесь и теперь» — на палубе корабля, в океане, на тропическом острове — в каждый данный момент. Смысл испытания был в изменении или, точнее, в разрушении своего прежнего «я». Конечная цель — выдержать, и совсем несущественно — выжить или умереть.

Я выдержал.

Успех был бы и в случае смерти.

Закончив далекий и трудный путь,
Я увидел то, о чем долго грезил,
И понял — нет Счастья за горизонтом,
А оно, как тень, безмолвное, Всегда рядом.

И все же я не могу смотреть без слез
На распускающиеся паруса,
А когда они исчезают вдаль,
Я чувствую, как будто мое счастье
Уходит вместе с ними.

Ванкувер. Хайфа. Иерусалим

Отступая от текста

О побеге

Бежали и до Славы, и после. Но всегда бежали от чего-то к чему-то. Славин побег необычен в том

смысле, что это не было «убегание от...» Это было торжество Действия, Великий праздник Поступка, где главное — само действие, как акт самопознания. В точке побега сошлись главные жизненные линии — страстное желание узнать мир и страстное желание познать себя.

На внешнем уровне — объявленный невыездным, он, гражданин Вселенной, навечно оказался пленником, запертым в тюрьме. Смириться с этим он не мог, ситуация требовала разрешения. Накопленный за двенадцать лет интенсивных занятий духовный опыт требовал реализации, испытания практикой. Слава искал Действия и был готов к нему. Побег оказался счастливой случайностью, идеально воплотившей возможность обретения внешней и внутренней свободы.

Эти дни, 13, 14 и 15 декабря Слава всегда вспоминал как самые счастливые в своей жизни и ежегодно праздновал, как дни духовного рождения.

Вообще действие было осью его существования. Если есть проблема, иди, действуй, делай, и она по мере твоего продвижения раскроется и разрешится. (Я однажды попросила объяснить мне что-то в упражнении хатха-йоги. Слава улыбнулся и сказал: а ты его сделай раз восемьсот, и уж тогда поймешь все так хорошо, как никто тебе не объяснит.)

Двойственность во внешнем виде и образе жизни. Кажущаяся простота лица, за которой внимательному взгляду открывалось чеканное лицо рыцаря, воина. Он казался невысоким, но рубашки не сходились на груди из-за могучего объема грудной клетки. Так же в жизни — за кажущейся простотой, аскезой, бедностью — аристократизм свободы от быта, от земного притяжения обстоятельств — курил сигары, любил хорошую аппаратуру. И в прозе: за простотой и безыскусностью стиля — сила уникального личного опыта.

Уютность, домашность во всем морском. Рассказывал, как готовил рапанов на Черном море: нарезать кусочками, поджарить с лучком, к этому еще картошечки — объединение.

Море — исконно родная стихия. А.В. Майер рассказывал, как в Геленджик приехала съемочная группа снимать материал об акванавтах (так тогда называли аквалангистов). Снимали эффектный кусок выхода на берег: «33 богатыря из вод выходят ясных». Последним вышел Слава — абсолютно голый. Он и забыл, что голый, просто ему так было удобнее.

В начале «Поиска пути» есть абзац о птицах, живущих в океане в тысяче миль от берега. Днем они отдыхают на мачтах проходящих кораблей, а когда суда уходят, остаются в своем родном небе, свободные, не вьющие гнезд, не ищущие пристанища. В рассказе, заключающем книгу солнце делит Вселенную на две части, небо и воду. Больше ничего нет, потому что больше ничего не нужно.

О смерти

По памяти передаю мысль Мандельштама (впрочем достаточно общеизвестную, так что привязка к автору необязательна): смерть художника не бывает случайной. Она — последний и, может быть, решающий штрих в картине его жизни. Слава умер, выполняя подводные работы в Кинерете. Как-то он рассказывал мне о поверий, по которому прямо над Кинеретом располагается Божий зрак, что этот зрак стоит над водой как столб от воды до неба. Место, где проходили водолазные работы — побережье Табхи, Евангельское место умножения хлебов и рыб и Нагорной проповеди — одно из самых священных мест христианства.

За несколько лет до этого Славу ночью на шоссе сбила машина. И это не была смерть. Он отлежался и через два дня вышел на работу. Потом он сорвался с корабля в море, снимая показания с

прибора за бортом. На корабле спохватились только через полчаса. Он плыл к берегу, его нашли и подняли на борт. И это тоже не была смерть.

Почему его жизненный путь, шедший так извилисто, через Россию, побег, океан, Канаду, Израиль окончился в Генисаретском море — не мне судить. Но если отрешиться от ужаса и боли смерти, то нельзя не поразиться точному и прекрасному абрису судьбы, абрису Пути.

Есть восточная пословица: «Какая стрела летит вечно? — Стрела, попавшая в цель».

Елена Генделева-Курилова

Рассказы

Город детства

Город Семипалатинск стал для меня местом, где я научился ходить и начал исследовать окружавший меня мир.

Мой мир был первозданным — в нем еще не было противоположностей «хорошо» — «плохо», и потому абсолютно совершенным и необыкновенно красивым.

Во дворе нашего дома у колодца с журавлем стояло какое-то зеленое неподвижное, но живое чудо. Наверное, я спросил о нем у взрослых. Слово «дерево» мне ничего не объяснило, но теперь, когда мне говорили «под деревом», я знал, что это означает «под Этим». Я смотрел на дерево и видел совершенную красоту. Я еще не знал, что в мире существует что-то несовершенное. Зеленые листочки, сухие веточки, сломанные или искривленные — все было красота. Некрасивое и даже безобразное я увидел позже, после долгого обучения взрослыми, упорно объяснявшими, что все в мире делится на «хорошее» и «плохое». Тогда же все вокруг было волшебной загадкой: наш дом, который казался мне прекрасным дворцом, двор — изумрудные чащи растений со своим особым миром насекомых, ворота с забором, куда можно было забраться, когда не видят взрослые, и заглянуть в широкий, еще не исследованный мир улицы.

Во дворе было еще несколько чудес: большой камень — я провел возле него бесчисленные часы, ни один драгоценный камень, виденный мной позднее, не смог сравниться с ним по красоте и загадочности; заросли шиповника у забора, где я прятался от назойливого внимания взрослых, открывая новое ощущение своего самостоятельного, отдельного от других существования. Но самое притягательное и таинственное был колодец, вызывавший священный трепет, когда удавалось заглянуть вглубь. Связанный страшным запретом подходить близко, я так и не мог вдоволь насладиться созерцанием нового для меня пространства глубины: раздавался предостерегающий крик, и меня оттаскивали. Каждое утро еще в кровати я придумывал новую экспедицию к колодцу. Потом его засыпали, и я переживал это как разрушение святилища.

Совсем близко от нашего дома, в конце Бульварной улицы, была ярмарка. Сюда со всех окрестностей съезжались казахи на лошадях и верблюдах — на сотни километров вокруг Семипалатинска были только стойбища казахов-кочевников и мелкие поселения. В центре города находились кинотеатр, парк и несколько магазинов. В хлебные толпились очереди по несколько сот человек, люди стояли целыми семьями, с ночевкой. Во время войны был открыт ресторан с отдельными кабинами.

Еды в доме не было, это были голодные годы. Сахар выдавали по карточкам, полкило на человека в месяц. Мои родители смеялись, когда я однажды сказал, увидев перед собой один кусочек сахара на столе: «А Сталин, наверное, кладет в свой чай два кусочка».

Мы с ребятами жили летом и осенью на подножном корму — находили грибы, ягоды, стебли растений и корни. Было одно небольшое растение со сладкими, толщиной в палец, корнями — их

мы жевали, а листья использовали для татуировки. Если приложить к телу веточку с листьями и подержать так некоторое время, то они целиком отпечатывались на коже и долго сохранялись. Мы украшали грудь, спину и ноги, а иногда и щеки красивыми рисунками из этих листьев.

Во время игры в казаки-разбойники мы, мальчишки, обегали за день весь город «от края до края» со всеми его достопримечательностями: вместительной тюрьмой у ворот города, сумасшедшим домом — с каким любопытством мы рассматривали людей за железной решеткой — и городской больницей на самом краю города, куда я попал ненадолго, когда сломал ногу во время игры в футбол с командой другой улицы. В центре города у кинотеатра стояли высокие деревянные конюшни и казармы — в них после войны размещался кавалерийский полк. Ворота конюшни выходили прямо на главную улицу, мощенную булыжником, а когда полк выезжал на учения, ржание лошадей и цокот копыт по мостовой сладко отзывались в сердцах мальчишек. Замирали и девичьи сердца, стоило лишь показаться на улице красавцу-кавалеристу: каракулевая шапка-кубанка набекрень, чуб выбивается на лоб, шашка на поясе приспущена так, что тащится по мостовой, высекая искры, вся походка небрежная, удалая и на губах играет усмешка.

Событием, разбудившим наш спящий город, стало строительство нового кинотеатра. Причиной тому был фильм «Тарзан» — очередь за билетами выстроилась такая же, как за хлебом, и не уменьшалась целый месяц — семипалатинцы, казалось, переселились к кинотеатру и не уходили домой даже на ночь. Вторую серию «Тарзана» весь город смотрел уже в новом, наспех отстроенном кинозале.

На железнодорожную станцию мы ходили, как в театр, встречая и провожая пассажирские поезда. Они стояли по сорок минут — целых сорок минут захватывающего представления. Оно начинается для нас, зрителей, объявлением: «Скорый поезд Москва — Владивосток вышел с соседней станции и прибывает на новый путь». Актеры-пассажиры выбегают из вагонов и заполняют сцену-перрон в поисках еды и кипятка. Для них звучит по радио веселая музыка, для них передают популярные песни. Только один вагон, третий от паровоза, остается безмолвным, у его подножки стоят конвоиры. Заключительная сцена представления. «До отправления поезда осталось пять минут», — объявляют по радио. Актеры виснут на подножках, машут нам руками и платочками. Опустевший перрон, внезапная тишина, непонятная грусть. Но вот уже вскоре мы слышим откуда-то шум приближающегося праздника. Подходит товарный поезд, известный всем нам под названием «пятьсот-веселый». Этот пассажирский поезд с дешевыми билетами ходит без расписания и стоит часами на каждом полустанке, так что дорога между городами занимает много дней, а то и недель. Номера поездов начинаются с цифры 500. В них нет воды и туалетов, зато есть одно достоинство — все места на двуспальных нарах только спальные.

Из вагонов выскакивают сумасшедше-веселые люди всех возрастов и пускаются в пляс под гармошку. К поезду сбегаются зрители и милиция. Местные торговки продают вареную картошку и соленые огурцы. У привокзального магазина собирается громадная очередь. Водку и пиво несут к поезду, зажав в растопыренных пальцах по несколько бутылок. На перроне кишит людской муравейник. Поют и пляшут непрерывно, иногда дерутся. Парни взасос целуют девушек на подножках и в тамбурах, а если находят неподалеку укрытие хотя бы с двух сторон, занимаются любовью в неудобных позах. Самых пьяных и счастливых, ползающих под вагонами, втаскивают на подножки и заботливо укладывают на нарах их менее пьяные товарищи. После неоднократных гудков паровоза местные жители и железнодорожники еще долго обшаривают все привокзальные помещения и соседние поезда с криком: «Эй, кто тут с пятьсот-веселого?» Последними бегут к вагонам парочки. Поезд медленно трогается. Из раздвинутых дверей товарных вагонов льются песни и веселые звуки гармошки. Железнодорожники и милицейские тяжело переводят дух, вытирая пот со лба. И тогда мы отправляемся на последнее вокзальное представление.

В стороне от перрона на запасные пути приходят поезда с заключенными. Взрослых близко не подпускают, а нам, мальчишкам, можно. У вагонов с решетками на окнах часами сидят на корточках сотни мужчин, по сорок-пятьдесят человек в группе. Вокруг них стоят конвоиры с винтовками, еле сдерживая рычащих собак. Люди в сером смотрят на нас, мы смотрим на них. Они из другого мира, тоже для нас непонятного. Здесь тяжелое молчание, грубые окрики конвоиров и неумолкаемое рычание псов. Заключенные зорко смотрят по сторонам, сначала лишь скашивая глаза и только потом медленно поворачивая голову. Мы ни разу не видели, как их отправляют в вагоны. Они всегда

сидят на корточках между путями, чего-то ожидая, и в жару, и в снег, и в дождь, окруженные конвоирами.

На широкой привокзальной площади иногда останавливался цыганский табор. Тогда цыганам не запрещали кочевать по степи в фургонах. Настоящее веселье в таборе начиналось с наступлением темноты и продолжалось далеко за полночь. Как они пели, как танцевали! Это были последние дни их привольной жизни, и они это знали — профессиональные предсказатели будущего. Вся молодежь города собиралась вокруг их костров. Мы приходили домой под утро, и родители пороли нас ремнями. На другой день мы убегали в табор снова.

За Семипалатинском начинался сосновый бор, тянувшийся на сотни километров. Сначала мы ходили туда пешком, а потом стали ездить на товарных поездах, вскакивая на ходу на поворотах или подъеме. Мы научились перелезать по поезду снаружи по закрытым вагонам, перескакивать с крыши на крышу, прятаться в подвесных ящиках под вагонами. Мы умели соскочивать на ходу: если поезд шел не слишком быстро, то, прыгнув, нужно было еще какое-то время бежать рядом с вагоном, держась за подножку, а если на большой скорости, то сразу падать на бок и кубарем катиться вниз.

Летом в бору мы чувствовали себя как дома, знали все его тайные тропы, искали грибы, ягоды и коренья, забирали у белок в дуплах запасы сухих грибов и орехов, жевали смолу с листьями смородины и приносили домой все найденное и добытое. В бору водились волки, зимой они ходили стаями и нападали на лошадей и проезжавших на подводах путников. На десятки километров вокруг не было человеческого жилья — исследуя все новые и новые лесные чащи, мы ни разу не встретили ни одной живой души.

С другой стороны от города тянулись непроходимые торфяные болота. Через них протекал ручей с кристально-чистой водой. Мы часто бегали туда копать червей. Там, в тени тополей, с листьев водяных лилий на нас с любопытством смотрели лягушки; когда мы неподвижно стояли в заводях по колено в воде и ловили пиявок, они тут же присасывались к ногам. Здесь, вдали от города, тишину нарушали только чистейшие первозданные звуки — пение птиц, стрекотание кузнечиков и кваканье лягушек, а ночью, когда все живое затихало, нежный, как хрустальный колокольчик, перелив ручья. Если бы родители позволили, мы непременно бы отправились вверх по Иртышу на Колыванский водоем, разлившийся среди ущелий и утесов, — место, которое Гумбольдт, объездивший весь свет, признал красивейшим в мире. Мы, мальчишки, исходившие десятки километров вверх и вниз по Иртышу, были с ним полностью согласны.

Берега Иртыша под Семипалатинском были совершенно дикие, на них не было никакого следа присутствия человека — ни осколка стекла, ни консервной банки, ни бумажки. Река выбрасывала на берег только упавшие стволы деревьев. Мы пили воду во время купания — она была чистой и вкусной.

В эти годы в окрестностях Семипалатинска не было ни одной свалки — мы, мальчишки, знали это точно. Ее тут же растаскивали: все могло пригодиться в обиходе. Можно было смело держать пари — в округе невозможно было найти ни одного ржавого гвоздя, ни кусочка проволоки. Битое стекло собирали и переплавляли на стеклянную посуду — ее всегда не хватало. Для нас, мальчишек, это было трудное время. Чтобы найти осколок стекла — перерезать веревку, мы пробегали несколько километров.

В сосновом бору мы пили воду из болот в низинах. Правило было очень простое: если есть лягушки, значит, вода питьевая, иначе лягушки в ней жить не станут. Незачем было носить с собой флягу или кружку: ненужная, лишняя тяжесть, подойди к любому водоему, наклонись и напейся — что может быть проще.

В излучине Иртыша напротив Семипалатинска был Чудо-остров. Нигде больше по берегам реки не росло таких огромных деревьев. Остров был необитаем. Когда во время весеннего половодья его заливало водой, мы любили плавать на лодке в чаще леса междудеревьями. Вода спадала к лету, и весь остров зарастал травой, такой высокой, что в ней мог бы спрятаться всадник. Чтобы найти дорогу, нам приходилось взбираться на дерево. Остров был разделен на три части протоками — одна из них называлась Холодный Бродок. Можно было целый день плыть на лодке и не видеть неба — деревья смыкались вершинами, и внизу был полумрак, как в джунглях. Иногда луч солнца пробивался сквозь чащу, от воды поднимался синий туман. Пение птиц днем, а вечером волшебная

тишина. Нам было страшновато, мы тихо опускали весла и вглядывались в полумрак берегов, словно индейцы, ожидающие нападения. Мы общались жестами, пугаясь звуков собственных голосов, и чувствовали себя первопроходцами.

На левом берегу Иртыша лежал поселок Жана-Семей — по-русски Новый Семипалатинск. Главной достопримечательностью его был мясокомбинат, где делали известную на всю страну семипалатинскую колбасу. Когда-то тысячи голов скота гнали из Монголии на этот мясокомбинат по улицам Семипалатинска. Местным жителям продавали иногда по благу головы, хвосты и ребра. Мясокомбинат имел дурную славу — сотни мужчин и женщин не вернулись домой с работы и были отправлены в концлагеря. За двести граммов колбасы во время войны давали без суда три года. На проходной комбината стояли известные по всей области охранницы-церберши, ощупывавшие каждого проходящего с ног до головы. Немало мужчин заплатились за наивную попытку пронести кусок колбасы между ног.

В хорошую погоду от Жана-Семей можно видеть плоское нагорье до самого горизонта. Путь туда — через беспредельную степь, поросшую ковылем и полынью. Дорогой попадаете много смешных сусликов — они стоят на задних лапках среди полевых цветов и смотрят вам вслед. В тех местах с давних времен жили миролюбивые и гостеприимные казахи-скотоводы.

Никто не предполагал тогда, что беда придет с этого безмолвного нагорья.

Однажды ранним утром селения казахов были разбужены гулом моторов. Всех жителей спешно посадили в грузовики и куда-то увезли. Чтобы успокоить местное население, объявили, что на этом месте будет строиться подземный аэродром. Степь наполнилась несмолкаемым гулом экскаваторов, бульдозеров, компрессоров. В верховьях Иртыша построили гидроэлектростанцию, и по реке поплыла вверх брюхом мертвая рыба в масляных пятнах. Первым пострадал Чудо-остров: в весеннее половодье воды стало меньше, перестала расти трава и обнажились корни деревьев. Холодный Бродок обмелел и скоро высох до дна. Потом Чудо-остров был раздавлен широкой автострадой. Мост проходил через Семипалатинку и дальше по руслу реки прямо в Жана-Семей. Холодный Бродок засыпали, деревья срубили для строительства барakov, весь Чудо-остров изрыли бульдозерами, а песчаные бури, пронесившиеся над Семипалатинском, засыпали его толстым слоем пыли. К подземному аэродрому нескончаемым потоком шли грузовики. Из-за мрачного ландшафта это место здешние жители называли «Луной». Моего друга Генку Смагина забрали в армию, и он служил на «Луне» в строительном батальоне. Родители радовались: сын приходил в увольнение каждую субботу и ночевал дома.

Я учился в автодорожном техникуме на последнем курсе; по субботам вместе с Генкой и еще тремя друзьями мы ходили на танцы.

Я помню странные лица моих товарищей и фразу «Генка умер».

— Как умер, совсем? — не веря своим ушам переспросил я.

— Умирают только совсем, — невесело пошутил приятель.

— Но он же был с нами на танцах позавчера, в субботу! Что случилось?

— Врачи говорят — кровоизлияние в мозг.

— Но он же ничем не болел, — не унимался я. Друзья пожали плечами.

Родители Генки потребовали произвести вскрытие и подали в суд. Но с ними провели беседу, они еще больше помрачнели и затихли. Мы хоронили Генку в запаянном гробу. Через месяц непонятно чем заболел наш общий знакомый, служивший там же, на «Луне». Он умер в больнице, и его тоже хоронили в закрытом гробу.

После смерти Генки мне пришлось побывать в районе «Луны» — у нас была практика по автовождению, я вел ЗИС-150, нагруженный цементными блоками. Дорога все время шла по пустыне, степь вымерла. Мы проезжали бесконечные строительные площадки, огороженные колючей проволокой, повсюду виднелись одноэтажные бараки армейских частей. В распоряжение одной из этих частей мы и разгрузили нашу машину. Я запомнил мрачные лица солдат, встреченных по дороге.

...Три года я не был в родном городе, и вот сейчас, демобилизовавшись из армии, еду к родителям. Путь мой лежит через Семипалатинск, и я выхожу на знакомом перроне. Дедушка с бабушкой умерли, в доме моего детства живут чужие люди, но соседи все те же.

Я иду навестить друзей, и радости нет границ: все недавно вернулись из армии, съехались со всех концов Союза. Мы снова, как когда-то, ходим на танцы, веселимся, кутим и не можем нарадоваться встрече. «А помнишь...» — повторяется много, много раз. С нами нет только Генки Смагина.

«А что происходит на «Луне», где он служил?» — спрашиваю я. «Там построили какой-то подземный аэродром и проводят какие-то секретные взрывы». Я осторожно расспрашиваю знакомых. Никто ничего не знает. Город живет своей обычной жизнью и никакими секретами не интересуется. «Правда, — рассказывают мне, — за три последних года построили несколько новых больниц — в старой не хватало места для больных белокрыем». Что такое белокрые, никто не знает и путают с малокровием. «Тут как-то через Семипалатинск шел поезд из Владивостока с японскими туристами. Что с ними было! Они заблажили дурными голосами, закрыли окна и двери и потребовали немедленно отправить поезд. Вот чудак! Над ними так смеялись!» Я прощаюсь с друзьями, с родным городом. На душе тяжелое предчувствие, что мы больше не увидимся.

Через год мы получили тревожное письмо из Семипалатинска от моей тети, а вскоре приехала и она сама с дочерью, оставив в Семипалатинске квартиру, мебель, все нажитое. «Все началось с сильного взрыва, — рассказывали они. — Стекла вылетели почти во всех домах, дверцы печей распахнулись, угли выпали на деревянные полы. Начались пожары». Именно тогда жители Семипалатинска узнали страшную весть: начались испытания атомной бомбы. Перед каждым взрывом жителей города оповещали о времени испытания и напоминали о мерах противопожарной безопасности. Взрывов было много, иногда три раза в неделю. Стекла вылетали постоянно, их вставляли за государственный счет. В больницах не хватало коек для больных лучевой болезнью. В городе началась паника, многие хотели уехать, но город закрыли на неопределенный срок. Первое время отпускали только к ближайшим родственникам. «Мы взяли лишь самое необходимое, все остальное бросили. Тот, кто успел, бежал...»

Летом 1957 года я в звании сержанта выполнял обязанности химического инструктора саперного батальона, расквартированного в Калининградской области. По полученному приказу нас, химических инструкторов, должны были отправить на боевые учения в район, где будет произведен атомный взрыв. Мы ждали отправки несколько дней, но приказ по неизвестной причине отменили.

Я никогда не забуду день, когда всех нас, химических инструкторов, собрали в клубе для просмотра учебного кинофильма, снятого в районе боевых учений с настоящим атомным взрывом. Это были именно те учения, в которых мы должны были участвовать несколько месяцев назад.

В зале погас свет, я читаю титры... «Совершенно секретно... Фильм снят на полигоне Министерства обороны в районе... Семипалатинска».

У меня темнеет в глазах. Не может быть! Я вижу чудовищное грибовидное облако, растекающееся над тем самым плоским нагорьем к западу от Жана-Семей. Подземный аэродром... «Луна»... Там строили пункты наблюдения за атомными взрывами. Три машины цементных блоков я привез туда и разгрузил своими руками.

В трех фильмах показывали несколько атомных взрывов. Диктор давал пояснения хорошо поставленным металлическим голосом. Экспериментальные сооружения, построенные на разных дистанциях от эпицентра взрыва, предназначенные для проверки на прочность. Тут же окопы, блиндажи, укрытия для людей. Войска располагаются по концентрическим окружностям, ближе и дальше от эпицентра. Очень много специальных приборов для проверки действия светового излучения, ударной и световой волн и проникающей радиации. Съемки производятся сотнями кинокамер, все очень профессионально, фильмы цветные. Камера медленно обходит расположения воинских частей. Жаркий летний день. Тихо. Суровые лица солдат. Видно, как начинают нервничать офицеры, попадая в объектив камеры. Один солдат зачем-то подметает окоп... Камера показывает экспериментальные сооружения. Над ними голубое небо с легкими облачками и жаворонки... Я вижу еще дальше степь с волнами ковыля, колючки, кустики полыни. Суслики стоят на задних лапках среди полевых цветов, смешно двигая ноздрями, принюхиваясь к чему-то, и смотрят туда, вдаль. Яркая вспышка. Красно-желто-черный столб уходит вверх и растекается зонтом под синим

небом. Остается только расплавленный дымящийся песок и камни... Большинство экспериментальных строений просто исчезает бесследно. А вот эти, деревянные, горят в клубах черного дыма. Танки катятся по выжженной степи, как детские игрушки, один застрял у расплавленного металлического остова какого-то сооружения.

Я плохо помню подробности фильмов, я не запомнил цифры. В зале было темно, и я плакал. Я видел совсем другие картины.

...Теплое, ласковое утро... Холодный Бродок. Высокие деревья сомкнулись своими кронами. Поют птицы. Мы сидим с удочками на галечном берегу. Река течет неровно — одни потоки воды текут быстрее других, образуя завихрения и водовороты. Вверх по реке медленно идет пароход, шлепая по воде лопастями-колесами. На мостике стоит толстый человек в белой фуражке и смотрит вперед из-под ладони.

В блиндаже у смотровых щелей расположилась группа генералов с лампасами, возле них бегают с биноклями суетливые полковники. Они часто прикладывают руку к козырьку, щелкая каблуками, что-то докладывая... Указка движется по картам и схемам... цифры... кадры уничтожения...

...Высокие сосны едва шевелят зелеными ветками. Песчаные холмы покрыты редкой травой и подснежниками — белыми и синими... Кое-где на северных склонах лежит темный снег. Рыжие белки спускаются на нижние ветви поглазеть на нас, невиданных гостей. Зайцы удирают в ближайшие кусты, прижав уши.

Там, где только что была степь, медленно растекаются клубы белого дыма. Из их центра вырастает черный столб до самого неба, распухаяверху черно-красным облаком. Оно медленно оседает вниз тонкими нитями-щупальцами, а потом черной медузой висит над землей. Генералы удовлетворенно смотрят в бинокли. В окопах копошится серая масса солдат. Они быстро достают что-то из сумок, вскидывают руки вверх — и на вас смотрят уродливые лысые головы с выпученными круглыми глазами-стеклами. Потом снова копошатся, и вдруг все скрываются под одинаковыми треугольниками промасленных бумажных накидок.

...Ручей журчит вечером нежнее, чем днем. Мы только что накопили червей и присели отдохнуть. Птицы уже замолкли. Только неугомонные лягушки продолжают квакать, нарушая тишину. Мы смотрим на запад. Далеко на краю степи заходит солнце...

Еще один страшный черный гриб медленно растет от земли до неба. На фоне громадного черного облака появляются фигурки в противогазах, защитных комбинезонах, с приборами на груди. Они измеряют степень радиации. По черной дымящейся земле идут танки, за ними бегут солдаты в противогазах, стреляя на ходу из автоматов. В дулах танков видны частые вспышки. Кругом масса искореженного металла и голые фундаменты.

...Мы пробираемся в траве выше человеческого роста, между деревьями Чудо-острова. Запахи цветов, травы и испарений земли опьяняют, как вино. Светает... Надо успеть к заводу — там хорошо клюет плотва перед восходом солнца...

Служу Советскому Союзу!

Я иду по мелкому перелесью. Густой кустарник перемежает рощицы. Но много и полян, и я стараюсь обходить подальше и кустарники, и деревья. Сначала кое-где виднелось зеленое: круг поляны, живчики листьев на деревце. Но вот уже четверть часа я не встречаю ни одной зеленой крапинки. Трава подо мной как выжженная — травинки все до единой черные, полегли плоским ковром с множеством затейливых узоров. Серые цветы напечатаны поверх черных рисунков.

Разгар лета 1956-го. Ужасно повезло: облака закрывают солнце, и не так жарко. В резиновых сапогах уже давно хлюпает вода. Пот стекает ручейками, гимнастерка и брюки промокли до нитки. Я

подальше обхожу деревья, они выглядят как-то странно, такого я никогда не видел. Это не зимние голые стволы с сухими ветками. Они были живы, да, живы: все тонюсенькие юные веточки расправлены широко в стороны и вверх, как руки в начале танца, и ясно вырисовываются на фоне неба; все листья целы, вот они все до единого повисли, как по команде, черными тряпочками.

Идти трудно, я стараюсь смотреть под ноги: не хочу наступать на лежащих повсюду зверюшек и птиц. Мне кажется, они просто заколдованы. Сейчас исчезнут чары, они вскочат и разбегутся кто куда, птицы вспорхнут на деревья, листья расправятся и нальются зеленым соком.

Я гулял в лесу бесчисленное количество раз, но никогда не подозревал, что в таком реденьком леске может быть так много живности. Теперь они лежат неподвижно передо мной на поляне. Вон там больше всего, они выбежали из этой рощи. Их заколдовали не сразу. Сначала козлоногий Пан затрубил в рог, ему отозвались птицы, и тогда все бросились к поляне — доселе самому опасному для них месту.

Но почему так много мертвых птиц? Они лежат на спине, расправив крылья, уткнувшись клювами в землю. Они все летели в мою сторону — наверное, из того леса, куда я должен идти по компасу. Черной стеной он стал в шестидесяти метрах от меня.

Я иду по ковру из мертвых насекомых — кузнечиков, стрекоз, бабочек и жуков. Вон выводок лисят — они бежали куда-то строем. А где же мамаша? Останавливаюсь, оглядываюсь. Да вот она, под ногами. Когда смотрю прямо, я не вижу, что делается в радиусе двух метров. Чтобы увидеть, нужно наклониться вперед и смотреть через стекла противогаза.

Утром нас разместили в открытом грузовике. Мы сидим на скамейках друг против друга и молчим. Дорогой, при каждом отрывистом крике «Газы!», мы быстро натягиваем маски и долго так едем, пока не получаем команду «отбой».

Это были не обычные учения. Мы на боевом химическом полигоне Министерства обороны где-то в Литве. Наш взвод привезли сюда ночью. В противогазах мы проезжали зараженные местности. Всего год назад для тренировок применялись пятипроцентные, так называемые учебные, отравляющие вещества. А с этого года впервые применяют боевые отравляющие вещества.

Мы ехали вдоль границы большого зараженного участка и ссаживали товарищей одного за другим. Грузовик останавливается.

— Курсант Курилов, приготовиться к выполнению боевого задания!

Сосед справа, москвич Эдик, напутствует:

— Гладиатор! На арену! «Идущие...»

— Прекратить разговорчики! — окрик с заднего борта грузовика. Это наш сержант, помкомвзвода украинец Дыбенко, по прозвищу «Солнышко». Он парит над нами, курсантами, в сиянии власти. Только раз он опешил и погас — когда спросил Эдика в казарме, кто спит на койке второго яруса:

— Кто выше тебя?

— Господь Бог! — ответил Эдик. Солнышко вытаращился и не нашел, что сказать.

Я беру снаряжение, спрыгиваю на землю и стою по команде «смирно» — ноги вместе, руки по швам, корпус прямо, взгляд перед собой.

— Защитный химический комбинезон — надеть!

Время ограничено. Сотни раз мы их надевали и снимали «на время», пока все движения не стали автоматическими. Быстро надеваю резиновые штаны с ляжками — защиту от разъедающих кислот, снимаю сапоги и, придерживая портянки, чтобы не размотались, надеваю специальные резиновые сапоги. Поверх гимнастерки натягиваю резиновую рубашу с длинными рукавами и капюшоном, пристегиваю ее к штанам специальными буклями. Низ рубашки двойной: вторая полоса спускается поверх застегнутых буклей.

Мыльным карандашом я натираю стекла противогаза с внутренней стороны и замираю по стойке «смирно» с откинутым капюшоном и сумкой с противогазом на плече.

— Газы!

Мгновенно надеваю противогаз и набрасываю капюшон. Потом осторожно навешиваю на шею прибор для определения отравляющих веществ и их концентрации. Поверх всего — сумка с рожками патронов и автомат.

— Курсант Курилов к выполнению боевого задания готов! — громко кричу в противогаз. На расстоянии двух шагов это звучит как «му-у-у-у!» На тренировках мы обычно мычали — слов все равно не разобрать.

— Курсант Курилов! Выполняйте приказ!

Делаю четкий поворот «кругом» и строевым шагом, высоко поднимая ноги, направляюсь к ближайшему лесу. Позади шум отъезжающего грузовика. Когда шум замирает, я оглядываюсь. Широкое поле, покрытое высокой, по пояс, травой. То есть не поле, а море цветов — ярко-красных, желтых, синих. Ни души. Поют птицы, летают бабочки, стрекочут кузнечики. Близится полдень.

...Осторожно перешагиваю через лисицу. Она лежит на правом боку, пасть приоткрыта, в уголках губ белая пена. Вон какие-то серые бугорочки. Догадываюсь: зайцы. Я топчусь над ними и не могу оторваться, хотя память хлещет утренние наставления: «...боевое задание... в максимально короткий срок... с высокой эффективностью...»

Ищу глазами черные точки-капельки. Останавливаюсь, снимаю крышку прибора. Внутри рядами стоят пробирки. Нужно разбить их одну за другой. В них вложены другие, поменьше, с влажными трубочками белых ваток. Несколько разбитых пробирок ничего не показывают. Ватки остаются белыми.

Я достаю следующую. Она быстро желтеет, коричневеет, и вот наружный краешек ватки становится черным.

«Азотистый иприт» — читаю я на панели символ этой пробирки. Концентрация опасная — узнаю я по интенсивности окраски. Это и так видно.

Наш учебный взвод роты химической защиты 26-го гвардейского полка ордена Красного знамени, ордена Суворова какой-то степени, ордена... такой-то дивизии — в лаборатории. На стенах развешаны учебные пособия: схемы, диаграммы, рисунки о БОВ — боевых отравляющих веществах и БРВ — боевых радиоактивных веществах.

Мы сидим в противогазах и грубых резиновых перчатках с пятью короткими пальцами. Перед каждым тяжелый металлический ящик килограммов на десять весом — прибор для определения БОВ. Нужно развить в себе тонкое искусство брать толстыми пальцами малюсенькие пробирки из гнезд, разбивать их и вкладывать обратно трубочки с ваткой.

— Зарин и зоман — общедовитые быстродействующие отравляющие вещества, способные мгновенно поражать дыхательные пути противника, вызывая паралич... — монотонно бубнит помкомвзвода. И вдруг приглушенно: — Встать! Смирно!

Все встают, кроме двоих. Они уютно уткнулись гофрированными трубками в раскрытый прибор, стекла противогаза, как широко открытые немигающие глаза, смотрят в пространство, локти на столе, плечи обвисли. Марсиане.

— Противогазы снять! — рявкает сержант. — Курсанты Давидов и Громов, за сон во время боевой учебы два наряда вне очереди! [\[1\]](#)

Марсиане встрепенулись и уныло встают, не снимая масок. Они не спали эту ночь, отрабатывая вчерашние наряды вне очереди, полученные за сон во время позавчерашней боевой учебы.

— Газы! — орет сержант.

Снова надеваем противогазы.

— Приступить к занятиям!

— Азотистый иприт, — продолжает сержант, — при попадании в дыхательные пути вызывает общее отравление организма. При попадании на открытые участки кожи вызывает долго не заживающие язвы и часто приводит к заражению крови...

Стекла запотевают все больше. Мыльная пленка, нанесенная карандашом, долго не держится.

Даже при чистых очках обзор ограничен, нужно все время поворачивать голову, наводить их прямо на объект; теперь же края стекол безнадежно затуманились, и ничем не поможешь, я знаю это по опыту. Раньше я протирал их бровью, слегка сдвигая резиновыми пальцами маску противогаза, но теперь, покосившись на зверюшек, разбросанных повсюду, задумался. Уже давно я ощущаю специфический запах, не принадлежащий моему снаряжению. Неужели клапан пропускает? Я не чувствовал ни головокружения, ни тошноты, ни металлического привкуса во рту — начальных признаков отравления. Пришлось осторожно натянуть резину на лбу, чтобы протереть сначала одно стекло левой бровью, потом правой — другое.

Портянки, намокнув, сползают в просторные резиновые сапоги и натирают ноги. Сильно хотелось пить, я был голоден. Утром мы съели обычный завтрак — две столовые ложки перловой каши, масла я не почувствовал, три стакана чаю (я знал, что пить долго не придется) с двумя кусочками сахара и триста граммов черного хлеба. Летом дневная порция хлеба на сто граммов меньше, чем зимой: восемьсот граммов. Я уже давно забыл, что значит быть сытым. Каждый из нас, не моргнув, съел бы всю кашу, выдаваемую в кастрюле на десятерых.

Дышать становилось все труднее. Я пошел тише, стараясь не прикасаться к веткам. Черные комочки листьев и вершины деревьев зашевелились. Ветер, догадался я. Успеть бы пройти рощу до того, как он усилится. Лучше избежать отравленного дождя с веток и листьев. Ветер тонко посвистывал вверх, но черные лоскутки качались бесшумно.

Недалеко от лагеря было большое поле, зараженное хлорацетофеноном — так, кажется, называли этот слезоточивый газ. Как только ветер дул оттуда, мы плакали. Все до одного. Мы даже привыкли плакать. Сначала, правда, мы находились в лагере в противогазах, снимая их только на время еды и сна, но потом нашли, что лучше плакать, чем постоянно носить эти стягивающие, сжимающие голову резиновые чулки. В противогазе воздух не вдыхается, а всасывается. Нам приходилось делать многочасовые марш-броски и бегать. Внезапно одни солдаты срывали противогазы, а другие, покрепче, нередко теряли сознание. Если противогаз впору — он жмет. Бритоголовые мальчики из ударных химических батальонов, которым постоянно приходилось работать с БОВ (они проходили первыми и готовили местность для нас, химической защиты) недаром брили себя наголо: малейший волосок — щель, и вдобавок, причиняет боль.

У нас на полигоне никто не халтурил — не вытаскивали стекло из очков, не отвинчивали гофрированную трубку, чтобы дышать помимо коробки-фильтра. Наши лица были красные, как после пощечин, с кругами, выдавленными вокруг глаз... Спать в противогазах больше не заставляли после нескольких смертельных случаев в соседних частях.

Итак, мы служили плача. Однажды прибыл генерал, командующий химическими войсками округа. Ветер подул с зараженного полигона. На плацу перед палатками выстроились все плачущие подразделения. Наш плачущий командир проорал:

— Смирно! — слезы текли по его щекам. — Равнение... на... право! — и, особенно вычеканивая прусский строевой шаг, высоко вытягивая вперед прямую ногу, пошел к плачущему генералу.

— Товарищ генерал... — оба стояли к нам вполоборота, — рота химической защиты 26-го гвардейского... — Они оба плакали крупными слезами и шмыгали носом.

Мы тоже плакали, глядя на них, по стойке «смирно».

Когда же кончится этот лес? Я шел, запинаясь, не разбирая дороги. Ветви хлестали меня вовсю, но я уже не уклонялся и только слегка ощущал их за толстой резиной комбинезона. И все время наступал на что-то мягкое, но под ноги не смотрел, не останавливался, только раз в трех шагах заметил голову молодого оленя с короткими рожками, полуоткрытыми глазами и пеной у рта.

Утром мне показали на топографической карте маршрут, около пяти километров. Лес должен кончиться, я выйду снова на широкое поле. Там увижу служебные бараки — конечный пункт.

Лес поредел. Открытые поляны чаще. Наконец кругом только черный кустарник. И вот я в поле. Стали попадаться зеленые островки травы. Заулыбались яркие цветы.

Чуть левее, вдали я заметил высокую мачту с флагом, а под ним какие-то строения. Воды в сапогах прибавилось, будто я шел по болоту. Страшно хотелось пить, дышалось с трудом — я

втягивал воздух длинными порциями. Слегка кружилась голова.

...Несколько дней назад меня назначили охранять какой-то объект. Я заступил на пост перед рассветом.

Было тихо. Были звезды. Я прохаживался с автоматом у склада-блиндажа, уходящего под землю и огороженного столбами с колючей проволокой. Железные двустворчатые ворота были заперты на замок. Я не спросил, что находится внутри.

Где-то близко защелкал соловей. И сразу проснувшиеся прежде свистуны и щебетуны умолкли. Маленький волшебник заворожил всех. Молчали птицы, молчал, внимая, лес.

Светало. За блиндажом и проволочным ограждением вырисовывались деревья. По другую сторону — поле со скошенной травой. Когда совсем рассвело, я увидел в полсотне метров штабеля железных бочек в два этажа. Они занимали все поле, за ними стояла сплошная стена леса. Этих бочек были тысячи. Я приблизился и пошел вдоль штабелей. На них были обычные надписи, номера заводов-изготовителей, даты годности продукции и... мне стало не по себе... цветные полосы точно тех расцветок, как на нашем приборе.

— Иприт, — определил я. — А весь этот штабель — азотистый иприт.

Некоторые бочки потекли. Маслянистая жидкость обволакивает крашенные железные поверхности и тускло просвечивает. Вдали защебетали птицы, и я вернулся к подземному складу. Эти бочки уж точно никто не украдет.

Первые лучи достали деревья. Роса, испаряясь, затуманила лес. Соловьиные трели и щелканье, торжествуя, проникали повсюду — в дупла и норы, в заячьи убежища, в крошечные обитатели жуков и бабочек, в птичьи и пчелиные гнезда, в укромные чашечки цветов, где ворошились и нежились букашки. Были в этом пении такая радость и такой покой, как в давнем стихотворении, которое мы заучивали в детстве и не понимали:

...защелкал, засвистал.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда, внимая соловью,
Пастушке улыбался.

Долго пел соловей. Я даже не заметил, как пришел наряд.

— Товарищ сержант, никаких происшествий не было! — отбарабанил я, слушая соловья. Мы обошли блиндаж. Сержант, начальник караула, проверил печати на замке железных ворот.

— Курсант Курилов боевой пост сдал!

— Курсант Кожевников боевой пост принял!

...Я подошел к баракам и увидел других марсиан, делающих знаки подойти к ним. Они были одеты как я — все матовое, блестели только стекла противогазов. Один схватил меня за руку, поставил на цементную плиту, другие стали окатывать из шланга белой жидкостью. Потом указали место, где раздеваться. Забрали автомат, сумку с рожками и химический прибор. Затем существа в противогазах сняли с меня резиновую рубашу, резиновые штаны и сапоги и тут же унесли для дегазации. Я остался в мокром, хоть выжимай, обмундировании. Встал в большое железное корыто с широким бортиком по краям, снял противогаз — его тоже унесли — и вытянулся по команде «смирно»: подошел ротный командир.

Стоя в корыте с водой, руки по швам, я отчеканил:

— Товарищ капитан, курсант Курилов боевое задание выполнил!

Ротный, стоя перед корытом также по стойке «смирно», озабоченно принял рапорт, отдал честь:

— Хорошо, идите.

Я молодежато повернулся в корыте по команде «кру-гом» и шагнул по воде строевым шагом вон за железный бортик. Одна портянка осталась в корыте, другая размоталась и тащилась сзади длинной тряпкой.

Улыбающийся Эдик встретил меня: «О Боже, я, раненный насмерть, играл, гладиатора смерть представляя!»

После душа я надел мокрое обмундирование, нашел свои кирзовые сапоги — их привезли машиной. Я успел выпить, не отрываясь от крана, полведра воды, когда за спиной на плацу разнеслось:

— Взво-од! Строиться! — предстоял разбор боевого задания.

Мы выходили по одному перед строем. Когда подошла моя очередь, я показал по карте границы зараженной местности, наличие азотистого иприта и его концентрацию.

— Курсант Курилов! За отличное выполнение боевого задания объявляю благодарность с занесением в личное дело!

Я бодро рявкнул в ответ:

— Служу Советскому Союзу!

Аркадия

Там, на берегу Черного моря, в моей счастливой Аркадии, какие у меня были друзья! Настоящие морские дьяволы, а я был только их учеником. В них было что-то первобытное, дикое, будто родились они не в городе и силу свою добыли не в спортзале, а были вскормлены и выращены волчицей в глубоком ущелье.

Саша Драгун — высокий голубоглазый блондин с широкой грудью и вьющимися волосами до плеч — настоящий викинг. Ему тогда было семнадцать лет, в море он чувствовал себя увереннее, чем на берегу, и плавал как дельфин. Девушки таяли, глядя на него, но он смотрел сквозь них и проходил — сквозь. Никто не умел нырять со скал так, как Саша. Он подходил к самому краю, расправлял грудь, взмахивал руками и, оттолкнувшись ногами, взмывал вверх естественным движением, как птица, а потом зависал так над краем скалы — тело выгнуто дугой, голова закинута назад, руки широко распахнуты — и, медленно поворачивая тело в воздухе, продолжал парить почти до самой воды. Я учился у него этому полету над водой. Все мы трое выходили из моря на берег только чтобы поесть и поспать, но Саша никогда не занимался подводным плаванием, как я и Виктор, он просто погрузился в глубину первый раз и тут же освоился со всем, как будто умел всегда.

Одетым и брюки и рубашку я видел его всего один раз. Тарзан устраивался на службу, и я подтверждал его славное водолазное прошлое. Мы прощались надолго (оказалось — навсегда). Проводив его, мы просидели несколько часов на берегу, молча глядя в море.

Витя Капустин — лучший водолаз и подводный охотник на всем побережье от Севастополя до Ялты — приземистый атлет, с ног до головы покрытый рыжими волосами, комок мышц и сухожилий. Ему ничего не стоило сбегать за бутылкой водки в поселок высоко в горах, километрах в двадцати от берега, и вернуться через пару часов. Виктор часами мог плавать в ледяной воде и находил большую черноморскую камбалу, зарывшуюся в песок, там, где мы только что проплыли, ничего не заметив. Он сделал открытие — и мы стали считать это нашей профессиональной тайной: оказывается, когда морской скат проплывает над спрятавшейся в песок камбалой, он машет кончиками круглых крыльев на одном месте, взмучивая песок, и тогда открываются спинка и плавники камбалы.

Лучше камбалы нет рыбы на Черном море, она нежная и жирная, с огромной печенью (килограмма на два) и тремя-четырьмя килограммами вкуснейшей икры в икрыных мешках. Весной и осенью ее можно было найти на глубине пятнадцать-двадцать метров, а летом — глубже пятидесяти.

На подводную охоту мы уходили в море втроем, чаще в бурную погоду, чтобы нас не засекли пограничники, заплывали далеко в море и ныряли на пятьдесят-шестьдесят метров с аквалангами.

Вода на такой глубине ледяная даже летом. Водолазных костюмов у нас не было, холодная вода обжигала обнаженное тело, мы только прикрывали затылок шапочкой и надевали теплые носки. А когда выходили на поверхность, наши пальцы оставались скрюченными и не разгибались, а задубевшие тела долго оттаивали. Если я задерживался наверху, а Саша и Витя уходили в глубину, то я видел далеко внизу двух человечков-муравьев, ползущих по крутому склону, уходящему в синюю бездну. Я мог бы их и не заметить, если бы время от времени от них не отделялся пузырь воздуха величиной с футбольный мяч. Он уходит вверх метров на двадцать, лопается, дробится на мелкие пузыри и грибовидным облаком поднимается к поверхности. Кажется, что склон внезапно обрывается, и при взгляде вниз появляется чувство, будто подходишь к краю пропасти. Иногда наши глубиномеры доходили до отметки шестьдесят метров, а мы уходили вниз по склону еще глубже, преследуя плывущих рыб. У самого дна мы видели десятки скатов, морских лисиц, стаи катранов — черноморских акул и изредка морских петухов — вкусная рыба, видом действительно напоминающая петуха, с цветными плавниками, торчащими в разные стороны. Камбала плавает в воде, как огромный блин. Если попадаете особенно большая — до метра в диаметре, Капустин подает знак, Саша кидается на нее с копьём, — подводных ружей у нас не было, мы охотились с копьём и ножом. Короткая схватка — и, наступив коленом на бьющееся тело рыбы, Саша насаживает ее на кулан. Обычно удавалось взять несколько рыб, воздух кончался, и мы всплывали. На глубине двадцать метров мы входили в теплый температурный слой, как в горячую ванну.

Мы оставляли рыбу в укромных местах в бухте, а ночью доставали ее и прятали на берегу. Петя-милиционер регулярно получал свою долю и не интересовался, откуда у жителей ближайшего поселка появлялась на столе свежая камбала. Цена рыбы на рынке в Симеизе и Ялте была высокой, и мы покупали на вырученные деньги хлеб, овощи и вино.

Берег моря считался пограничной зоной, вечерами там нельзя было находиться без разрешения. Кроме того, было много других запретов, не говоря уже о нашем нелегальном мелком бизнесе. В Союзе даже все что можно — нельзя, мы испытали это на себе не раз. Хотя официально я и работал на морском полигоне Севастопольского гидрофизического института инженером и водолазом, жить на берегу мне запрещалось. Жить в городе я не мог — не было прописки. Я оставался на работе допоздна и тайком ночевал либо в служебных помещениях, либо на скале в море, либо в палатке на берегу. Пограничники запрещали ночевать на берегу, гулять у моря и купаться после наступления темноты, потому что это была граница государства. Милиция запрещала ночевать всем без прописки, институт запрещал находиться в районе экспедиции посторонним, а также всем — в нерабочее время. Лесничество запрещало, потому что это был их подконтрольный лес, в этом месте близко подходивший к морю, и они брали за нарушение штраф двести рублей (двухмесячную зарплату). Иногда мы с Сашей устраивались спать на плоту, привязанном к вершине подводной мачты, стоявшей метрах в восьмистах от берега. Только уляжемся, нас засекает мощный прожектор, установленный пограничниками, и, значит, патруль уже направляется к нам, и мы должны успеть добраться до берега, чтобы спрятаться где-нибудь в море у береговых камней. Обычно мы с Сашей ныряли с дыхательными трубками и отсиживались в глубоких бухтах, пока нас искали.

Каждую ночь я ходил купаться в море, несмотря на строгий запрет пограничников. Когда луч прожектора, равномерно скользивший по берегу, приближался ко мне, я быстро превращался в камень или корягу. Превратиться в камень — значит принять какую-нибудь неестественную позу, спрятав голову, руки и ноги. Иногда берег просматривается очень внимательно, тогда лучше прятаться в тени береговых камней или сделаться «продолжением камня» — так обнять камень, чтобы он стал чуточку больше. А лучше всего изображать камень на мелководье — дежурный пограничник не помнит точного расположения камней и коряг.

Сегодня вечером у меня гости, мы идем купаться, и я провожу короткий инструктаж, как обмануть луч прожектора. Если тело негибкое, лучше превращаться в корягу.

— Приготовиться! — луч совсем близко.

— Начали!

Камни из моих друзей получились, прямо скажем, не ахти, но, главное, неподвижные, а вот коряга вышла, как настоящая: одна девушка случайно запнулась и упала. Нам приходится еще раз стать камнями на мелководье — там даже не нужно прятать руки и ноги, достаточно просто согнуть

спину дугой.

В море мы берем с собой бревно, с ним проще обмануть пограничников. Сначала мы ныряем в стороне от бревна, пусть пограничники рассмотрят его хорошенько и привыкнут к его присутствию. А я тем временем провожу несколько тренировочных погружений.

Луч приближается. Мы медленно уходим в воду, не оставляя кругов. Если пограничники заметят что-то подозрительное, то постараются удержать нас в световом пятне и тут же вышлют наряд по рации. (Со мной этого не случилось ни разу, хотя я купался каждую ночь.) И на этот раз все проходит благополучно, луч, не задерживаясь, скользит мимо.

Наигравшись в прятки с прожектором, мы отдыхаем в тени бревна, а после на берегу я провожу разбор купания и присваиваю своим гостям почетное звание «черноморских контрабандистов».

В лагере у меня была ручная змея. Я даже не знаю, была ли она ядовитой, — это было совершенно неважно. Она была некрупная, полтора метра в длину, и жила под большим камнем возле моей палатки.

Я часто кормил ее, а когда поблизости не было людей, мы вместе гуляли. Я очень гордился ее дружбой. Меня не раз выручали два правила: если вблизи появляются ядовитые насекомые или змеи, нужно тут же замереть, не шевелиться, и оставаться так, пока опасность не минует, а если случается заночевать под открытым небом, просыпаться только «одним глазом», то есть не двигаясь, слегка приоткрыв глаза и осматриваясь сквозь ресницы.

Как-то раз, заночевав на берегу, в густой траве, я в темноте разложил спальник прямо на змеином гнезде и понял это только утром, когда увидел, что змеи так и кишат вокруг. Часа два я потратил, чтобы уйти оттуда, то делая едва заметные движения, то замирая. В другой раз я из любопытства раздвинул куст, куда уползла красивая большая змея, и увидел ее головку в десяти сантиметрах от своей переносицы. Так мы и застыли, не шевелясь, оба в чрезвычайно неудобной позе: я — больше всего боясь моргнуть, а змея — свесившись откуда-то сверху. Только через полчаса, когда она отодвинулась от лица на расстояние вытянутой руки, я смог наконец убрать голову из куста.

Однажды во время водолазных работ я потерял баллончик от огнетушителя — мы использовали его для подачи сигналов под водой. На нем была надпись на немецком языке. В Союзе осталось много иностранного оборудования со времен Второй Мировой войны. Я возвращался из Ялты в Кацивели, где располагался наш лагерь. Еще издали я заметил много военных кораблей, стоящих через равномерные интервалы вдоль всего берега. У наших палаток я увидел человек сорок пограничников во главе с майором и встревоженного шефа.

— В чем дело?

— Сегодня утром была по тревоге поднята Черноморская эскадра и все пограничные заставы от Ялты до Севастополя. Ищут подводников-диверсантов. Вчера поздно вечером на дне у скалы Дива обнаружен баллон иностранного происхождения со сжатым воздухом. Вот он, — показал майор.

— Да это же наш баллончик от огнетушителя! — радостно узнал я родное имущество, набранное с миру по нитке в беготне по знакомым мастерским. — Два дня назад я обронил его со скалы. Мы ловили крабов.

Мы очень зауважали его, когда он впервые появился у нашего дерева и сплел искуснейшей работы сеть, играющую всеми цветами радуги. Мы показывали эту сеть гостям как одну из достопримечательностей лагеря. Кто-то устроил жертвоприношение, посадил в центр паутины живую муху. Паук с мохнатым телом величиной с виноградину и головой с горошину мгновенно появился на арене и вонзил в нее два маленьких клыка. Муха рванулась и замерла.

Паук, не выпуская ее, ловко перебежал в конец паутины, высосал добычу и выбросил пустую шелуху. Начиная с пятой мухи, он по-прежнему быстро хватал жертву, но уже не ел, а только опутывал паутиной и подвешивал к краю сети. К тринадцатой мухе паук подошел не спеша, опутал ее небрежно несколькими ниточками и подвесил там же, где поймал. На другой день мухи трясли сеть, как мяч волейбольную сетку, а паук дремал в своем углу, никак не реагируя. В конце концов он так разжирел, что бродил, сучно пошатываясь, мимо живых мух, бьющихся на сети.

Уже несколько дней мы не приносили жертв, реквизировали всех подвешенных мух маленькими ножницами и ждали, когда паук возьмется за ум и починит свою разорванную и обезображенную мухами сеть. Ее уже нельзя было показывать туристам.

Мы сидели у костра в ожидании ужина. Виктор готовил камбалу по-гавайски. Рыбина толщиной в мужскую ладонь и величиной с таз лежала в золе, обернутая большими листьями. Мы были голодны и распалялись от запахов. Вокруг костра разместились гости, лучшее белое крымское вино уже было разлито по стаканам. Виктор снимал листья с дымящейся рыбины. И тут на край листа села муха. Виктор ловко поймал ее и, сделав знак подождать, с мухой в руке отправился к дереву с надписью «Не беспокоить! Паук».

— Ну как там? — закричали мы.

— Порядок, — донеслось от дерева.

Виктор вернулся к костру с высоко поднятой головой и, взглянув на гостей, бросил гордо, как о товарище, не посрамившем чести: «В отличной спортивной форме!»

С нами на берегу жила кошка. Она очень любила внимание, ходила всегда впереди всех танцевальным шагом, хвост трубой, повиливая задом, как манекенщица на подиуме, и при этом часто оглядывалась, проверяя, смотрят на нее или нет. Я подобрал ее в море слепым котенком — она барахталась в воде у скользкого камня — и выкормил мелкими рачками, креветками и рыбой (молока на берегу было не достать). Еще котенком она пропадала на мелководе, ловила лапкой креветок и зазевавшихся рыбок. Море она нюхала, как нюхают суп, в котором много всякой вкусной всячины. Она карабкалась по нашим ногам, как по дереву, требуя еды, и непременно морской. Ничего другого она не ела, мыши могли цепляться за хвост — ноль внимания.

Однажды в шторм она вскарабкалась Виктору на плечо, оцарапав его до крови, и стала орать в ухо, требуя еды. Он только что выпил стакан водки и, улыбаясь чему-то, уже наливал другой. Виктор вздохнул, отставил стакан, посадил кошку на волосатую грудь и отправился по тропинке к морю. Когда они вместе вернулись, кошка принялась умываться и отряхиваться, а Виктор допил водку и сообщил:

— Мы ныряли за креветками.

— Кто это мы? — не понял я.

— Мы с кошкой.

Кошку пришлось приобщать к воде, чтобы море было для нее не только супом в тарелке, с края которой она выгребала вкусных креветок. Потом я не раз видел их с Виктором под водой в бухте на глубине трех-четырех метров.

Кошка стала самостоятельно ходить на рыбалку в шторм и, когда волна окатывала ее с головой, уже не пугалась, а продолжала выхватывать когтями из воды мелкую живность.

Метрах в восьмистах от берега мы установили под водой мачту с приборами-датчиками, по которым вели наблюдения. К торчащему из-под воды концу мачты привязали канат, соорудили плот из пустых бочек с деревянным настилом и, перебирая руками по канату, плавали на нем к мачте. Кошка увязалась ходить с нами на плоту. Мы добывали ей креветок и рыбу, она съедала все, урча от удовольствия, и дожидалась нас, пока мы работали под водой. Порой большая волна смывала ее в море, она подплывала сама — хвост трубой, кончик хвоста загнут, как флюгер, глаза витаращены и быстро-быстро перебирает всеми четырьмя лапами. Если ее сносило течением и она не могла доплыть самостоятельно, кто-нибудь нырял за ней и брал ее на плечо, а она, стоя на задних лапах, передними держалась за его голову. Как-то раз ее смыло при подходе к берегу, и никто этого не заметил (она не мяукала в воде, боясь захлебнуться). Она выплыла сама и пришла в лагерь следом за нами как ни в чем не бывало.

По вечерам мы собирались за большим столом под деревьями на берегу. У нас часто бывали гости, и кошка любила выступать перед ними. Ей разрешалось все что угодно, кроме одного — лазить по столу. Однажды, возвратившись вечером с моря, я увидел такую картину: кошка танцевальным шагом разгуливает по столу между стаканами, а гости любуются и от восхищения чуть ли не аплодируют. Время от времени она останавливалась, осматривалась — нет ли нас поблизости

— и продолжала свое представление. В эту минуту появился Саша, только что вышедший из моря — мокрые вьющиеся волосы спадают на плечи, струйки воды стекают по телу. Он направился к столу и тут увидел кошку. Долго не думая, он сгреб ее за лапы, закинул за спину и вытер ею обе лопатки. Потом перекинул на грудь и вытерся несколько раз, как полотенцем. И обтерев ею же лицо, небрежно запустил за спину, даже не посмотрев, куда она улетела. Гости онемели, а Саша, рассеянно бросив «привет», подсел к столу.

Примерно в тридцати метрах от берега среди огромных камней стояла скала. Часть ее вершины была стесана, и там свободно размещались несколько человек. Позади была уютная бухта, где мы держали наш плот и откуда выплывали с аквалангами в море во время шторма. На случай плохой видимости мы проложили по дну канаты и часто ночью по этим канатам-тропинкам отправлялись на охоту с подводным фонарем. Иногда я приглашал гостей — обычно это были девушки — на ночную прогулку. Большинство опускались под воду впервые, да еще ночью, да еще на глубину более десяти метров. Мы были телохранителями новичков. Наш маршрут пролегал мимо подводных скал, через гроты и заросли морских водорослей, в подводные пещеры. Гости обалдевали от впечатлений. Потом на вершине скалы мы устраивали вечера при луне и при свечах. Как-то в разгар такой вечеринки Виктор подошел к краю скалы и исчез. Гости застыли и уставились на нас, не понимая нашего спокойствия. То, что было нормально для нас, казалось им чем-то абсолютно невероятным. Я незаметно подал Саше знак успокоить девушек. Он встал, на мгновение задержался у края — и так же просто, как и Виктор, полетел в темноту. Мы спали на этой скале и привыкли нырять с любой ее точки днем и ночью.

Когда не было гостей, мы устраивали роскошные пиры на скале для нас троих. Почти вся наша еда была из моря — камбала, мидии, крабы, водоросли, рапаны, пателлы. Капустин готовил камбалу и моллюсков, я искал грибы в лесу, делал салаты. Мы пировали молча. Мы привыкли к языку жестов под водой, выражение глаз, движение губ, едва уловимый поворот головы заменяли нам слова. Да и нужно ли было нам говорить, если мы привыкли постоянно быть настороже, если наше внимание и наши чувства были обостренными и настороженными, как у диких животных, помогая нам мгновенно реагировать на опасность и быть счастливыми и умиротворенными, когда ее не было. Шорох гальки в полосе прибоя мы еще издали могли отличить от шороха гальки под ногами патруля, плеск волн в тихой бухте мы не путали с легкими ударами воды о борт пограничного катера, дежурившего в этом районе, а появление любого плавучего предмета в море вносило в наш мир едва уловимый, но тут же заметный для нас диссонанс. Когда пограничники с собаками приходили обыскивать берег, мы доставали спрятанные на глубине акваланги и уходили переждать тревогу далеко в море, всплывая там, где не шарит луч прожектора. Вокруг было такое богатство красок, звуков, запахов, прикосновений воды и воздуха к обнаженной коже! Мы отвыкли от стен и электричества, солнце, луна, костер на берегу давали нам свет и тепло и были нашими друзьями и сообщниками.

Само бытие было наслаждением, даром, который мы не замечали, потому что он казался таким естественным!

Это была наша счастливая Аркадия.

Это была свобода...

Ночь и море

Я не могу забыть ту ноябрьскую ночь. Если бы кто-нибудь рассказал мне, что видел Средиземное море абсолютно неподвижным и гладким, как озеро, я бы, возможно, поверил, потому что вспомнил бы эпизод из Библии, когда Иисус Навин попросил Бога остановить солнце. Ведь если солнце остановилось, наверное, и море может стать неподвижным?

Наше небольшое научное судно следовало курсом на восток в открытом море вблизи берегов Египта. Это был обычный рейс с остановками через каждые десять миль для выполнения научной программы. В намеченных точках судно ложилось в дрейф, за борт спускались океанографические приборы для измерения физических величин.

В первые дни рейса на палубе до полуночи не прекращались разговоры, смех и музыка. На корме в вечерние часы было даже слишком многолюдно для такого небольшого судна, но вскоре людей стало меньше. В конце второй недели никто уже не любовался заходом солнца, не стоял неподвижно на баке и не беседовал с рулевым на капитанском мостике. На очередной океанографической станции появлялись молчаливые люди-роботы и, выполнив работу, исчезали в каютах под палубой.

Тот вечер был необычным. Край солнца легко коснулся горизонта, солнечный диск стал увеличиваться до огромных размеров, расплываться и покачиваться. На нем появились темные полосы, пятна и силуэт далекого судна. Большое красное полушарие продержалось еще минуту-другую — и остались только небо и море. Я отстоял свою вахту, но спать не хотелось. Море как будто затаилось — ни малейшего ветерка. Берег Северной Африки был по карте сравнительно близко, каких-нибудь сорок-пятьдесят миль, но вокруг, насколько хватало взгляда, не было видно никаких признаков земли.

Только что закончились очередные измерения, приборы показались на поверхности воды, заработала машина, корабль развернулся, набрал ход и взял курс на восток — к следующей точке.

Я вышел на корму — она была безлюдной. Небо оставалось безоблачным, не считая одного-единственного кучевого облака, внезапно выросшего на западе у самого горизонта. Если бы я не видел, как оно появилось, я бы не поверил, что это облако. Над нами в небе величественно парил остров. Фиолетовые горы четко выделялись на фоне темно-красного неба, и над ними сиял серп молодой луны. Небо, сначала подсвеченное снизу солнцем, потемнело, но луна становилась ярче и освещала вершины гор сверху, сохраняя их четкие очертания. Горы поднимались все выше и выше. Серп луны чуть-чуть опустил над серединой острова. Прошел час, другой — остров не удалялся. Создавалось впечатление, что мы движемся вокруг него: показались новые, ранее не видные вершины; освещенные луной склоны чередовались с густыми тенями скрытых долин. Наш корабль, казалось, становился все меньше и меньше на фоне гор, двигаясь кормой вперед, не в силах вырваться из их магического притяжения.

Когда луна приблизилась к самой оконечности острова, на ее пути оказался склон высокой горы. Очертания острова стали расплываться, он удалялся и выпускал корабль из своего притяжения. Наконец остров исчез в темноте, как будто опустили занавес.

Меня позвали в лабораторию подготовить приборы. Обязанности заставили меня находиться внутри корабля несколько часов. Корабль сбавил ход и медленно двигался к следующей намеченной точке без малейшей качки, как будто мы вошли в порт и приближались к причалу.

Еще раньше я заметил, что море ведет себя как-то странно. Меня так и подмывало подняться и посмотреть, что там происходит. И вот я закончил работу, рванулся по трапу наверх, на палубу, и побежал к борту судна.

«Такого не может быть!» — невольно прошептал я. Но это было. Море исчезло. Под нами была бездна, усыпанная яркими звездами. Созвездие Ориона, перевернутое, оказалось далеко внизу. Плеяды были и над головой, и в глубине бездны, под днищем судна. Корабль плавно парил в пространстве в центре одной гигантской сферы. Поверхность моря была неподвижна и совершенно прозрачна. Было очень тепло. Густой неподвижный воздух, пропитанный ароматами моря, хотелось потрогать рукой. Все вокруг нас было залито прозрачным звездным светом. Тени мачт и надстроек судна висели прямо в пространстве. Линии горизонта не было видно. Звезды сверкали везде: и внизу, и вверх. Чуть впереди на носу судна из ничего появлялись светящиеся нити и тут же рассыпались множеством огоньков. Временами откуда-то снизу, из-под днища судна, вспыхивало яркое зеленоватое свечение. Машину остановили. Корабль мягко скользил по инерции. Стало очень тихо. У носа судна послышался нежный рокот бурунов. Периодически множество фосфоресцирующих искр превращали буруны в россыпь огней, а тот же загадочный яркий источник окрашивал буруны мертвым матово-зеленым светом. Я пытался найти этот источник, заглядывал вниз и с правого, и с левого борта, но взгляд проваливался в бездну, и я видел только звезды.

Ни малейшего дуновения ветерка. Очень тихо. Я напряг слух: не слышен ли шорох движения звезд?

Мачта чуть качнулась — это на палубе заработала лебедка, вбирая в себя часть троса.

На корме, за бортом, где трос с гирляндой приборов уходил в ничто, появилась стая парящих в пространстве рыб на фоне звезд. Трос, двигаясь, высекал спирали фосфоресцирующих огней, что и привлекало зрителей-рыб.

Между Большой Медведицей вверху и ее зеркальным отражением внизу были видны непрерывные вспышки молний. Откуда они, если нет облаков?

Корабль лег в дрейф и завис в пространстве. Набегавшись от носа к корме и от борта к борту, я взобрался на мачту, удобно устроился и оказался в самом центре Вселенной. Скопление звезд у Млечного Пути в одной стороне неба было ярче, создавало густые тени. Там, внизу, среди звезд, я увидел и собственную тень.

Шел час, другой, третий. Прямо из ничего — там, где должна была находиться линия горизонта, — рождались все новые и новые созвездия.

Обычно Венера протягивала тоненькую светящуюся дорожку к борту судна, но на этот раз струйки света попеременно с маленькими звездочками вертикально стекали вниз, к той, другой, Венере.

Яркое зеленоватое свечение периодически вспыхивало под днищем судна с обоих бортов. Сполохи молний среди звезд слабо высвечивали черту горизонта, как будто там шла война с инопланетянами.

Под утро звездный свет погас, а на востоке стал медленно растекаться густой бордовый цвет, окрасивший поверхность воды багряными узорами. И следом за ним, закрывая гигантское ночное представление, показался краешек солнца, окончательно разделивший Вселенную на море и небо.

Очарованный странник

«Путь» — увлекательная книга, и ее, несомненно, оценят по достоинству читатели самых разных пристрастий. Перед нами рассказ человека, преодолевшего почти неодолимые препятствия, свидетельство его духовных поисков, прозрений и, наконец, просто хорошая литература. Каждый читатель может найти в ней отголоски некогда пережитого. Кто не мечтал в детстве о дальних морях и странах? С годами несбыточное забывалось, но для автора этой книги не существовало понятия «несбыточное».

Слава Курилов совершил свой побег в тридцать восемь лет, и первый вопрос, который ему задали на острове Сиаргао, был: «А зачем?» В книге мы находим несколько ответов на этот вопрос. Он жил в стране, превращенной в гигантскую тюрьму, в жестоком замкнутом пространстве: «Жить в атмосфере ненависти и страха — медленное самоубийство». Казалось бы, ответ прост, все ясно и отчетливо, как на черно-белом снимке, но для автора книги «Путь» это лишь первое и поверхностное объяснение. Прошрое в его прозе постепенно обретает цвет и глубину, воспоминания о черноморской Аркадии — это память о счастье. Слава не раз задавался вопросом о причине своего побега, размышлял об этом и нашел другой ответ: «Это не был побег в прямом смысле — из тюрьмы, от чумы или от долгов... Побег с корабля был духовным испытанием, научно-мистическим экспериментом или познанием себя — как угодно».

Он принадлежал к редкой и драгоценной породе странников и духовидцев. Такие люди были во все времена: они проходили свой духовный путь в монастырской келье, в постижении мистических глубин йоги или в реальных странствиях с единственной целью — поиска единения с Богом. Тому, что Слава рассказывает о моментах пережитых откровений, веришь, за попытками передать, описать их чувствуется подлинность. Он одновременно созерцатель и действователь, он подчиняется тайному зову и в миг почти неминуемой смерти оказывается в ином мире, в доме, освященном Божественным присутствием. Человек, затерянный в ночном океане, напрягает все силы, упорно пробивается сквозь шторм и в то же время, пишет Слава, «мое состояние было таким, как если бы я, задумавшись, тихо брел ночью по дороге вдаль от человеческого жилья». Таков таинственный путь очарованного

странника.

Слава Курилов был, без преувеличения, легендарным человеком. О нем не раз писали в Канаде, Америке, Израиле, России, его проза переведена на несколько языков. История его жизни напоминает приключенческий роман в духе Стивенсона с поправкой на реалии нашего времени. Легендам свойственно сводить жизнь героя в стройный сюжет: по воспоминаниям близких, первое произнесенное им слово — «вода». Слава с детства мечтал о море, хотя в его Семипалатинске о море знали лишь понаслышке. Он выбрал профессию океанолога и после окончания вуза работал в Институте океанологии при Академии Наук СССР. Параллельно изучал социальную психологию в Педагогическом институте, затем окончил штурманское училище. Казалось бы, такая насыщенная жизнь, но позже он напишет о том времени: «Я бы назвал всю свою жизнь непрерывным сном, за исключением тех мгновений, когда я был по-настоящему пробужден». В этой книге повествуется о пробуждении, духовной свободе и побеге, который он определил как обряд Действия.

«Побег» заканчивается появлением в деревушке солдат и арестом Славы. Филиппинские власти заподозрили его в шпионаже, он оказался в тюрьме, но весть о беглеце облетела остров, и познакомиться с ним приезжали из самых отдаленных уголков. Через полгода Слава Курилов получил разрешение уехать в Канаду. Там его история тоже привлекла внимание, о нем много писали, он стал знаменит. Но он любил вспоминать не об этом, а о месяце, проведенном в джунглях, о плаваниях на исследовательском судне. В 1986 году Слава Курилов переселился в Израиль и стал сотрудником Хайфского океанографического института. Мы познакомились в мае 1990 года, в день нашего приезда в Израиль, так что иерусалимская жизнь началась с его поразительного рассказа. Скромный, непритязательный, Слава совсем не походил на супермена и предпочитал держаться в тени. Но для друзей было важно его присутствие: в этом странном, обаятельном человеке чувствовалось спокойное мужество и внутренняя свобода.

29 января 1998 года Слава Курилов погиб во время подводных исследований на озере Кинерет. Он верил в предзнаменования, а в этот раз они были явными: за несколько дней до смерти он слишком долго пробыл под водой, вызволяя напарника, запутавшегося в рыболовных сетях. Их подняли наверх, когда в баллонах уже почти кончился воздух. Слава имел право отказаться от работы в свой последний день, но не сделал этого. После его смерти по-иному читаешь знакомые строки: «Жизнь — это когда смерть стоит за плечами... Конечная цель — выдержать, и совсем несущественно — выжить или умереть. Я выдержал. Успех был бы и в случае смерти».

Слава похоронен в Иерусалиме, на старинном кладбище, неподалеку от потомков рыцарей-тамплиеров, странников прошлых времен, на улице Эмек Рефаим. На похоронах друзья говорили о его аскетизме, доброте, кто-то назвал его праведником. «Это не доброта, а кротость. Он был философским человеком», — заметил человек, хорошо знавший Славу. «Разве Слава занимался философией?» — «Не занимался, а жил. Просто он так жил...»

Один из героев этой книги — океан. В океане таится прошлое мира, под толщей воды можно разглядеть тени старинных кораблей, финикийские галеры, каравеллы Колумба, а в самой его глубине скрыт невидимый дом, освященный Божественным присутствием. События, о которых Слава Курилов рассказал в книге, тоже проходили на разных «глубинах»: за решительными, порой безрассудными действиями, резкими изломами судьбы скрывалось ровное упорство странника, идущего своим путем. Он требовал полной самоотдачи и множества жертв. «Закончив далекий и трудный путь, я увидел то, о чем долго грезил, и понял — нет счастья за горизонтом, а оно, как тень, безмолвное, всегда рядом...» Но такие судьбы и такие пути не измеряются общими мерками, их смысл нам неведом. Путь закончен — или он продолжается? «Море исчезло. Под нами была бездна, усыпанная яркими звездами... Корабль плавно парил в пространстве в центре одной гигантской сферы... Я взобрался на мачту, удобно устроился и оказался в самом центре Вселенной. Скопление звезды Млечного Пути в одной стороне неба было ярче, создавало густые тени надстроек. Там, внизу, среди звезд, я увидел и собственную тень».

Елена Игнатова

Из интервью с Еленой Генделевой-Куриловой

Беседовала Нино Абесадзе

— Отношения с морем у него были мистические. Он рассказывал, и в книге есть этот эпизод, когда он сидел на берегу моря в Крыму и вдруг почувствовал, что море на него «смотрит» — всеми своими волнами, всеми гребнями.

Тогда и свершился контакт его сознания с этой стихией. Это было духовное единение, его союз с морем. Потом любовь утвердилась. Он часами мог сидеть, слушать, любоваться морем. Это было настоящее общение двух любящих субстанций, любовные отношения между ними. Но была и земная часть их «взаимоотношений».

— Море, Бог и Йога — это те три вектора, которые сошлись в одной точке — в точке побега, в точке прыжка и в тех трех сутках в океане. Все это главные составляющие славиной души и его личности. Все это и привело его к «фокусу». И был прыжок.

Впервые Слава приехал в Израиль в 1985 году. Он был желанным гостем. На него был огромный спрос. Передавали его друзья друг другу из рук в руки.

— Мы с ним познакомились на дне рождения нашей общей приятельницы, 25 июля 1985 года. И больше тогда не виделись. Он прожил здесь три месяца и вернулся в Канаду. И часто вспоминал потом Израиль. Его тянуло сюда безумно — к солнцу, к морю, к людям из России. И он вернулся.

И они вновь встретились совершенно случайно, ровно через год со времени первого знакомства — 25 июля 1986 года. На улице, на автобусной остановке рядом с домом, в котором жила Лена и адреса которого он тогда не знал.

Венчались Лена и Слава в Вифании, в церкви Гефсиманского монастыря...

— От Славы исходило такое спокойствие и такая сила, что одно пребывание рядом с ним просто вылечивало. Мы прожили вместе всего одиннадцать лет, но именно благодаря им я живу и по сей день и совершенно не ропщу на судьбу. За эти годы я получила больше любви и тепла, чем могла мечтать. Люди такого, может быть, не получают за всю жизнь.

— Слава смерти не боялся. Прочитав книгу, вы поймете, что он «бывал» в том мире. Он, наверное, как всякий человек, боялся смертного часа и мучений, и смертный страх ему был хорошо знаком, но самой смерти он не боялся, зная, что это — продолжение жизни. Когда-то мы с ним говорили об этом, и он объяснил, что страха быть не может быть, что это совершенно разные вещи — земная жизнь и то, что находится за ее пределами. Наверное, поэтому я и могу жить после его смерти. Я ведь знаю, что для него не существовало вопроса: есть ли жизнь после смерти?

Для него было однозначно, что это — продолжение жизни в других категориях. Вот чего он действительно боялся, так это немощи. Он боялся быть прикованным к постели, к капельницам, ко всевозможным трубкам. Он незадолго до смерти побывал в больнице у нашей знакомой, и это привело его в такой ужас, что он даже впал в депрессию на какое-то время. Аксенов, когда ему сообщили, что Слава умер в Галилейском море, сказал: «Какой изящный абрис судьбы». И я с ним согласна.

Это был холодный день 29 января 1998 года — день тяжелой водолазной работы. На работе была и Лена, сотрудник израильского телевидения. Незадолго до трагедии в сети запутался приятель Курилова (они ходили парами), и Слава его распутал. А потом запутался Слава. И приятель стал его распутывать. Он разрезал нить, но к этому времени Славе уже стало плохо. Когда его подняли на поверхность, он махнул рукой, но когда его выносили на берег, его уже не было в живых.

— Когда он умер, у него было такое величественное лицо, как у древнего рыцаря или воина. При жизни оно у него было совсем другое — невероятно доброе, кроткое. А после жизни появился отпечаток величия. И была какая-то странная улыбка. У меня даже слов нет ее описать. Как бы улыбка знания. Потом она исчезла. А моя связь со Славой не прекращается до этого момента. Я, конечно, могу говорить только за себя, потому и не имею права сказать, что мы с ним так и не расставались, но душа моя соседствует с его душой — это точно, с тех пор, как мы с ним вместе. Это я не боюсь сказать, а декларации про то, что любила, люблю, буду любить, заставляют меня чувствовать себя дискомфортно...

Посмотрите [фотографии](#)

История публикаций

Впервые отрывки из повести «Побег» появились в газете «Новое русское слово» (США), В.П. Аксенов рекомендовал ее на номинацию лучшей публикации года, но неудачно. В 1985 году в «Континенте» напечатан рассказ «Служу Советскому Союзу». В 1986 журнал «22» (Израиль) полностью опубликовал повесть «Побег». В 1993 журнал «Портрет» (Израиль) поместил рассказ «Ночь и море». В том же году в российском «Огоньке» появился сокращенный вариант повести «Побег», объявленный лучшим материалом года. В 1994 году во французском издательстве «Хашет» вышел французский перевод повести.

OCR&SpellCheck.— KostiK. 17.02.2005, B.K. 1.12.2005

Литературно-художественное издание

ББК 84(0)6

ISBN 5-94117-148-X

Слава Курилов

ОДИН В ОКЕАНЕ

Редактор *Мария Богданович*

Художественный редактор *Валерий Калныньш*

Корректор *Татьяна Тимакова*

Верстка *Оксана Куракина*

Изд. лиц. № 00985 от 17.02.2000.

Подписано в печать 08.09.2004.

Формат 70x108 1/32.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Заказ № 507.

Издательство «Время».

115326 Москва, ул. Пятницкая, 25.

Телефон (095) 231-18-77.

<http://www.vremya.ru>

e-mail: books@vremya.ru

Отпечатано на ФГУИПП «Уральский рабочий»

620219 Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>

e-mail: book@uralprint.ru

[1] Существуют очередные наряды: работа на кухне, чистка туалетов — и внеочередные как наказание. Их отрабатывают после отбоя, за счёт сна. Один наряд может быть длительностью во всю ночь, но без четверти пять провинившийся обязан лечь в койку, чтобы в пять встать вместе со всеми.

[Библиотека сайта «[Роза Мира](#)»] © 2005-2006